

Г.В. Залевский

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В шести томах

Том первый

Томск
2013

УДК 159.9
ББК 88
З 23

Редакционная коллегия:

Э.В. Галажинский, Т.Г. Бохан, В.Г. Залевский,
Н.В. Козлова, Н.А. Кравцова, Т.В. Рогачева,
С.В. Смирнова, А.В. Соловьев

Залевский Г.В.

З 23 Избранные труды : в 6 т. – Томск : Томский
государственный университет, 2013. – Т. 1. – 264 с.

ISBN 978-5-9462-1383-7 (т. 1)

ISBN 978-5-9462-1382-0

Избранные труды профессора Г.В. Залевского отражают главные направления его научных интересов и многолетних исследований в психологической науке и практике: вопросы теории и методологии психологических и психопатологических исследований (т. 1), конкретные экспериментально-психологические исследования личности в норме и патологии с акцентом на фиксированные формы поведения – понятие, введенное автором в психологию и психопатологию в 70-х гг. прошлого столетия (т. 2), проблемы клинической психологии и психологии здоровья (т. 3), вопросы психологической практики (психотерапия и консультирование) и психологической супервизии (т. 4), составление многоязычных психологических словарей, переводы психологических руководств по поведенческо-когнитивной терапии и консультированию (т. 5). Том 6 отчасти является автобиографическим и, кроме того, содержит почти публицистические по актуальности материалы, которые сегодня интересуют широкий круг читателей.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9462-1383-7 (т. 1)
ISBN 978-5-9462-1382-0

© Залевский Г.В., 2013
© Томский государственный университет, 2013

К 75-летию Г.В. Залевского

Теория и практика многогранной личности

В опыте многих народов есть интересное наблюдение: те люди, которым досталась очень трудная стартовая ситуация, в своей жизни добиваются гораздо большего, чем все другие. Наверное, такая же идея заложена во фразе «Self made man» – «человек, сделавший самого себя», которая весьма распространена в западном мире, особенно в Америке. И эти мысли в полной мере относятся к члену-корреспонденту Российской академии образования, доктору психологических наук, профессору Г.В. Залевскому со всеми его формальными и неформальными регалиями и статусами, о которых мы скажем чуть ниже.

Мальчишка военных лет, в чью жизнь народная трагедия вошла не просто абстрактным понятием, а реальными «страшными» дядечками – фашистами на украинской земле, которые даже квартировались в их доме, – он рано почувствовал не только любовь со стороны родных, но и ненависть к тем, кто губит и разрушает чужие счастливые жизни. Скорее всего, детское подспудное стремление противоборствовать злу и предопределило его миссию благородного служения людям на психологическом поприще.

Сразу после Великой Отечественной была учеба в школе, окончив которую семнадцатилетним юношей, он поступил на работу на одну из шахт Донбасса. О таких, как он, в те годы звучали слова песни: «Там на шахте угольной паренька приметили, руку дружбы подали, повели в забой...». В 1958 г. был призван в ряды Советской Армии, и не куда-нибудь, а в ракетную часть в Группе Советских войск в Германской Демократической Республике. Служить в войсках подобного рода в те времена было трудно, но одновре-

менно престижно и почетно. Многие стороны армейской закалки позднее пригодились в разных жизненных перипетиях юбиляра.

После службы, когда Г.В. Залевского досрочно демобилизовали для поступления в вуз, он выбрал Сибирь и поступил в Иркутский институт иностранных языков им. Хо Ши Мина (ныне Сибирский лингвистический университет) на отделение немецкого и английского языков. Трудовой и армейский стаж, высокая ответственность, возраст (старше своих однокурсников на 5–6 лет) предопределили и интенсивность, и качество учебы зрелого студента. Он был в те годы Ленинским стипендиатом (в СССР этот статус был попрестижнее, чем любые современные президентские стипендии в рамках СНГ), избирался секретарем комсомольской организации всего института, комиссаром группы студентов-спортсменов, совершивших пеше-лыжный переход от Байкала до Урала, Северного Кавказа, Крыма, Белоруссии (февраль – май 1967 г.). Молодой задор, кипучую энергию и студенческую романтику тех лет Г.В. Залевский навсегда вплетет в свою судьбу.

После окончания вуза с красным дипломом Генрих Владиславович сначала был оставлен на преподавательской работе, а затем направлен на продолжение учебы в статусный для того времени Московский педагогический институт им. В.И. Ленина, где стал аспирантом кафедры психологии. С учителями и наставниками ему повезло. Заведующим кафедрой в то время был известный советский психолог А.В. Петровский, научными руководителями стали ведущие ученые педагогической и психологической науки Н.Ф. Добрынин и М.С. Роговин. И как в прежние времена, ученик с благоговением и уважением относился к своим учителям, а наставники уверенно гордились своим надежным воспитанником. Всего один нюанс: материалы из диссертации Г.В. Залевского в 1970 г. были опубликованы в трех номерах «Журнала психиатрии и невропатологии им. С.С. Корсакова». В аспирантские годы диссертант достаточно успешно общался и даже консультировался у таких известных деятелей отечественной науки, как В.А. Артемов, Л.И. Божович, В.В. Давыдов, Б.В. Зейгарник, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, А.Р. Лурия, А.В. Снежневский, Д.Б. Эльконин и др.

Интересно, что первый оппонент его кандидатской диссертации, кстати, предложивший оценить кандидатскую диссертацию Генриха Владиславовича как докторскую, профессор Ф.Д. Горбов готовил первого космонавта Ю.А. Гагарина к легендарному полету. Уверенно можно говорить, что учеба и жизнь в Москве стали мощным научно-исследовательским фундаментом для всей последующей теоретической и практической работы.

После защиты кандидатской диссертации Г.В. Залевский некоторое время работал в Иркутске, но основная его сибирская эпопея связана с Томском. Именно здесь он проходил и проходит основные вехи своей профессиональной биографии: член-корреспондент РАО, действительный член Академии педагогических и социальных наук, руководитель лаборатории медицинской психологии НИИПЗ СО ТНЦ АМН, директор Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии ТГУ, председатель диссертационных советов, основатель и редактор «Сибирского психологического журнала». Что характерно, каждая должность и каждый статус для Генриха Владиславовича не столько официальное положение, сколько возможность проявить свое призвание, врожденные добросовестность и ответственность, свои профессиональные и человеческие таланты.

Что касается сугубо формальных показателей его деятельности, то их можно привести сегодня только обобщенно, поскольку даже названия опубликованных работ в несколько раз превысят объем данного сообщения. Он автор более 320 печатных работ, в том числе 12 монографий и учебных пособий, среди них «Фиксированные формы поведения» (1976), «Теоретические основания психологического и психопатологического исследования» в соавторстве с М.С. Роговиным (1988), «Психическая ригидность в норме и патологии» (1993), «Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии)» (2004), «Основы бихевиорально-когнитивной терапии и консультирования» (2002, 2006), «Личность и фиксированные формы поведения» (2007), «Введение в

клиническую психологию» (2010), «Психологическая супервизия» (2010), соредактор коллективной монографии «Ценностные основания психологической науки и психология ценностей» (2008); соавтор «Психологического практикума» (1972), «Психологического словаря» (1981); автор оригинальной методики «Томский опросник ригидности» (1987); переводчик и научный редактор ряда книг зарубежных авторов (2002); составитель-редактор двуязычных немецко-русского, французско-русского и многоязычного русско-англо-немецкого словарей (1999, 2004, 2006).

Творческое, с достоинством и высочайшей энергией выполнение Г.В. Залевским самых различных функций и обязанностей позволяет говорить о нем как богатой многогранной личности, каждая грань которой светится, искрится и радуется окружающих красотой, уникальностью, ориентированностью на благо людей. Невозможно осветить богатство этих граней, но мы попытаемся это сделать хотя бы в значительно «усеченных» размерах.

В качестве *основателя концепции фиксированных форм поведения*, а также *автора разрабатываемых им в последние годы ценностно-целостного подхода и биопсихосоциопсихической модели природы человека и его здоровья в контексте интегративной антропологической психологии* Г.В. Залевский проявил себя одновременно отличным методологом и педагогом, теоретиком и экспериментатором, исследователем и практиком. Широта его научных взглядов, творческий потенциал, острый и в то же время корректный полемизм, способность хорошо разбираться в самых запутанных проблемах обусловили высокие потенциалы динамизма его взглядов. Всего одна деталь. Когда в начале XXI тысячелетия в отечественной науке стала быстрыми темпами развиваться экономическая психология, Г.В. Залевский с глубокой обоснованностью вместе с В.Г. Залевским в ряде статей рассмотрел проблему «фиксированных форм экономического поведения». И надо отметить, что разрабатываемые автором алгоритмы анализа фиксированных форм поведения могут использоваться и используются в разных областях психологической науки. Это делает направление и современным, и инновационным. И то, что среди

учеников Генриха Владиславовича уже свыше 10 докторов наук, несколько десятков кандидатов и несметное количество специалистов-психологов говорит о значительном расширении и обогащении многих его идей, создании научной школы, конституировании клинической психологии на обширном пространстве от Урала до Дальнего Востока.

С давних пор Г.В. Залевский сумел настроить на службу обществу и конкретным людям свои *лидерские потенциалы*. Они проявили себя при реализации армейских ролей от командира отделения до старшины батареи. Лидерство ярко проявилось на комсомольских должностях в годы студенчества. Потенциалы лидерства, прежде всего целеустремленность, инициатива, умение увлечь людей за собой, стали стержнем его успехов в руководстве самыми разнообразными научными коллективами, о которых мы уже говорили.

В 1995 г. Генрих Владиславович стал основателем и одновременно главным редактором «Сибирского психологического журнала». В то время это было первое научное периодическое издание по психологии на территории от Урала до Дальнего Востока. Появление данного журнала стало не только знаменательным событием для сибирской психологической науки, но и позволило целенаправленно оказывать помощь и поддержку ученым из разных регионов. Не удержусь от следующего примера: в 2005 г. Генрих Владиславович вместе с редколлегией предоставил почти все страницы журнала для исследователей и практиков психологической науки из Иркутска. Данный номер стимулировал разнообразную тематику иркутян, помог многим молодым ученым заявить о себе на более широком и авторитетном уровне. Журнал и его главный редактор постоянно и последовательно выполняют свои функции. Сорок шесть номеров «Сибирского психологического журнала», сотни авторов и огромное количество научных позиций и идей: есть чем гордиться!

Диссертационные советы всегда были, есть и будут стимуляторами развития научной теории и практики. Не случайно за рубежом уровень докторских диссертаций, выполненных молодыми

исследователями, считается одним из самых главных показателей развития науки в целом.

Данное понимание сути вопроса всегда отличало Г.В. Залевского, ставшего в свое время инициатором создания диссертационного совета по психологии в Томском государственном университете. Откровенно говоря, стезя председателя совета не очень простая и не всегда благодарная, но руководить советом – значит развивать молодую и поддерживать зрелую науку, выводить «в люди» нестандартные творческие личности, и эта миссия по сердцу и по силам Генриху Владиславовичу. Не менее сотни защитившихся в совете ТГУ кандидатов и десятки докторов наук из всех городов Сибири, Урала и Дальнего Востока от души благодарны объективному, компетентному и весьма корректному председателю Совета.

Как человек, с ранних лет впитавший в себя сокровища речи разных народов – русского, украинского и немецкого, к тому же закончивший институт иностранных языков, Г.В. Залевский отличается двумя лингвистическими и коммуникативными дарами. С одной стороны, у него прекрасное чувство слова, которое отражается в изысканности его выступлений в различных аудиториях, в точности, простоте и одновременно красоте лексики и грамматики его статей, эссе, обзоров и книг. Не случайно он является автором и составителем нескольких востребованных специалистами словарей. С другой стороны, Генрих Владиславович великолепный коммуникатор и переговорщик, человек, способный найти ключик к душе любого человека, обратившегося к нему со своими проблемами. Он обладает особым даром межкультурной компетентности – способностью находить подходы к людям разных национальностей и верований, оптимальной толерантностью, когда терпимость работает на благо людей, на совершенствование личностей. Этот дар проверен Г.В. Залевским в его многочисленных поездках и встречах: от Владивостока и Токио – до Парижа и Берлина, от Пекина и Улан-Батора – до Брюсселя и Стокгольма, от Якутска и Иркутска – до Амстердама и Ванкувера... «В разных краях оставляем мы сердца частицы...» – эти слова звучат о нем, о

его искусстве ладить с окружающими, о его любви к жизни, нашей прекрасной земле.

С восхищением и признательностью относится Генрих Владиславович к сибирской земле, ее личностям и народам, живущим в суровых условиях, но очень бережно относящимся к своим традициям, обычаям, обладающим величайшим искусством гостеприимства. Будучи директором Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО, он хорошо освоил ее просторы, познал чаяния, запросы и бесконечную роскошь различий ее замечательных людей. И этот край отвечает ему взаимностью. Алтай, Байкал, Восточные Саяны, Горный Алтай и Хакасия – эти и другие природные сокровища сибирской земли в лице своих незаурядных сынов и дочерей с благодарностью чтут его имя. Да разве можно обладать таким дивным творческим долголетием без постоянной подпитки энергией и духовностью родных мест?

Те, кто знает Генриха Владиславовича по личным, дружеским контактам, выделяют в нем в первую очередь исключительную гостеприимность, хлебосольность, стремление внести комфорт и уют в душу гостя. «Дом друзей, куда можно прийти без всякого, где и с горя и с радости ты ночевал, где всегда приютят...» – эти слова поэта о его доме, где останавливаются родные и друзья с разными характерами, разными судьбами, разных национальностей. И после встреч каждый уносит с собой частичку его души, его доброго и щедрого сердца. И в эту доброту и щедрость очень много вложили самые близкие и дорогие лица – жена Юлия и дети – Яна-Юзефа, Артем, Владислав и Олег.

Когда говорят о знаменательных датах человека, обязательно показывают его награды и отличия. Надо сказать, что труды Генриха Владиславовича не остались незамеченными со стороны коллег и общества, что отмечено званиями, дипломами и грамотами: звание «Заслуженный деятель науки РФ» (1997), «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2004), Почетная грамота Российского психологического общества «За личный вклад в развитие психологической науки» (2007), диплом лауреата конкурса губернатора Томской области в сфере образования

и науки (2005), диплом победителя конкурса «За высокие достижения в науке, образовании и культуре» Томского госуниверситета (2007), золотая медаль «За заслуги перед Томским государственным университетом» (2008) и т.д.

На Востоке есть чрезвычайно достопочтимое понятие – Гуру – Учитель. В его содержание вкладывается два смысла: в первую очередь – это разносторонняя, духовно богатая личность, истинная многогранность которой подтверждена всей его примечательной жизнью. С другой стороны – это человек, никогда не прекращающий свое движение к знаниям, к проявлению своих духовных качеств, к самосовершенствованию. Только такая судьба может вдохновить учеников и последователей. Когда-то давно Г.В. Залевский встал на такой путь и стойко, уверенно идет по нему.

Счастья и долголетия, удач и успехов Вам, Генрих Владиславович, на этом благородном пути!

Карнышев Александр Дмитриевич,
профессор, доктор психологических наук,
заслуженный учитель РФ, заведующий кафедрой
социальной и экономической психологии
Байкальского университета экономики и права

**ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИ
НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА**

Данная статья построена в основном на материалах последнего в XX столетии 27-го Международного психологического конгресса. Конгресс был организован Шведской психологической ассоциацией под эгидой Международного союза психологической науки (IUPsyS) и состоялся 23–28 июля 2000 г. в г. Стокгольме (Швеция). Непосредственное участие в работе Конгресса приняли около 6000 психологов из 66 стран, в том числе и 10 российских психологов из Москвы, Санкт-Петербурга и Томска. Программа этого Конгресса оказалась самой большой и насыщенной в истории Всемирных психологических конгрессов. Кстати, Первый Международный психологический конгресс состоялся в 1889 г. в Париже в рамках Всемирной Парижской ярмарки 1889 г. В нем приняли участие 203 представителя из 20 стран, среди них много известных психологов. Социальная программа этого Конгресса включала также участие в банкете на только что построенной Эйфелевой башне. Уже на этом первом Конгрессе была признана необходимость образования Международного союза психологической науки, но только на 13-м Конгрессе, который при поддержке ЮНЕСКО состоялся в 1951 г. в столице Швеции и в котором приняли участие уже 658 психологов из 30 стран, он был формально узаконен. В августе 1966 г. в Москве (СССР) состоялся 18-й Международный психологический конгресс. В нем приняли участие свыше 4500 психологов из 44 стран (37 симпозиумов и 9 тематических заседаний). Самой большой делегацией на нем, разумеется, была делегация страны-организатора. Очередной 28-й Международный психологический конгресс пройдет в 2004 г. в Китае, делегация участников из которого на 27-м Конгрессе в Швеции состояла из 300 человек!

Какими замечательными / выдающимися достижениями отличилась психология в XX в., с которым мы прощаемся? С чем психология войдет в новое столетие и тысячелетие, что нового произойдет в психологической науке и практике, а что будет препятствовать ее развитию? Что может и должна привнести психология в общество и для развития человека вообще? И какие ожидания-пожелания к психологии в грядущем XXI в.?

По большому счету, вокруг этих и подобных вопросов и попыток ответить на них проходили дискуссии на этом действительно историческом для психологии и психологов международном форуме, во время огромного количества официальных заседаний и неофициальных встреч.

На некоторые конкретные вопросы в этой связи ответили 30 участников Конгресса – видные психологи европейских стран, включая Россию, что отражено в журнале «European Psychologist», специально изданном к началу Конгресса (Editor-in-Chief Prof. Kurt Pawlik. Vol. 5, № 2. 2000).

Какие три-четыре наиболее значимые достижения психологии, как науки и профессиональной практики, имели место в XX столетии?

1. Находки Пиаже, особенно понятия ассимиляции и аккомодации, как и его исследования по развитию познавательных процессов (когнитивных) и социальных способностей. Вообще его психология развития (Katharina Althaus, Швейцария; А. Брушлинский, Россия; Cigdem Kagicibasi, Турция).

2. Впечатлили работы К. Левина, его полевая теория и его идеи о перцепции (гештальтпсихология) (K. Althaus, Швейцария; Bernhardt Wilpert, Германия).

3. Достижением является теоретическая революция в когнитивной психологии, которая четко отграничила «психологию» от «логики» (ментальная модель, предложенная Phil N. Johnson-Laird). (Jean-Paul Caverni, Франция). Развитие когнитивной психологии, начиная от вклада Отто Зельцера и Карла Дункера в психологию решения проблем и работ в 1960-х гг.: Бродбента, Брунера, Найссера. Ньювелла и Саймона (Rainer H. Kluwe, Германия; Bernhardt Wilpert, Германия). Сдвиг с бихевиорального подхода на когнитивную ориентацию (Pieter J.D. Drenth, Швейцария; Michael W. Eysenck, Англия; Rocio Fernandez Ballesteros, Испания). «Когнитивная революция» (Jukka Hyona, Финляндия). Вклад Фрэнсиса Бартлетта в исследование запоминания и рост интереса к когнитивной психологии (Lars-Goran Nilsson, Швеция). Когнитивная психология, коннекционизм и мозговое отображение (Carlo Umiltà, Италия). Смена ортодоксальной бихевиоральной ориентации на понимание человеческого поведения и ментальной жизни (Gery d'Ydewalle, Бельгия; Brigitte Rolett, Австрия). На профессиональное развитие особенно повлияли идеи, связанные с «когнитивным поворотом»: отношения между когнитивными и эмоциями (K. Althaus, Швейцария). Инновационные попытки А. Бека посмотреть на депрессию и большинство фобических расстройств через когнитивные понятия (Michael W. Eysenck, Англия).

4. Теория деятельности (субъект-деятельности) С.Л. Рубинштейна и его научная школа (А. Брушлинский, Россия).

5. Гуманистическая психология Карла Роджерса (А. Брушлинский, Россия).

6. Теоретические достижения – при концептуализации биопсихосоциальной модели человеческого функционирования: методологические – с разработкой психометрии и психологического тестирования, и профессиональные – отражающие рост ориентирующей роли психологии в различных сферах практики (Dana Castro, Франция; Jean-Paul Caverni, Франция; Rainer Cluwe, Германия).

7. Первым достижением является открытие И.П. Павловым обуславливающих принципов, которые стали одним из шагов придания психологии статуса науки (Jean-Paul Caverni, Франция; Jan Strelau, Польша, также упоминает и И.М. Сеченова).

8. В сфере социальной психологии с пониманием, что человеческий разум структурирован культурально и социально (Jean-Paul Caverni, Франция).

9. Ничего более значимого из достижений психологии, чем Фрейд и его теории, трудно назвать (Arza Churchman, Израиль; Cigdem Kagitcibasi, Турция).

10. К достижениям, хотя и на другом уровне, можно отнести исследования в сфере экологической психологии и феминистских исследований (Arza Churchman, Израиль).

11. Достижения в научной методологии, интеграции взглядов на сознательные и бессознательные информационные процессы (Mario von Cra-nach, Швейцария; Brigitte Rolett, Австрия).

12. Применение психологии в практике, против чего был В. Вундт, но с которым не согласились его известные ученики (Уолтер Дилл Скотт, Гуго Мюнстенберг, Джеймс Маккин Кэттелл) (Pieter I.D. Drenth, Нидерланды), особенно после Второй Мировой войны (Ingrid Lunt, Англия).

13. Развитие психологии в США в связи с эмиграцией видных психологов из Германии и вообще Европы (Pieter J.D. Drenth, Нидерланды).

14. Усиление образования психологов с большей ориентацией на единство теории и практики (Gery d'Ydewalle, Бельгия).

15. В профессиональной психологии – развитие клинической психологии как профессии (Mihael W. Eysenck, Англия; Rocio Fernandez Balles-teros, Испания).

16. Среди психологических конструктов «общественным / публичным лицом» психологии стали интеллект и тестирование интеллекта (Rocio Fer-nandez Ballesteros, Испания); роль Спирмена в этом (Jan Strelau, Польша).

17. Психоанализ, бихевиоризм и когнитивная психология – три главных теории, которые определяют научное и практическое развитие психологии в XX столетии (James Georgas, Греция).

18. Гештальтпсихология, которая очистила путь для современной психологии восприятия, социальной психологии и частично для когнитивной психологии (Stefan Jem, Швеция).

19. Социо-историческая школа Выготского способствовала привнесению «культуры» в психологию (Cigdem Kagitcibasi, Турция).

20. Подчеркивание роли мотивации как процесса, а не как состояния (Claude Levy-Leboyer, Франция).

21. Теоретический и практический интерес в понимании развития психологии человека вообще – от рождения ребенка до взрослого его состояния; роль отношений родителей и детей в проспективном, а не в ретроспективном смысле (аналитик на кушетке). (Claude Levy-Leboyer, Франция; Arne Ohman, Швеция). Выявление значения общения матери с ребенком и окружением (Tuomo Tikkanen, Финляндия).

22. Бихевиоральная революция, давшая возможность развития на научной основе клинической психологии, понимания психических расстройств. Заслуги Толмена, Скиннера, Вольпе и Айзенка (Arne Ohman, Швеция).

23. Успехи психотехники и психотехников (Jose M. Prieto, Испания).

24. Исследования и практика оценки и лечения «анормального поведения» и выдвижение на первую роль психотерапии и психопатологии (Jose M. Prieto, Испания).

25. Широкая представленность психологов в образовании, школах (Jose M. Prieto, Испания).

26. Фрейд, Выготский, Пиаже и Скиннер, а также философ Людвиг Витгенштейн (Carlos Rodrigues Sutil, Испания). Такие имена как Фрейд, Юнг, Выготский, Дюркгейм и Пиаже (Velko S. Rus, Словения). Открытия и теории Вундта, Фрейда, Уотсона, Келера, Пиаже, Gordon W. Cattell, Raymond Cattell, Hans J. Eysenek, Gordon Allport (Jan Strelau, Польша).

27. Профессионализация психологического сервиса; проникновение психологии в различные сферы жизни (Brigitte Rollett, Австрия; Salli Saari, Финляндия).

28. Развитие психологии как относительно сбалансированной теоретической, эмпирической (включая экспериментальную, с четкими критериями для исследовательской работы), прикладной и антропологической науки. Относительно открытой для изменений и независимой от идеологического пресса (Velko S. Rus, Словения).

29. Развитие новых научно фундаментальных областей психологии как, например, нейропсихология, психология здоровья, психология кризисов и острых травм (Salli Saari, Финляндия; Tuomo Tikkanen, Финляндия).

30. Оперантный анализ поведения – это самое значительное достижение (Terje Sagvolden, Норвегия).

31. Другое достижение в психологии – это реализация пластичности мозга (Terje Sagvolden, Норвегия).

32. Связь психотерапии с биохимическими процессами в мозге (Terje Sagvolden, Норвегия).

Если бы у Вас было три желания относительно будущего психологии как науки и профессии, то какими они были бы?

1. Чтобы были хорошие отношения между наукой и практикой, взаимное уважение и взаимное стимулирование. Устранена пропасть между практиками и исследователями, между академическим исследованием и каждодневной практикой. Необходимо развивать синергическую, а не антагонистическую комбинацию. Исследователи и практики должны научиться слушать и слышать друг друга. Больше научного плодотворного взаимодействия между учеными и практиками. При тесной связи теории и практики психология может много дать обществу вообще и в решении проблем человеческого здоровья в частности.

2. Больше уверенности в себе, даже гордости за то, чего психология достигла, повышение самооценки, активного отстаивания своего достойного места в обществе.

3. Оказания содействия в достижении удовлетворительного существования человека. Продолжить генерировать новые знания и пути помощи людям. Психологическое исследование должно становиться все более прикладным и полезным обществу, чем это имеет место сейчас.

4. Когнитивная психология должна стать более гуманистичной и быть подальше от компьютерной метафоры.

5. Западные психологи должны лучше познакомиться с трудами С.Л. Рубинштейна и его последователей.

6. Последователи Л.С. Выготского должны, наконец, вступить в диалог и ответить на критику, которая звучит вот уже 40 лет, в том числе со стороны Ж. Пиаже, П. Зинченко, П. Гальперина, С. Рубинштейна и др.

7. Я хотел бы пожелать психологии того, что Дидро пожелал философии: «Будь, научная психология, популярной!». Смелее включаться в решение проблем общества сегодня и в будущем, чтобы попытаться сделать мир несколько лучше. Больше внимания проблемам в контексте социальной и культурной реальности. Повышения статуса психологии.

8. Психологии как науке желаю больше теоретической интеграции разных ее сфер, систематического обмена между различными исследова-

тельскими областями, больше баланса между теоретическими и методологическими требованиями к исследованию. Больше объективности в оценке субъективных состояний. В будущем должен более серьезно восприниматься вопрос об экологической валидности. Психологи должны продолжить успешно начатое развитие чувствительных и тонких методов изучения разума. Больше интеграции между университетами и «полями» вне их, точками зрения и теориями, разными тренинговыми программами. Больше междисциплинарных исследований человеческого разума и поведения. Психологическое исследование должно быть более кумулятивным. Научное исследование в психологии должно следовать, как и в физике, биологии, медицине, высоким стандартам и этическим принципам. Академическая психология должна быть единой в понимании психологии как естественной науки, более тесно связанной с биологическими, чем с социальными науками. Психология должна понимать себя, включая человеческое сознание, в терминах нейронных механизмов. Делать результаты исследований более доступными людям, не писать их на псевдонаучном языке.

9. Прежде всего, лучших теорий.

10. На научном уровне больше исследований, интегрирующих поведенческие находки с лучшим знанием функционирования мозга (нейронауки).

11. Я надеюсь, что правители во всей Европе осознают, что психология должна перестать быть дешевой наукой, в том числе относительно материально-технического обеспечения, чтобы успешно конкурировать с американскими психологами в исследованиях.

12. Лучшего и более корректного отношения между психологией и массмедиа.

13. Политикам заботиться об обеспечении проведения фундаментальных исследований в области психологии, как и в других науках. Больше ресурсов для науки, фундаментальных исследований и практики.

14. Нобелевской премии по психологии! (Stefan Jern, Швеция).

15. Стимулирование молодых исследователей.

16. Психология должна быть более интернациональной и более серьезно относиться к культуре.

17. Борьба с шарлатанами, которые используют наш вокабуляр и наши идеи.

18. Профессиональные психологи должны больше опираться на очевидное, чем на интуицию и общие понятия.

19. Больше психологических ассоциаций и обществ в каждой стране.

20. Необходимо, чтобы психологи становились политиками, членами парламента, руководителями фирм и т.п. Это стратегически важно. Более активно участвовать в публичных дискуссиях и принятии решений, избавиться от пассивности, осторожности, даже страха, когда речь идет о публичности.

21. Университеты должны улучшить подготовку хороших научных профессиональных психологов; включить в эту подготовку достаточно биологии, нейронаук, фармакологии, чтобы психологи могли стать партнерами других специалистов по проблемам здоровья, например врачей.

22. Должна постоянно во всем мире расти роль психологов как определенная необходимость.

23. Мы – психологи, должны лучше понять нашу задачу.

24. Требуется новая организация нашего аккумулированного опыта, больше синтеза; прикладная психология должна стать похожей на клиническую медицину (классификация проблем, симптомов, диагноз, прогноз, интервенция).

25. Больше открытий, связанных с биоэнергетикой, ее транспортированием, проблемами боли, иммунного статуса организма, новыми возможностями гипноза и обратной связи, связи между микро- / макробиологией и психологией, а также вклада в разрешение конфликтов в различных частях света и повышение качества жизни людей.

26. Развитие деонтологии, профессиональной этики, профессиональных умений и навыков в диагностике и интервенции.

27. Я желаю психологии стать частью образования в старших классах школы.

28. Пожелал бы новых открытий в XXI в. в области механизмов человеческого поведения, факторов, обеспечивающих условия для эффективного развития человека.

29. Желаю, чтобы мы, наконец, преодолели редуccionистские тенденции (в сторону естественных или социальных наук), мешающие психологии как независимой науке.

30. Я хотел бы, чтобы психология стала «твердой» наукой. Это может быть достигнуто при ее интеграции с нейронауками.

Разумеется, что ответы на первый вопрос имеют, скорее, исторический интерес. Что же касается ответов на второй вопрос – относительно ожиданий и пожеланий к психологии и психологам XXI в., то они, во-первых, говорят о недостигнутом психологической наукой и практикой в прошлом, во-вторых, о нерешенных или недостаточно решенных про-

блемах в настоящем и, в-третьих, о перспективных направлениях их развития в следующем столетии. Все это темы, обсуждавшиеся как в рамках так называемой регулярной программы Конгресса, так и за ее пределами. А за пределами много внимания было уделено двум темам, ставшим, по мнению членов Оргкомитета и участников Конгресса, «заметными характеристиками 27-го Международного психологического конгресса»: «здоровье» и «политика, в том числе дипломатия, проблемы профилактики межэтнических конфликтов, войны и мира».

Тему здоровья с акцентом на ментальном его аспекте вел с большим вводным докладом в виде пленарного заседания и ряда симпозиумов, круглых столов и т.д. известный деятель ВОЗ Норман Сарториус, а вторую тему – Государственный секретарь по международным делам (министр иностранных дел) Швеции Джен Элиассон. Следует отметить внимание со стороны руководителей Швеции к Международному психологическому конгрессу – король Швеции был патроном Конгресса, один из его министров участвовал непосредственно в работе Конгресса, а мэры столицы страны – г. Стокгольма, открывал Конгресс и приветствовал его участников от имени короля. Можно надеяться, что будут услышаны обращения к ним психологов относительно будущего психологии. А психологам лишь надо будет постараться, чтобы было создано больше «лучших теорий», чтобы «произошла большая интеграция между психологической наукой и практикой», «чтобы психология послужила развитию и повышению благосостояния человека», чтобы «психологи стали признанной необходимостью» и «повысился статус самой профессии психолога». Надо надеяться, что в результате этого сбудется и пожелание шведского психолога Стефана Джерна о присвоении в следующем столетии Нобелевской премии по психологии. Вселила надежду на это не только напряженная работа участников Конгресса в пленарных заседаниях, в более чем сотне симпозиумах, секциях и семинарах, круглых столах, в 2000 интерактивных стендовых докладах, многочисленных выставках психологической литературы и оборудования и т.д., свидетельствующая о творческих поисках психологов практически всего мира, но и, несомненно, стимулирующие их великолепные приемы, организованные правительством, мэрией г. Стокгольма в Городской Ратуше, где проводятся ежегодные Нобелевские банкеты. Нам только остается присоединиться к пожеланию и надежде нашего шведского коллеги.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
И ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время общепризнано, что достоверность и обоснованность любого психологического исследования не могут быть признаны без того, чтобы полученные при их проведении данные не были бы соотнесены с общеметодологическими положениями. Поэтому значение раздела методологии психологического исследования (эта область получила развитие с начала 1960-х гг.) является бесспорным. Однако это очень важное обстоятельство не получило достаточного отражения в нашей научной литературе. В многочисленных американских руководствах (Эдвардса, МакГигана, Кирка, Готтсданкера, Плутчека, Шассана, Каздина и ряда других) авторы ограничиваются лишь общими вопросами эксперимента, главным образом планирования и статистической обработки данных, и игнорируют другие методы исследования. Очень велик разрыв между глубиной разработки методологии общепсихологической и психопатологической.

Предлагаемая монография «Теоретические основы психологического и психопатологического исследования» не только является первой отечественной работой по проблемам обоснования научного исследования в этих отраслях знания, но она также отличается от имеющихся за рубежом работ по следующим пунктам:

1. В отличие от американских работ, не затрагивающих проблем теории познания или трактующих их с идеалистических позиций, в нашей работе особенности психологического исследования в норме и патологии даны на основе понимания деятельности и личности как иерархически организованных структур в тесной связи с более широкими проблемами гносеологии (проблемами предмета, субъекта и объекта познания и их взаимодействия, специфики понятий психологии и т.д.).

2. Впервые проблемы исследования в общей психологии и психопатологии рассматриваются в единстве. По убеждению авторов, разрыв между этими двумя дисциплинами тормозит развитие психологической теории, в то время как их единство, как это было неоднократно подчеркнуто такими авторитетами как П. Жане, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, А.Р. Лурия, есть одна из важнейших предпосылок более глубокого понимания психических явлений.

3. Учитывая исключительное многообразие применяемых в современной психологии методик и расхождения в литературе по вопросу о числе

методов и их соотношении, авторы разработали их новую обобщенную схему, разделив методы, методики, исследовательские приемы и методологические положения, что дало возможность ограничить число методов всего шестью (герменевтическим, биографическим, наблюдением, самонаблюдением, клиническим и экспериментальным) и показать их развитие, их взаимосвязи в процессе исследования.

4. Хотя в предлагаемой работе и сделай упор на теоретическое обоснование исследования, в ней также реализуется тезис о неразрывной связи теории и практики: каждая из рассматриваемых проблем порождена практикой и в конечном итоге выходит на практическую и познавательную деятельность психолога и психиатра, что подтверждается многими конкретными примерами.

Монография состоит из трех частей: в первой излагаются общие принципы психологического исследования, во второй анализируются возможности отдельных методов и семантико-логическая структура основывающихся на них исследований, в третьей основное внимание уделяется сравнительным исследованиям нормы и нервно-психической патологии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей – философов, психологов, социологов, медиков (прежде всего врачей-психиатров), на всех тех, кто интересуется развитием методологии научного знания.

1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ В НАУКАХ О ПСИХИКЕ

1.1. Вводные замечания

Изучение психики – независимо от того, как оно осуществлялось – будь то наблюдение в повседневной жизни, будь то специально поставленное исследование – всегда актуально, а его история идет вместе с развитием общенаучной и философской мысли. Перед этой работой мы не ставили историко-психологических задач, но без того, чтобы в ряде случаев опереться на исторические данные невозможно понять и ее современное состояние¹. Ознакомление же с современным состоянием наук о

¹ Большой объем исторического материала был использован в предыдущих работах одного из авторов: Роговин М.С. Введение в психологию. М. : Высшая школа, 1969; Психологическое исследование. Ярославль : ЯрГУ, 1979; Структурно-уровневые теории в психологии

психике сразу же, как мы полагаем, ставит проблемы квалификации и классификации их данных. Насколько проведенное исследование адекватно стоящей перед ученым задаче? предмету? объекту? Насколько достоверны полученные данные? Каковы возможности сравнения данного исследования с аналогичными по теме? по замыслу? по методу? Что представляет собой полученный результат исследования? В каких единицах он должен выражаться? Насколько избранные единицы исследования и представления данных соответствуют природе объекта? В какую систему значений включаются полученные данные?

Как известно, исследование психики осуществляется по десяткам различных направлений, они проводятся и на животных, и на людях, на психически здоровых и на различных случаях психической патологии, в филогенетическом и онтогенетическом планах, при анализе различных видов деятельности и т.д. Имея это в виду, трудно однозначно решить вопрос о том, имеем ли мы дело с разветвлениями одной и той же науки или же с разными науками. Решая этот вопрос, приходится принимать во внимание множество различных факторов. Так, история свидетельствует о том, что психология в рамках гуманитарного цикла и психиатрия, как раздел медицины на протяжении веков формировались и развивались как различные науки, и это обстоятельство вполне ощутимо и сегодня. Но с течением времени, однако, наряду с этим отличием закономерно в лице патопсихологии возникает и промежуточная между ними область исследования.

Нет сомнения в том, что изучение психической патологии по своему значению для познания самого существа психического занимает особое место среди всех тех дисциплин, которые ею занимаются. Как писал С.С. Корсаков: «Познание самого себя, познание высших душевных свойств человека было всегда одним из главных стремлений мыслящих людей, а психиатрия дает больше других отраслей медицины материала для этого» [33. С. 753]. Очень близко высказыванию С.С. Корсакова и положение И.П. Павлова о том, что «патологическое часто открывает нам, разлагая и упрощая то, что заслонено от нас, слитое и усложненное, в физиологической норме» [42. С. 317].

Если же исходить из основных гносеологических критериев – предмета, объекта, системы понятий, метода, путей построения теории и ее верификации, то мы с достаточным основанием можем говорить о единой, но весьма разветвленной науке о психике. Только что были отмечены

различные пути формирования психологии и психиатрии, но если подходить к ним с общегносеологической точки зрения, то общность этих наук значительно сильнее того, что их разделяет. А.В. Снежневский указывает, что «психопатология» при исследовании расстройств психической деятельности неизбежно оперирует понятиями психологии – науки, изучающей нормальную психическую деятельность. Закономерности, обнаруженные последней, служат основой психопатологических понятий. Без них не может быть выражено ни одно суждение о наличии у больных психических расстройств и их особенностях. Описывая возникающие у больных нарушения психической деятельности, психопатология излагает их в психологических понятиях – тоска, бессвязность мышления, помрачение сознания и т.д. Определение наблюдаемых у больных расстройств иными способами невозможно [85]. Исходя из идеи внутренней общности всех наук о психике, мы в ходе дальнейшего изложения будем использовать различные психологические данные, поскольку перед нашей работой стоит задача показать специфику этой особой области научного исследования. Более того, по нашему мнению, на тот или иной исторический период указанные гносеологические аспекты наук о психике есть некоторое единство в том смысле, что все компоненты психологического исследования взаимосвязаны и складываются в определенные семантологические структуры [75]. Создание теории основывается на данных, полученных с помощью определенных методов, но самая постановка психологического исследования и вынесение суждения о возможностях генерализации и верификации этих данных могут реализоваться лишь исходя из достигнутого уровня теоретической мысли. Конечно, рассмотрение этого единства не отвергает, но наоборот, предполагает акцент на какой-то один из его гносеологических аспектов, и при этом остальные будут следовать или даже выводиться из того, который будет избран в качестве стержневого. В нашей работе таким стержневым аспектом наук о психике выступают их методы, и главное наше внимание будет, естественно, уделено им. При этом мысль об исторически обусловленном внутреннем единстве всего комплекса знаний, образующего науку о психике, кладется в основу всего дальнейшего исследования².

² Вопрос о том, должны ли при изложении особенностей познания психики доминировать абстрактно-философский или предметный материал, может решаться по-разному. В первой четверти нашего века, как ответ на созревшую потребность методологического обоснования психиатрии, почти одновременно вышло два фундаментальных труда по методологии психиатрического знания – К. Ясперса [177], А. Кронфельда [197]. Если в труде Кронфельда акцент был сделан на собственно философские категории, труд Ясперса построен на мате-

Предваряя все последующее изложение, необходимо уже здесь, во вводном разделе, подчеркнуть следующее. Замысел этой монографии и по мере возможности ее написания предполагают разделение психологического знания на три вица. Первое – это знание о психических процессах или индивидуальных особенностях; будем считать его «предметным знанием». Второе – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике; обозначим его как «методологическое». Третий вид знания – знание историческое, в котором отражается закономерная последовательность развития первый двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе. Коротко охарактеризуем взаимное отношение этих трех видов психологического знания.

В контексте нашей работы на первом плане соотношения предметного и методологического знания. Помимо различий в формулировке объекта исследования между ними большие различия по объему (первое охватывает собой всю область психологии, второе – есть лишь весьма узкий ее раздел), а также между ними есть большие хронологические различия: методологическое знание стало развиваться лишь в последние десятилетия. Несмотря на эти различия, оба вида знания есть знание психологическое.

Сколько-нибудь последовательное разделение обоих видов знания целесообразно, наверное, лишь исходя из методических и дидактических соображений, особенно, как это имеет место в данной работе, когда ставится цель сконцентрировать внимание на методологическом знании. В то же время не подлежит сомнению, что границы между этими двумя

риале в основном общей психопатологии. Первый теперь известен лишь историкам науки, второй – несмотря на ряд содержащихся в нем спорных или ложных положений – настольная книга и современного исследователя. Думается, что такая позиция подкрепляется и тем, как на сегодняшний день мы можем определить предмет наук о психике.

Отмечая спорный характер взглядов Ясперса, следует указать на то, что в его понимании психопатология – это теория психиатрического исследования, общие положения которой имеют по отношению к конкретным многообразным случаям психической патологии ограничительное значение, а тем самым они представляют, по Ясперсу, средства борьбы с ошибочными суждениями. Впоследствии сам Ясперс в своей «Философской автобиографии» (1957) писал о том, что, создавая свою «общую психопатологию» он имел целью показать следующее: «Что мы знаем, каким образом мы получаем это знание и то, чего мы еще «не знаем». Представляя, однако, «антропологическую» точку зрения экзистенциализма, видящего в психической патологии самовыражение патологического, в частности шизофренического бытия, Ясперс допустил в своей концепции немало идеалистических интерпретаций, в значительной мере снижая ценность его феноменологических описаний фактического материала психической патологии.

видами психологического знания весьма условны, даже расплывчаты. Провести между ними жесткую границу невозможно, потому что они фактически не только сосуществуют, но и нередко незаметно переходят один в другой. Для иллюстрации приведем примеры.

Предметное знание членится на многие разделы в соответствии со строением изучаемой реальности; его разделение есть, как классификация внутри психологии, так и классификационная схема соотношения психологии с другими науками, особенно ближайшими – физиологией, социологией, философией. В то же время ясно, что классификация, как мы на этом подробнее остановимся ниже, есть одновременно и методологическая проблема. Возьмем другой, более конкретный пример, относящийся уже к изучению психической патологии.

Рассмотрение существа и возможностей клинического метода (этому посвящена далее целая глава) имеет своей целью получение методологического знания, что возможно лишь на основе анализа, как клинических данных о психической патологии и ее проявлениях, так и на основе применения самого этого метода, что в своей совокупности составляет предметное знание. Включая в анализ клинического метода также и изучение того, каков реальный психический процесс, в результате которого врач или клинический психолог выносят свое заключение об объекте исследования (виде патологии и ее проявлении у данного больного, что описано в параграфе 2.6), мы тем самым расширяем область методологического знания. Но если специально заниматься этой проблемой в ее уже достаточно многочисленных вариациях и абстрагируясь от общего научного контекста, то это будет уже развитием не методологического, а предметного знания, то есть знания об определенном виде сложной профессиональной деятельности и о свойственных ей закономерностях.

В третьем виде психологического знания – знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся со времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания (от нерасчлененного монизма античной психологии – к дуализму Декарта, от ассоцианизма – к структурным и функциональным представлениям, от синдромологических учений – к нозологическим и т.д.). В контексте нашей работы нет необходимости специально выделять историческое знание в психологии, но оно составляет неперемный «фон» всего последующего изложения, в котором связи между отдельными его разделами не только логические, но и исторические.

Еще раз повторим, что задача этой монографии – в основном анализ методологического в указанном выше смысле знания в науках о психике.

Анализ гносеологических особенностей наук о психике на протяжении веков наталкивается на целый ряд таких сложностей общеметодологического порядка, которые другие науки не знают или, по крайней мере, испытывают в гораздо меньшей степени. В известной мере, упрощая дело, попытаемся показать эти особенности в виде отдельных пунктов.

1.2. Предмет наук о психике

Начнем с предмета наук о психике, хотя это – один из наиболее сложных и запутанных вопросов³. Безусловно, на протяжении истории предмет психологии понимался по-разному и поэтому мы с полным основанием должны подойти к нему как к развивающемуся понятию. Понятие души, с фатальной неизбежностью возникающее на определенном этапе развития во всех известных нам культурах, есть первая робкая попытка если не объяснения, то, во всяком случае, обозначения совокупности явлений, которое мы теперь называем психикой. Трудности ее определения были показаны уже Аристотелем, который в своем знаменитом трактате «О душе» [1] дал, с одной стороны, некоторое определение понятия души с точки зрения своей общей теории материи и формы (в начале книги второй «...необходимо душу признать сущностью, своего рода формой естественного тела, потенциально одаренного жизнью. Сущность же есть осуществление (энтелехия), таким образом, душа есть завершение такого тела...»). Но вместе с тем Аристотель ясно понимал сложность выхода из этого определения в конкретную психологическую проблематику, и потому общеметодологическому определению души предшествует детальный анализ того, что душа не есть; такой подход нельзя расценить иначе как пропедевтический, в свою очередь обусловленный сложностью проблемы.

Невозможно перечислить все варианты определений психики. Отметим только, что вместе с дифференциацией психологического исследования все чаще вместо попыток универсального определения психического выступает дефиниция его в качестве вывода из теоретических положений той или иной школы (функционализм, структурализм) или результаты

³ Существует полушутливый рассказ о том, как один профессор, едва начав читать курс психологии, должен был срочно уехать и передать эту обязанность молодому ассистенту. Последний решил сразу «взять быка за рога» и начать с определения предмета психологии. Через два месяца профессор вернулся и обнаружил, что курс лекций все еще оставался на стадии объяснения предмета психологии.

проведенного исследования или действий исследователя (операционализм). На современном этапе значительного развития методологии конкретных психологических исследований попытки поставить общий вопрос о природе психики расцениваются как «плохо поставленная гипотеза». Тем не менее, очень широко влияние биологоэволюционистски ориентированных теорий (И.М. Сеченов, П. Жане, И.П. Павлов), согласно которым психика – это естественное продолжение, усовершенствование адаптивных возможностей организма, средство тонкой регуляции взаимоотношений человека и окружающего его мира. Эта точка зрения подкрепляется данными из области психической патологии [71].

На современном этапе развития психологии определение психического неизбежно должно включать в себя его социальную, общественную детерминацию. Психическое проявляется в человеке через объективную социальную реальность, социальные отношения, опосредующие заложенные в нем природные начала (генетический фонд, конституцию, индивидуальные психофизиологические особенности, задатки и т.д.). Отсюда одна из сложнейших проблем психологической теории – необходимость сочетать биологическое и социальное, естественно-научный и гуманитарный подходы, причем, не просто объединяя их друг с другом, но создавая их интеграцию, которая по-разному будет проявляться в различных областях психологического исследования. При этом особая роль в качестве рабочих, исследовательских понятий в современной психологии отводится понятиям структуры и функции [61]. В принципе же, понятие предмета наук о психике не только неотделимо от совокупности объектов психологического исследования, но и, являясь категорией, преломляется через всю систему современных психологических и психопатологических понятий и вне этой системы не существует.

К этому вопросу мы вернемся в заключении первой части книги.

1.3. Объект наук о психике

Безусловно, решение вопроса о предмете наук о психике в какой-то мере зависит и от того, как рассматривать их объект. По определению В.А. Лекторского, «объект – то, на что направлено предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта... объект не тождествен объективной реальности, материи: лишь те существующие независимо от человека вещи становятся объектом, которые включаются в человеческую деятельность, начинают осваиваться субъектом предметно-практи-

чески и познавательны» [38. С. 123]. Являясь общегносеологическим аспектом психологического исследования, объект обусловлен не только со стороны общих понятий о психике, но и со стороны методики исследования. В психологии понятие объекта обязательно многоступенчатое: объекты – это и те или иные конкретные испытуемые, но объекты – и те свойства их психики, те характеристики, которые в данном исследовании изучает ученый.

Проблема многоступенчатости наук о психике может принимать различные формы, нередко форму диалектического противоречия частного и общего. Особенно отчетливо это проявляется в психиатрии. Как пишет А.В. Снежневский: «При установлении особенностей психического расстройства исследователь сквозь индивидуальное стремится проникнуть к общим закономерностям и, установив их, возвращается вновь к индивидуальному их видоизменению, конкретному выражению у данного больного. Этот путь исследования и реализуется в своем конечном результате в диагнозе болезни и диагнозе больного» [78. С. 175].

Вопрос о том, насколько оправдан переход от объекта-свойства к объекту-индивидуальности и личности и, наконец, к объекту как репрезентанту некоторой общности индивидов, решается на основе специальных приемов, разрабатываемых в современной методологии психологического исследования.

В отличие от споров вокруг предмета наук о психике, в отношении их объекта существует согласие в том, что по сравнению с объектами других наук природа объектов психологического исследования чрезвычайно сложна. В свое время И.П. Павлов, говоря лишь о материальном субстрате психического – головном мозге, справедливо указывал на то, что в течение длительного времени неудержимый ход естествознания в бессилии останавливался перед его загадками. Те исследователи, которые стремятся подчеркнуть сложность объекта в науках о психике – обычно исходят из характеристики сначала объектов биологических наук. Так, известный математик, один из основоположников современной теории коммуникации, У. Уивер начинает с констатации их исключительной сложности и интегрированности, по сравнению со «слабо связанными друг с другом» объектами физической природы, к которым в гораздо большей степени применимы аналитические методы исследования; на основе аналитического подхода, считает У. Уивер, оказывается возможным выделять ограниченное число переменных и устанавливать зависимости, нередко приближающиеся к линейным, – если не в отношении

критических переменных, то, во всяком случае, на уровне дифференциальных коэффициентов второго порядка. Уверен противопоставляет им изучение биологических объектов – от вируса до человека, для которых выделение двух взаимосвязанных переменных имеет – в плане установления закономерностей функционирования высокоинтегрированного объекта – весьма ограниченный смысл [256]⁴.

Сложность объектов биологического и тем более психологического исследования – это градации по шкале, высшая точка которого отражается понятием целостности. Для психологического исследования, особенно в оценке результатов психологического эксперимента с его аналитичностью, искусственностью и множеством ограничений, особенно важно подчеркнуть, что целостность объекта не ограничивается сложностью и нераздельностью материальной, соматической организации, по есть структурно-функциональное единство организма (индивида) и его окружения, единство в плане взаимодействия его со средой, как с социальной, так и природной.

Ближайшими к (иногда явному, иногда имплицитному) понятию целостности являются понятия «структуры» (всегда имеется в виду «уровневая структура») и «функции». Может быть точнее сформулировать это как диалектическое расщепление более общего понятия «целостности»; не случайно у истоков современной психологии, формировавшейся в конце XIX – в начале XX в. противостоят друг другу именно течения функционализма и структурализма. Здесь мы не ставим своей целью де-

⁴ В этой связи можно указать на те, во многих отношениях непреодолимые трудности, которые возникают, например, в криминалистической практике идентификации на основе изучения отдельных частей живого организма. В частности попытки идентификации волос с помощью тончайших как микроскопических, химических и даже нейтронного активационного анализа наталкиваются на «процессы постоянного изменения» и необходимость «учитывать стадии роста», взявшись за эту задачу криминалисты «обrekli себя на борьбу с «живыми» субстанциями, которые подвержены изменениям по далеко еще не изученным законам». Последние не укладываются в схему и заставляют человека даже в эпоху технической революции считаться с многоликостью живой природы при решении криминалистических задач» (Торвальд Ю. Следы в пыли. Развитие судебной химии и биологии. М. : Юридическая литература, 1982. С. 163–164, 171–172). Показательно, что если все процессы жизнедеятельности могут оцениваться лишь по отношению к целостности организма, то прекращение этой целостности, то есть смерть, рассматривается в зависимости от прекращения функций отдельных органов. В большинстве стран она фиксируется по прекращению работы головного мозга. В связи с задачами трансплантации органов и здесь возникают сложные этические и медицинские проблемы. Так, в Швеции, где смерть свидетельствуется прекращением работы сердца, операции по пересадке этого органа оказываются таким образом в противоречии с законом.

тальное рассмотрение понятия «уровневой структуры» и «функции» в норме и в патологии, поскольку этому были специально посвящены ранее выполненные работы⁵. Подчеркнем лишь, что использование понятия уровневой структуры позволяет нам, как это показывают приведенные в этих работах данные, объединить в нем описательный и генетический подходы, норму и патологию, поскольку то, что развивается как функция, в норме выступает как компонент относительно стабильной структуры, в патологии есть результат распада, диссоциации этой структуры.

Сложность объекта психопатологического исследования, многократно подчеркиваемая в общих руководствах, нашла свое, пожалуй, наиболее полное выражение в понятии «структуры психоза», введенного К. Бирнбаумом [128]; он выделял внешние формы проявления расстройства, которые непосредственно обусловлены самим патологическим процессом («патогенетические» факторы) и наряду с «патопластическими» факторами типа наследственности, конституции, возраста, пола, окружения и т.п., сами по себе не патогенные, но влияющие на клиническую картину в целом. Последние играют в общей структуре психоза различные роли – предрасположения, преформации, провокации и т.д., что и определяет собой значительную клиническую вариативность даже при одной и той же нозологии. Взгляды К. Бирнбаума были продолжены в плане «многомерной диагностики» Э. Кречмером, в которой большее внимание к внешней картине психоза пошло, правда, за счет стирания принципиальных различий между структурообразующими факторами [196].

Указанные особенности объектов наук о психике приобретают особое значение в связи с общей, насчитывающей уже целое столетие, тенден-

⁵ Поскольку эти понятия требуют социального анализа, в трудах, включающих в себя и иные проблемы, они определяются упрощенно. Так, Э.Г. Боринг [130] определяет структурализм как стремление ответить на вопрос «что есть?», а функционализм – на вопрос «для чего?»; Ф. Бартлетт [121] говорил о функции тех или иных психических феноменов как о роли их в осуществлении процессов восприятия, памяти, мышления. Специальному анализу этих понятий были посвящены наши ранее выполненные работы [61, 71, 74, 77]. В работе 1977 г. было дано рабочее определение структурно-уровневой структуры как относительно инвариантной характеристики объекта, в которой выражается такое определенное отношение составляющих его элементов, благодаря которому объект существует и функционирует как целое по отношению к составляющим его элементам и в то же время сам представляет элемент более сложного, широкого и функционально доминирующего отношения (и, таким образом, в структуре реализуется минимум два уровня, в принципе же их число неограниченно). Это определение по существу сохранено в данной работе.

Отметим также смысл используемой далее терминологии: различие «структуры» и «системы», во-первых, в степени жесткости и закономерности связей, связи внутри системы слабые и, во-вторых, для них необязательно требование иерархизации.

ции построить изучение психики целиком на экспериментальной основе. На самом деле возможности использования экспериментального метода в весьма значительной степени ограничиваются соображениями сохранения целостности объекта; в области психологии недопустимы никакие сколько-нибудь травмирующие испытуемых приемы исследования, к которым нередко присоединяются и требования морально-этического порядка.

Эти требования, столь существенные для определения возможностей и направления психологического исследования, фактически представляют собой лишь частный случай теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования. Конечно, вопрос этот выходит далеко за рамки отдельных наук и является составной частью теории познания [39, 165]. Но сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обуславливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода. Поэтому важность классических работ Г.Т. Фехнера не только в том, что он разработал новый для того времени раздел психологии – психофизику, но и предложил ряд методик, адекватных объекту исследования – пороговым величинам чувствительности. С одной стороны, различия объектов психологического исследования почти автоматически предполагают и выбор определенного метода. Такой объект как внутреннее психическое состояние исследуемого, его переживания в данный момент доступны исследованию, как в норме, так и при патологии главным образом методом самонаблюдения, данные же сопутствующих им объективных методов имеют уточняющее и корригирующее значение, их совместный результат есть основа последующей интерпретации. В зоопсихологии, в генетической психологии очень раннего возраста или при очень грубой патологии полностью доминируют объективные методы. Такие объекты как индивидуальные особенности личности требуют применения методов, сочетающих в себе «поперечные» и «продольные» срезы. При изучении сложной познавательной деятельности естественно сочетаются все возможные методы, но так, чтобы их сочетание отражало структуру этой деятельности, ее специфику.

С другой стороны, поскольку исследование в науках о психике – это живой, развивающийся процесс, неизбежны и определенные изменения сложившихся соотношений объектов (предмета) и методов. Так, методики психофизики вошли в арсенал общей, социальной, клинической и педагогической психологии. Изменяясь вместе с развитием наук о психике,

связь объекта и метода имеет для них важное практическое и теоретическое значение, а в той мере, в какой она отражает общий прогресс научного исследования, представляет и постоянный интерес для гносеологии.

1.4. Особенности субъектно-объектных отношений в науках о психике

Некоторые исследователи, говоря о специфике наук о психике, делают акцент на своеобразии складывающихся при этом субъектно-объектных отношений. Не ограничиваясь указанием лишь на особо большой удельный вес собственно субъективных данных [243, 259], Н. Винер так же как и У. Уивер, подчеркивал отличие биологического или психологического исследования от физического. По Винеру, различия еще заключаются в том, что для последних характерна высокая степень изоляции изучаемого явления от самого исследователя [98]. Нельзя не признать справедливость этого мнения, поскольку оно находит явные подтверждения во многих экспериментально-психологических исследованиях в различных областях психологии, в частности, в работах о влиянии личности экспериментатора на результаты опыта [233]. Поэтому в современной методологии психологического исследования влияние особенностей личности экспериментатора на его результаты рассматривается как весьма существенная переменная; считается, что ее надо принимать во внимание при планировании исследования с целью нейтрализовать влияние этой переменной; последнее особенно важно в случаях, когда исследование проводится не одним, а несколькими учеными, группой ученых [207].

Сильное влияние субъекта познания в науках о психике в немалой степени реализуется в эксперименте, как общепсихологического плана, так и при изучении патологии, поэтому этот вопрос с равным основанием можно было бы рассматривать в разделе нашей работы, посвященном эксперименту (2.7). Поскольку одно из основных требований к эксперименту – объективность его результатов, такое влияние обуславливает наличие определенных ошибочных выводов и появление нежелательных тенденций в результатах ряда экспериментальных исследований. Как показали контрольные исследования, в основе подобных искажений объективности данных лежат некоторые психологические механизмы, достаточно хорошо изученные в общей психологии. Сюда относятся, в первую очередь, внушение, убежденность экспериментатора в неизбежности оп-

ределенного результата (так называемый «эффект ожидания», который далеко не всегда осознается самим экспериментатором). Было проведено немало исследований, в которых у экспериментаторов (конечно, вне их ведома) создавались установки в отношении испытуемых, их возможностей в плане решаемой задачи, в отношении самой методики и т.д.; во многих случаях, хотя и далеко не всегда, такого рода установки оказывались действенными и влияли на результат исследования. Еще до проведения таких контрольных экспериментов в экспериментальной психологии был разработан ряд предохранительных мер против всевозможных субъективных влияний, в том числе и влияний со стороны взаимодействия субъекта и объекта. В частности, на это направлено требование рандомизированного отбора испытуемых, поскольку нередки случаи, когда экспериментатор, сознательно и подсознательно, желая получить положительный результат (то есть различия в реагировании испытуемых в условиях экспериментального воздействия и вне его), отбирает в экспериментальные группы по сравнению с группами контрольных испытуемых, соответствующих ожидаемому результату.

Изучение этих эффектов взаимовлияния субъекта и объекта психологического исследования одно время привело к теоретической дискуссии, в ходе которой возможные влияния со стороны экспериментатора были более детально дифференцированы и по типу исследования, и в отношении роли отдельных его стадий (усвоения задачи, как самим исследователем, так и испытуемыми, в отношении стадии планирования, обработки данных и т.д.), а также различий между тем, кто разрабатывает схему исследования и непосредственно проводящим его экспериментатором [120].

Особенно велика роль субъектно-объектного взаимодействия при изучении психической патологии. Здесь проявляется ряд новых факторов, которых не было при изучении психической нормы. Прежде всего, распознавание психической патологии и ее оценка (за исключением случаев грубой патологии с очевидной симптоматикой) в принципе доступны только специалистам, мнениям же неспециалистов здесь отводится весьма ограниченная роль⁶.

Только лишь врач-психиатр или клинический психолог, рационально строя взаимоотношения с больным в рамках клинического метода могут правильно оценить симптомы, расстройства и их место в общей структуре (в синдроме) и дать их нозологическую квалификацию, а также оценить сте-

⁶ Более подробно см. ранее выполненную работу: Роговин М.С. Научные критерии психической патологии. Ярославль : ЯрГУ, 1981.

пень открытости или скрытности больного (что особенно важно при параноидных формах шизофрении, в какой-то мере и для невротических состояний), степень аггравации или, наоборот, диссимуляции (особенно при расстройствах, ведущих к деменции). Меньшее значение имеет профессионально обусловленная узость подхода, обуславливающая не очень опытного психиатра или клинического психолога видеть патологию там, где ее фактически нет или же гипердиагностировать имеющуюся патологию [88], однако в теории мы должны считаться и с такого рода возможностью.

Помимо роли профессионализации – вопроса в большей мере практического – в современной психопатологии рассматривается и ряд других уже куда более теоретизированных вопросов. Антропологическое или экзистенциальное направления в психиатрии исходят из положения об «изменении наличного бытия», «коммуникации», «собственного мира», что ведет к «крушению жизни». Бред, в соответствии с такими взглядами, представляет собой самовыражение шизофренического бытия. Антропологическое направление трактует психоз как результат краха привычного существования человека. Идеалистическая природа этого направления явствуется из оценок К. Ясперса, который писал, что образ человека, сложившийся в антропологии, вырос из греческой философии, учений Августина, Кьеркегора, Канта, Гегеля, а затем и Ницше. Духовные и психологические масштабы человека еще и сегодня недостаточно установлены, а достигнутый уровень знания неадекватен для оценок существования человека в том смысле, в каком он себя осознает [177]. Р. Кун считает первой экзистенциалистской работой в психопатологии статью Л. Бинсвангера «Сон и экзистенция», опубликованную в 1930 г., хотя в несколько более ранних работах, например, Э. Штрауса или Э. Минковского уже были намечены некоторые из тех положений, которые были представлены в этой статье Л. Бинсвангера уже в виде более или менее законченной теоретической концепции [245].

В контексте нашего изложения важно подчеркнуть, что представители рассматриваемого направления делают особый акцент на взаимоотношение в процессе исследования врача-психиатра и больного. В указанной статье Л. Бинсвангера был впервые сформулирован его основной тезис о том, что психиатр и больной объединяются в единой ситуации общения «человек в психиатрии». Уже в этой завуалированной формулировке были высказаны претензии на создание нового способа познания психопатологических явлений, нового «видения со стороны психиатра» на основе «анализа существования», постижения духовного мира одного человека –

в данном случае больного – другим человеком – психиатром. Это – основополагающий тезис всего направления экзистенциализма в психиатрии, независимо от тех или иных его вариаций; в других работах он нередко формулируется как «антропологический принцип». В осуществлении этой «встречи с больным» медицинско-клинический и экзистенциальный подходы играют различную роль. Определение этих ролей самими экзистенциалистами довольно разноречиво. С одной стороны, экзистенциальный подход – «это слуга психиатрии», с другой – он возможен и «вне всякой психиатрии. Он образует фундамент всего здания психиатрии» [245. С. 926] и «указывает на более краткий путь к пониманию патологии, чем путь клинической индукции» [245. С. 964].

В конкретной реализации этой далеко выходящей за рамки собственно психопатологии концепции бытия и общения имеются много различных вариантов, отражающих не только различия взглядов внутри этого направления, но и те влияния, которые оно испытывает со стороны других направлений современной зарубежной психиатрии. На этом мы подробно останавливались в только что отмеченной работе [50], здесь же отметим лишь то, что непосредственно относится к субъектно-объектному соотношению при исследовании психической патологии. Об индивидуальном «бытии в мире» психиатр-экзистенциалист судит на основании интерпретации высказываний больного. Фактически весь экзистенциальный анализ есть оперирование не понятиями, отражающими соотношения реальных, но языковыми значениями, полагаемыми как понятия. (Именно этим объясняется и своеобразное словотворчество экзистенциалистов, их неологизмы, особенно расчленение ими сложных слов, которых в немецком языке, как известно, немало). Производя свой анализ в категориях языка, психиатры-экзистенциалисты прямо следуют положениям М. Хайдеггера о том, что «именно посредством своей речи мышление выражает в языке невысказанное слово бытия» [167. С. 45] и что «язык является пристанищем бытия. В обители бытия живет человек» [167. С. 50].

С другой стороны, экзистенциальный подход к исследованию психической патологии в процессе общения неизбежно смыкается со всеми теми теоретическими концепциями, в которых делается попытка вскрыть внутренние механизмы понимания «чужого Я». Здесь следует указать в первую очередь на понятие эмпатии, введенное в 1907 г. Т. Липпсом, суть которого в непосредственном познании «чужого Я» через переживание, когда наблюдатель, полностью отказавшись от всех форм интеллек-

туального познания, заменяет его эмоциональным «погружением» в чужую психику, в другое «Я». Отсюда возникает возможность новых связей и теоретических концепций, бытующих и теперь в зарубежной психиатрии и психотерапии. Эмпатия не только указывает на характер познания самого исследователя, но и концентрирует его внимание на эмоциях, конфликтах, влечениях обследуемого. М. Шеллер [238], принимая самый термин Липса, уже переосмысливает его в объективно-идеалистическом контексте: познание другого возможно, по Шеллеру, не благодаря сопереживанию, но вследствие того, что генетически человек живет в другом в большей степени, чем в себе самом, больше – в обществе (Gemeinschaft), чем в индивидуальности. Из понятия эмпатии исходил в построении своих психотерапевтических теорий и методов и своей психодрамы Дж. Морено. Отсюда естественна связь понятия эмпатии с взглядами З. Фрейда, который, однако, склонен был рассматривать эмпатию в более рационалистическом плане – как один из видов умственной идентификации, как степень «соучастия» «Я» во внешней реальности, противостоящей этому «Я». Являясь одним из механизмов, регулирующих взаимодействие субъекта и объекта познания, эмпатия, по Фрейду, вследствие своего характера не является средством непосредственного познания психического.

В принципе, проблема взаимоотношения субъекта и объекта в познании психического не ограничивается перечисленными понятиями и концепциями. Они лишь ее прямое выражение, в то время, как и в общей психологии, так и в психопатологии множество проблем и понятий, связанных с ней косвенно. Это и проблемы верифицируемого и интуитивно-го познания психического, наблюдения и самонаблюдения, и клинического метода, и многие вопросы планирования эксперимента, и вообще методологии психологического исследования как такового. На некоторых из них мы остановимся в дальнейшем изложении теоретических основ психологического исследования. Если при этом и не всегда в тексте будут однозначные указания на эту связь, последняя неизбежно включена в большинство рассматриваемых нами проблем, поскольку психические процессы и индивидуальные особенности их протекания как объект познания и направленная на это познавательная деятельность исследователя (субъекта) могут быть научно проанализированы лишь «в их социально-культурной и исторической обусловленности, если признается, что предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта опосредована отношением субъекта к другим субъектам» [39. С. 20].

1.5. Дуализм и монизм в науках о психике

Не менее сложной представляется другая особенность наук о психике: их место в общей системе современной науки и то, в какой мере они могут строиться лишь на естественно научной основе, или же выступать в качестве наук общественно-гуманитарного цикла. Или же, наконец, следует ставить вопрос так: необходимо определить какие-то особые формы и обоснования для того, чтобы сочетать эту двойную отнесенность наук о психике. Все развитие психологии в период конца XIX в. – начала XX в. служит явному опровержению, как попыток трактовать психическое в отрыве от мозгового субстрата, так и, в известной мере, противоположных тенденций – лишь в качестве проявления внутренних мозговых закономерностей. Такими крупными исследователями, как Т. Майнерт, К. Вернике, Х. Джексон (к ним вполне можно добавить К. Клейста, хотя он представляет чуть более поздний период) психическая деятельность рассматривается не как результат соотношения мозга с внешней средой, а как продукт мозговой деятельности. Так, Вернике, занимаясь сейюнкцией⁷, трактует ее как результат возбуждения или перерыва сенсомоторной дуги. Собственно также примерно рассматривает психическую деятельность и Джексон. Он считает вполне развитую психическую деятельность результатом интегративной деятельности различных уровней головного мозга, а психоз – распадом, диссоциацией этой единой интегративной деятельности. И у него психоз и психическая деятельность в конечном итоге рассматривается как плод внутримозговых отношений. Если у Вернике – как результат деятельности различных центров, областей головного мозга, то у Джексона – как результат деятельности различных уровней головного мозга [87. С. 9]. По определению Ю. Каннабиха, суть взглядов представителей этого направления (иногда его называют неврологическим, иногда – анатомофизиологическим, или церебрально-патологическим) состояла в следующем утверждении: «Наука о психических расстройствах только тогда встанет на твердую почву, когда будет изучен во всех деталях тот орган, в котором сосредотачивается психическая жизнь». Но, продолжает Каннабих, «эту очевидную истину надо было

⁷ Теория сейюнкции, выдвинутая К. Вернике в 1880 г., есть приложение общепсихологического учения об ассоциациях к области патологии. Согласно ей нарушения в работе ЦНС приводят прежде всего к разрыву семантических связей, представлений, что, в свою очередь, ведет к тому, что самые различные по своему содержанию представления могут существовать рядом друг с другом или даже вторично друг с другом ассоциироваться (что характерно для Dementia praecox).

перенести на бесконечно трудные проблемы, выдвигаемые психиатрией, где все начинали с конца, запутывались в середине и не умели отыскать исходной отрезок нити всего клубка» [28. С. 369].

Среди противоположных, то есть анализирующих психику в отрыве от ее анатомо-физиологического субстрата теорий, обративших на себя внимание в период конца XIX – начала XX в., следует в первую очередь указать на ту, которую обобщенно называют «понимающей» психологией. Не углубляясь в детали развития этого направления, можно считать, что его теоретические основы были заложены В. Дильтеем, во многом перенявшим более ранние проблемы и теоретические позиции герменевтики. Основной акцент был сделан Дильтеем на специфику познания в гуманитарных науках («науках о духе» – *Geisteswissenschaften*), которая противопоставлялась им познанию в естественных науках (*Naturwissenschaften*). Хотя этот исходный тезис Дильтея и не был психологическим, он имел своим непосредственным следствием раскол наук о психике, что противоречит их фактическому монизму. Дильтей противопоставил объяснение как метод естественных наук – пониманию как специфическому пути познания в гуманитарных науках; не будучи в состоянии определить сущность понимания, Дильтей и многие его последователи сводили понимание к неимеющему рациональной основы чувствованию. Та часть психологии, которая непосредственно связана с работой мозга, с его физиологией, по существу, полностью отрывалась от психологии как науки гуманитарной.

Направление «понимающей психологии» не вполне однородно. Так, один из последователей Дильтея – Э. Шпрангер видел ее задачу в установлении смысловых связей, категориальных форм, определяемых «духовно-исторической сферой», что было уже близко точке зрения Г. Риккерта и вообще гейдельбергской ветви неокантианства. Шпрангером был выдвинут тезис «*psychologica-psychological*», то есть требование объяснения психологических факторов психологическими же. Важно отметить, что в этом вопросе (несмотря на существенные расхождения в ряде других) мнение представителей «понимающей психологии» совпало с точкой зрения З. Фрейда, также фактически отказывавшегося во многих принципиальных моментах от причинного объяснения психических феноменов.

В первоначальных идеях З. Фрейда был еще один важный аспект, относящийся к статусу психологии и психопатологии в системе наук. Продолжая утверждать, что научному пониманию психического предшеству-

ет взгляд на человека как на целостную биологическую структуру, поведение которой направляется рядом психологических механизмов, Фрейд в то же время пришел к формулировке и совершенно иного по своей сути тезиса. Согласно его взглядам, многие патологические симптомы не только (или даже не столько) обусловлены непосредственно биологическими причинами, но и есть носители смысла и значения, которые, в свою очередь, есть выражение бессознательного. Таким образом, возникает идея двойственной обусловленности психического, проявления в нем двух гетерогенных начал.

Дальнейшее развитие этих положений оказывается связанным с разработкой, с одной стороны, общей психопатологии как базовой дисциплиной внутри наук о психике и с развитием теории понимания – с другой.

Развивавшаяся внутри немецкой идеалистической философии концепция понимания, не выходящая за рамки альтернатив «вчувствования–категоризации» или «понимания – объяснению», «наук о духе – наукам естественным», оказывается несколько измененной у К. Ясперса. На первом плане у Ясперса противопоставление каузальных связей – понятным. Для него понимание определяется не только или даже не столько объектом, его спецификой, как об этом говорили Дильтей и его последователи; Ясперс даже подчеркивал, что неправильно отождествлять познание психического с пониманием, а познание в естественных науках – с объяснением. Суть понимания, по Ясперсу, в самом процессе, в познающем субъекте. Ясперс – слишком рационалист, чтобы солидаризироваться с теорией участия, и слишком психопатолог, клиницист, чтобы акцептировать надындивидуальные сущности и значения. Согласно его теории, понятные связи формируются у субъекта по аналогии с обобщенным, типическим образом; процесс понимания почти идентифицируется им с интуитивным познанием, поскольку характеризуется одними с ним критериями (очевидностью, однократностью, значительной степенью независимости от прежнего опыта, научения и т.д.). Рассматривая понятные связи как универсальные в познавательном плане, Ясперс намечал их различные виды – от понимания выразительных движений и вплоть до «метафизических», что трудно согласовать с его собственным первоначальным общим определением понимания. Учитывая разнообразие видов понимания (их у Ясперса по меньшей мере девять), можно было бы – исходя из логики проблемы – думать о необходимости установить внутренние механизмы различных видов понимания, но Ясперс не пошел по этому пути. Нет у него в этом смысле теории понимания, а понятные и

каузальные связи остаются гетерогенными по своей психологической сущности. Для Ясперса динамика понимания как компонента познания – в изменчивости удельного веса понятных и каузальных связей в каждом отдельном акте познания: в зависимости от наших знаний об объекте можно устанавливать как те, так и другие, и отношение обоих видов связей меняется вместе с прогрессом науки в пользу связей каузальных (хотя, по Ясперсу, не во всем и не всегда).

В контексте данной работы важно подчеркнуть следующую особенность теории Ясперса: соотношение понятных и каузальных связей есть для него косвенный индикатор природы познаваемого исследуемого объекта. Для Ясперса противопоставление двух видов связей имеет в первую очередь вполне конкретный психопатологический смысл при дифференциальной диагностике невротических и собственно психотических расстройств [177].

Следует подчеркнуть, что тенденция к единству наук о психике сильнее, чем только что рассмотренный нами дуалистический подход. Во второй половине XIX – начале XX в. она проявлялась через ограничение предмета психологического, исследования или в еще большей степени – его истолкования (функционализм, структурализм, Вюрцбургская школа, гештальтпсихология). Таким образом, за монизм психологии платилась высокая цена неоправданных ограничений.

В отечественной психологии в отличие от только что перечисленных «ограничительных» концепций был разработан ряд взаимосвязанных, продолжающих друг друга теоретических концепций, в которых сохранение монистического принципа наук о психике обосновывается широким пониманием предмета (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия – культурно-историческая теория развития высших психических функций; теория деятельности – А.П. Леонтьев, Э.Т. Юдин; структурно-уровневая теория – Н.А. Бернштейн, М.С. Роговин, Г.В. Залевский, А.В. Соловьев, Л.П. Урванцев, Н.И. Курочкин, Л.М. Иванов, П.С. Желеско, Е.В. Карпова).

Необходимо предостеречь также против упрощенной оценки той или иной теоретической системы в психологии и психиатрии как «материалистической» только на том основании, что она исходит из факта анатомо-физиологической обусловленности психики, а теории, постулирующие более сложную природу психического, в частности, обусловленность их и общественной природой личности, и процессами познания и общения – идеалистическими. Напоминание это тем более уместно, когда

такие авторитетные ученые, как Э. Боринг, допускают в этом отношении ошибочные оценки [130].

Существование более широких «систем координат», в которых реализуется исследование и дается объяснение отдельным феноменам не есть лишь факт теории, но оно оказывает непосредственное влияние и на практическую сторону исследовательской деятельности. Особенно следует подчеркнуть влияние его на выбор и предпочтение методов исследования, на чем мы подробнее остановимся во второй части нашей работы.

1.6. Проблема установления места психологии в системе наук

Рассмотренный в предыдущем разделе раскол внутри наук о психике, который явился следствием дуализма идеалистической психологии конца XIX – начала XX в., был также исходной точкой для идеи об особом месте психологии в системе наук, – точки зрения, которая в истории и методологии науки получила название «психологизма». При большем или меньшем различии в отдельных положениях те, кто отстаивают психологизм в науке, видят в нем не только неотъемлемую часть любого, в том числе и научного знания, по и его основу [43]. Особо сложную форму вопрос обоснования места психологии в системе наук занимает у Ж. Пиаже. В своей классификации наук он исходит из двух критериев – активности субъекта, направленной на определенные объекты, в результате которой происходит ассимиляция объекта субъектом, и генетического критерия; фактически в понимании Пиаже оба критерия представляют собой единство. Если бы классификационная схема Пиаже была линейной, то можно было бы сказать, что на одном ее конце располагаются науки, представляющие общую структуру координации действий субъекта (математика, логика), на другом конце – науки, определяемые в своем содержании специфическими особенностями объектов (физика, биология). Но система Пиаже замкнута через психологию, занимающую таким образом «ключевую позицию в системе наук» [108. С. 36]. Каждая наука включает в себя элементы общей координации (то есть определенную логико-математическую структуру), и в то же время любая математическая структура есть потенциальный носитель частного содержания [105]. Ни математика, ни логика, ни физика «ни в коей мере не зависят от психологии в своих методах или теоретических структурах», но овладение этими структурами «возможно только через воздействие организма на объекты и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее

развитии... Таким образом, связи между науками выражаются не односторонними, а двусторонними стрелками, иначе говоря, круговыми связями или связями по спирали, что соответствует духу диалектики» [108. С. 36–39].

Анализ и обоснование местоположения психологии в системе наук есть для Пиаже лишь часть его гносеологической концепции, которую он называет эпистемологией и которая изложена в его трехтомном «Введении в генетическую эпистемологию» [221]. Генетическая эпистемология охватывает очень широкий круг проблем, группирующихся по двум основным, по замыслу Пиаже, все время пересекающимся направлениям: онтогенетическое развитие, закономерности которого выявляются с помощью психологического эксперимента в сопоставлении с данными из истории научной мысли, с одной стороны, и общие теории современной логики и математики – с другой. Эпистемология, повторяя слова Пиаже, предполагает «уже решенными проблемы логики», поэтому она включает в себя логические схемы так же, как включает психологические данные.

Основная ошибка Пиаже (а отсюда и ложное обоснование классификационной схемы наук) заключается в скрытом постулировании критерия истинности – в предположении, согласно которому общая координация действий субъекта автоматически выражает и структуру реальности. Как подчеркивают В.А. Лекторский и В.Н. Садовский, «объективная обусловленность действий субъекта организма вовсе не может явиться гарантом объективной истинности знания, его соответствия внешнему объекту. Иллюзии и заблуждения также обусловлены вполне объективными причинами – условиями познания, физиологическими и психологическими особенностями познающего субъекта и т.д. [37. С. 212].

Безусловно, в свете современных данных психология должна занимать в системе наук несколько обособленное, особое место, в целом подкрепляя этим идею нелинейной классификации. В классификационной системе, предлагаемой Б.М. Кедровым и строящейся на принципах многоплановости связей между науками, общего развития во времени, субординации (развития высших форм из низших) и объективности (на основе реальных предметных связей), психология действительно занимает особое место внутри треугольника, вершины которого составляют науки естественные, социальные и философские [29]. В отличие от трудностей, связанных с установлением места психологии, место психиатрии четко определяется в системе медицинских наук; однако, любая попытка сде-

лать это, исходя из более общих, даже если не гносеологических, то хотя бы биологических критериев, может натолкнуться на ряд трудностей того же плана, что и определение места психологии [71. С. 47–49].

1.7. Системы понятий наук о психике

Для уяснения особенностей познания в науках о психике анализ системы психологических понятий играет особо важную роль, прежде всего, в плане объяснения полученных в исследовании данных. Всякая установленная в том или ином исследовании новая информация изменяет, дополняет, обогащает уже существующие понятия об объекте. Результатом всякого исследования является, таким образом, изменение понятия, его движение. Новые данные в зависимости от степени их генерализованности, так или иначе, воздействуют на всю систему психологических понятий, хотя такого рода изменения, конечно, проявляются в различной степени в зависимости от семантической близости того или иного понятия к объекту данного исследования. Правда, существует мнение, что отдельные экспериментальные работы не могут сколько-нибудь заметно влиять на существующие теории; последнее в какой-то мере доступно большим фундаментальным сериям исследований, имеющим общую направленность [145], естественно, в этой связи на память приходят, прежде всего, исследования И.П. Павлова об условных рефлексах или же Л.С. Выготского о развитии высших форм познавательной деятельности. По-видимому, этот вопрос теории должен быть разработан более глубоко, чем это имеет место на сегодняшний день.

В познании реализуется и обратный процесс интеграции видоизмененного понятия об объекте в систему, что в конечном итоге есть ни что иное, как объяснение новых полученных в исследовании данных. Ниже мы специально остановимся на проблемах объяснения в науках о психике, хотя по мере их развития эти проблемы во все большей степени теряют свой специфический характер и сближаются с общенаучной проблематикой объяснения [51, 67, 106, 112].

Однако все же при более детальном анализе видно, что эти общие с другими науками проблемы носят в основном методологический и логический характер; если их «вынести за скобки», то остается содержательная сторона системы психологических понятий, которая во многом сохраняет свой специфический характер и уж, во всяком случае, требует того, чтобы на них остановиться специально.

Система понятий современной психологии (которую лишь с очень большими оговорками можно назвать системой) представляется чрезвычайно разнородной. В ней значительное место занимают понятия, выведенные из повседневного опыта и определяемые только внутри языковых значений. На этот «грунт» в ходе исторического развития наложился слой понятий, определяемые уже не столько языком, сколько их принадлежностью к той или иной философской концепции. Далее накладывается слой оперативных понятий, выводимых на основе экспериментально-психологических исследований. Важнейшие психологические понятия, такие как «сознание» и «бессознательное», «интеллект», «индивидуальность», «личность», «психические процессы», «инстинкт», «влечение», «потребность» и т.д. имеют десятки несогласующихся друг с другом определений. На разных исторических этапах развития психологии с большей или меньшей настойчивостью звучали жалобы на трудности выражения психического в научных понятиях. Их неадекватность характеру изучаемых явлений всегда ставила большие затруднения на пути развития психологии. Например, в свое время У. Джемс в поисках средств для описания «потока сознания» прибегал к понятию гетерогенных частей – выделял «субстанциональные» и «транзиторные» части.

Попытки преодолеть неадекватность психологических понятий сами собой приводят к их систематизации. Как в психологии прошлого, так и в современной, налицо явная тенденция широко использовать в качестве объяснительных (хотя бы на начальном этапе) не только понятия наглядно-образные, но и понятия, отражающие пространственные отношения («сфера», «расщепление», «дистанция», «отстояние»); как известно, К. Левин, который шире, чем кто-либо другой, использовал это обстоятельство, назвал свою теорию «топологической психологией».

В системах понятий о психической патологии с особой резкостью проявляет себя противоречие между донаучными и собственно научными понятиями. Этот антагонизм порождается самой природой психической патологии, которая лишь в своих наиболее грубых формах может быть отражена в донаучных понятиях; в своих же более сложных и дифференцированных формах она совершенно недоступна квалификации с помощью донаучных понятий [71].

В сложной трансформации психологических понятий, имеющей место в ходе психологического исследования, можно выделить определенные параметры, которые хотя и связаны с самой процедурой эксперимента, но в большей степени – с теми теоретическими контекстами, которые, выхо-

ды за пределы каждого конкретного экспериментально-психологического исследования, накладывают свой отпечаток на понятия на выходе. Конечно, есть немало параметров, о которых можно сказать, что занимаемое тем или иным понятием место на континууме его значений существенно влияет на делаемые на основе исследований выводы (например, «наблюдаемое – ненаблюдаемое», «описание – объяснение», «общее – индивидуальное»).

Отмечая сложность и несовершенство – в плане требований строгой науки – применяемых в науках о психике понятий, мы не только вправе, но и обязаны использовать данные о природе понятий, которые накоплены теми разделами психологии, для которых сами понятия есть объекты исследования. В этом проявляется специфическая особенность познания в психологии, а именно: ее данные, относящиеся к самому процессу познания, могут затем включаться в исследования иного плана, повышая тем самым их уровень и достоверность делаемых на их основе выводов⁸.

Отметим поэтому те данные о природе понятий, которые дает в наше распоряжение современная психология познавательных процессов и которые проливают свет и на те понятия, которыми оперируют сами науки о психике.

⁸ Эта очень важная особенность почти не подвергалась анализу. Приведем лишь некоторые подтверждающие эту мысль примеры. Общеизвестны факты острого интереса некоторых крупнейших физиков к психологии, в частности А. Пуанкаре. А. Эйнштейн обращался к Ж. Пиаже за консультацией по вопросу закономерностей самого познания. Современный нам исследователь У. Ла-Барр пишет: «Все естественные науки, с тех пор как у их представителей укоренилось убеждение в том, что это – науки точные, исходили сначала из безусловной способности различать между возможностью и природой, и уж потом – из анализа и измерения величины, присущей самому процессу познания «вероятной ошибки, что свидетельствуется хроматическими и другими искажениями в поле зрения микроскопа и другими того же рода феноменами» (La Barre W. Preface // Devereux G. From anxiety to method in the behavior sciences. The Hague, 1967. P. 7). Приведем еще подтверждающий эту мысль пример, который имеет уже определенные экспериментальные обоснования. Разрабатываемая У. Хантом «психофизиологическая модель» деятельности клинициста основана на соотношениях, согласно которым ошибки клинических суждений, подобно отклонениям в суждениях об эталонной величине стимула в психофизических экспериментах, контекстуально обусловлены и указывают на факторы (уровень квалификации, степень знакомства с заданиями данного типа и т.п.), которые противодействуют такому рода ошибкам. Согласно этой модели, между особенностями стимуляции и диапазоном концептуальных измерений, с одной стороны, и особенностями и диапазоном ответов, с другой устанавливается закономерная статистически выражаемая связь, и поэтому изучение особенностей ответа имеет не только некоторый прямой результат, но и результат косвенный – возможность на этой основе судить о характере патологии [174]. Отметим также в этой связи монографию Fiske D.W. Strategies for personality research. San Francisco, 1978.

Как свидетельствуют данные современной общей психологии, понятия – это сложные многоуровневые образования (структуры), включающие в себя переработку информации, доставляемую анализаторами, и процессы, обуславливающие направление внимания на объект, и фиксацию этого объекта, извлечение информации из долговременной и кратковременной памяти, а далее – сложные структуры взаимоотношения непосредственно воспринимаемого и его словесного обозначения.

Из множества свойств понятий, которые все более уточняются по мере того, как они изучаются в гносеологии, психологии, логике и лингвистике, мы, в связи с нашей задачей, выделим пока лишь два. Самым главным, основным свойством понятий является их обобщенный характер. Последний заключается в том, что содержащееся в понятии указание на существенные признаки никогда не ограничено чем-то непосредственно включенным в наличную ситуацию. Понятие всегда есть отражение общего, свойственного не одному конкретному предмету, а целому классу предметов. Нередко это свойство обозначают как свойство категоризации, поскольку понятие всегда включает данный объект, предмет в более или менее широкую категорию, класс объектов. Так, понятие инструмента относится не только к тому, чем человек работает в данный момент, но и ко всем предметам, служащим средством воздействия на окружающую действительность, более того, расширенно обозначает любой предмет, опосредующий некоторое направленное извне воздействие. Способность нести, выражать собой особенное содержание есть важнейшая предпосылка успешности познания. Внешний мир является источником практически бесчисленных числа и комбинаций стимулов, но человек реагирует лишь на ограниченное число тех из них, которые для него значимы, такого рода отбор есть результат способности обобщения. Человеческий глаз способен различать до 7 миллионов цветовых оттенков, но мы в своей повседневной жизни вполне обходимся несколькими десятками цветов, обобщенных с помощью словесного обозначения. Для художников и специалистов по окраске тканей это число вырастает до сотен, но принцип обобщения все равно остается в силе. Всякое клиническое заключение, диагностическое суждение есть обобщение, поскольку каждый отдельный случай подводится под общую (диагностическую) категорию.

То обстоятельство, что понятие является носителем обобщенного содержания, делает его относительно независимым от конкретной формы его выражения. Понятие может быть максимально свернутым, выраженным одним словом, термином, знаком, либо иметь развернутый характер,

принимать форму суждения, определения. В медицине суждение о сущности заболевания – диагноз – есть развернутое и соответствующее по своему содержанию современному уровню медицинских знаний суждение, умозаключение о каждом отдельном больном. Диагноз является понятием о данном больном.

В качестве второго свойства понятий назовем то, что они одновременно имеют и объективную, и субъективную природу. Это значит, что понятие существует и независимо от каждого отдельного человека, поскольку выражает объективную реальность, существующие независимо от индивида связи и отношения действительности, оно является выражением объективного знания. Понятие само имеет объективную природу еще и потому, что обязательно выражено с помощью материальных и общезначимых систем обозначения. С другой стороны, оно является результатом индивидуального опыта. Понятия у разных людей отличаются, как по объему, так и по содержанию, они лишь в идеале асимптотически приближаются к объективному содержанию понятия. Это имеет место в той мере, что индивидуальный опыт каждого неповторим, уникален, и в соответствии с ним каждый выделяет в предметах и явлениях определенные свойства. Последние, хотя в общем и идентичны тем, которые выделяют и другие (особенно это касается научных и профессиональных понятий), но все же индивидуальные различия даже здесь полностью не нивелируются. В этой связи можно привести одно наглядное сравнение: когда несколько художников выполняют эскизы с одной и той же натуры, эти эскизы не только достаточно ясно отличаются друг от друга, но и по каждому из них можно судить об индивидуальных особенностях видения натуры.

Конечно, понятия как компоненты сложной познавательной деятельности, могут быть проанализированы и классифицированы с самых различных сторон, по в плане нашей задачи главным является разделение на их донаучные и научные понятия. Только что указанные свойства характеризуют, как донаучные, так и научные понятия. Но имеются и принципиальные отличия между ними. Для донаучных понятий характерно следующее:

- ограниченность их, с одной стороны, личным опытом и, с другой стороны – языковыми значениями;
- при всей их ограниченности в донаучных понятиях обычно отражается объективная реальность и ее закономерности, закрепленные в языковых значениях;

– опирающийся на них в своих выводах наблюдатель очень мало дифференцирует объективное содержание воспринимаемого от своего отношения к этому содержанию;

– поскольку эти понятия отражают объект на обыденном уровне познания, они нередко если не противоречат, то, во всяком случае, не совпадают и по содержанию, и по объему с отражающими тот же объект научными понятиями, выработанными позднее и на основе экспериментального исследования.

Далее, между донаучными и научными понятиями имеются важные различия в плане того, какие признаки используются в качестве основы формирования понятия. Нередко донаучные понятия формируются на основе признака, осмысливаемого как наиболее выделяющего их, т.е. нередко внешнего, яркого. Именно так и обстоит дело с понятием психической патологии: симптомы «нелепости», «необычности», «непонятности», «немотивированности» – это признаки наиболее явные, выделяющиеся. Важно подчеркнуть, что все это не столько непосредственно воспринимаемые признаки, сколько именно понятия, продукты мышления (что часто подчеркивается их отрицательной формой), результаты сопоставления стереотипных представлений об «обычном» с наблюдаемым в данный момент поведением, которое оценивается как «нелепое» или «необычное».

В отличие от понятий обыденного опыта научные понятия ограничены определенной конкретной областью: научные понятия формируются на основе аналитического выделения общих признаков (и не просто общих, но и существенных); самое же определение «существенности» не входит в определение данного понятия, но феноменологически ему предшествует. Далее, научные понятия отличаются от обыденных тем, что должны удовлетворять определенным критериям: объективности, верифицируемости, отражать законы, существенные конкретной области реальной действительности, причем они отражают более глубокие (сущностные) закономерности и связи, чем понятия донаучные.

Понятия, по словам П. Фресса, это – тело науки. Лишь на первый взгляд прогресс психологии – в новой информации, в добавлении ранее не известных факторов. В действительности более сложный, тонкий и не видимый без специального анализа прогресс имеет место в изменении содержания психологических понятий (что, в свою очередь, влечет за собой и разработку более тонкой терминологии). Достаточно взять какой-либо фундаментальный, даже классический труд конца XIX – начала

XX в., как например «Эволюция общих идей» Т. Рибо, чтобы увидеть, насколько современная система психологических понятий превосходит систему понятий того времени, в частности, и в отношении не только возможностей отразить отдельные их характеристики, но и всю ее в целом. Конечно, под влиянием более дифференцированных задач исследования общие определения внутри области понятий также дифференцируются. Например, в проводившихся нами исследованиях процесса формирования понятий, мы исходили из дефиниции последних как выделяемых субъектов в качестве средства решения некоторого класса однородных познавательных задач элементов сложившейся системы действий, языка, знаков.

1.8. Объяснение в науках о психике

Объяснение есть обязательный этап каждого научного исследования, и психологическое не является здесь исключением; наряду с общим для всякого научного объяснения, у объяснений в науках о психике имеются собственные специфические моменты. Проблемам исследования, возникающим на этапе объяснения, посвящена обширная литература, которая в настоящее время уже представляет собой органическую часть общей методологии психологического исследования [67, 106]. Сложность и объем проблем объяснения велики и мы здесь не имеем возможности остановиться на них сколько-нибудь подробно. Более подробно проблемы объяснения в психологии были изложены в только что указанных работах (вопрос об объяснении и понимании, как методах наук о психике, рассмотрен в статье, помещенной в данном томе).

1.9. Верифицируемое и интуитивное познание психического

Уже давно, со времени античности, как на эмпирическом уровне, так и на уровне философско-умозрительных обобщений рассматривалась проблема логического, рационального, дискурсивного познания психического и познания его путем интуиции. Это рассмотрение, еще не опиравшееся на какую-либо информацию о лежащих в основе каждого из этих путей психологических механизмах, ограничивалось констатацией их противопоставления. Многим аспектам этого противопоставления посвящена обширная философская и психологическая литература⁹, на кото-

⁹ См., например, Налчаджян Л.А. Некоторые психологические и философские проблемы

рой мы не можем здесь останавливаться. Отметим только, что по мере развития научного знания противопоставление рационального рассуждения и интуиции как двух гетерогенных форм познания свелось к противопоставлению данных, полученных с помощью научно верифицируемых, реализующихся во времени методов, и интуиции индивидуализированного, осуществляющегося одновременно познания.

С другой стороны, вместе с развитием экспериментальной психологии и достижением ею такого уровня, когда она уже с большой продуктивностью обращается к самому процессу психологического исследования, многие аспекты интуитивного познания, в его сравнении и противопоставлении познанию рациональному, приобретают иное звучание и занимают иное место, чем это было ранее.

Прежде всего, экспериментально-психологическое исследование подтверждает самый факт существования таких форм и возможностей познания, которые не поддаются сведению их к рационально-логическим формам. Так, в частности, было показано, что такие впечатления (стоящие между собственно познавательными актами и обусловленными ими чувствами) как «знакомое» или «незнакомое», «дружественное» – «враждебное», «сильное» – «слабое» и т.д. формируются не рационально, а интуитивно.

Многие исследователи в конкретных отраслях науки отводили – в зависимости от своих индивидуальных особенностей – более или менее существенное место интуиции. Автор современного руководства по медицинской диагностике рассматривает основанный на интуиции диагноз наряду с методами, основанными на физических, химических и других естественно-научных закономерностях [163]. Ученые, занимающиеся расшифровкой писем, выполненных на древних, неизвестных языках, также считают, что в этой работе интуиции, как «способности подсознательно идентифицировать существенные признаки и связи... уловить структуру текста» [17] принадлежит весьма существенная роль.

Ограничимся этими примерами, поскольку аналогичные можно найти и в других областях. В этой связи подчеркнем лишь, что при экспериментальном изучении интуиции четко выступает следующее важное для нашего изложения обстоятельство: большой удельный вес интуитивных

интуитивного познания. М., Мысль, 1972; а также соответствующие статьи в философской энциклопедии. Следует, конечно, помнить о содержании термина «интуиция»; если у Декарта это – ясное и четкое знание, то для современной психологии – это знание есть результат минимального участия размышления и рассуждения, знание безотчетное.

форм познания проявляется в случаях исследования психического. Несомненно, эта связь в первую очередь обусловлена самой природой объекта психологического исследования, не допускающего во многих случаях аналитического расчленения (на этом вопросе мы останавливались в начале книги, см. раздел о предмете психологии). Как история наук о психике, так и их современное состояние свидетельствуют о том, что с полным основанием можно говорить о двух различных формах, двух путях достижения познавательного результата при изучении психического¹⁰. Проблема заключается в том, каковы взаимоотношения между ними и каковы те технологические механизмы, которые лежат в основе каждой из этих форм. В современной психологии отмечается стремление дать ответы на оба эти вопроса.

То, что мы теперь противопоставляем как верифицируемое и интуитивное познание другого человека, то раньше выступало в иной форме – как умозрительное противопоставление чувственного и рационального; при этом многие мыслители отдавали явное предпочтение первому. Так, в одном из своих писем В. Гете в 1799 г. Ф. Шиллер писал о том, что в познании большинства людей чувственное (*Empfindung*) более эффективно, чем умственное (*Rasonnment*). Лишь только, продолжал он, подключается размышление (*Reflexion*), тут же начинаются и заблуждения [215. С. 17]. Такая редукция к непосредственно-чувственному соответствует имеющейся в донаучной психологии явной тенденции «переводить на язык ощущений» сложность психики другого человека или межличностного общения (мы говорим о «темных замыслах», «теплых или прохладных взаимоотношениях», о «жестком или мягком характере», о «слепой любви или ненависти» и т.д.).

Нет сомнения в том, что противопоставление верифицируемого и интуитивного познания приобретает особую остроту при изучении психической патологии (психиатрия, клиническая психология, патопсихология), поскольку здесь максимальна степень трудности интерпретации данных, полученных с помощью различных методов. Наиболее полное изложение этих вопросов дается в книге известного американского патопсихолога – П. Мила [210], трактовки которого оказали значительное влияние и на последующие рассматривающие эти проблемы работы

¹⁰ Различие между указанными двумя подходами особенно заметно в немецкоязычной литературе, в которой не только содержательно, но и терминологически противопоставляются «научная психология» (*wissenschaftliche Psychologie*) и «знание человека» (*Menschenkenntnis, Kennerschaft*).

[127]. П. Мил, после детального семантического анализа верифицируемого и интуитивного подходов при изучении психической патологии (в его терминологии это – методы «статистический» и «клинический»), показывает соотношение между этими двумя подходами в конкретном психопатологическом исследовании.

Еще на эмпирическом уровне были отмечены основные особенности тех действий исследователя, которые направляются интуицией. Во-первых, указывалось на специфический характер внимания типа «максимального слияния с объектом», сочетание его максимальной концентрации с полной пассивностью. Такое внимание должно предотвратить произвольное выделение отдельных сторон и свойств объекта и гарантировать целостность его восприятия, «схватывания» его внутренних взаимосвязей, гештальта¹¹. В этом духе высказывались такие крупные авторитеты как З. Фрейд и К. Лоренц. В своих советах врачу при проведении психоанализа [160] Фрейд говорит о «равномерно обволакивающем внимании» (*gleichschwebende Aufmerksamkeit*). По его мнению, именно такая концентрация должна обеспечить ту максимальную концентрированность и отдачу со стороны памяти, извлечение из нее всего того, что относится к данному больному и отстранение всех иных впечатлений от других аналогичных случаев. Аналогично К. Лоренц говорит о таком свободно витающем (*schwebende*) акцентировании при решении интеллектуальных задач, которое предшествует завершающему этот процесс напряжению.

В качестве второй характерной особенности личности, склонной к интуитивному постижению, указывают на относительно малую роль процесса научения, по крайней мере, в общеупотребимом значении этого слова. Исследующие эту проблему психологи нередко склоняются к тому, что интуитивное познание психического бывает адекватным, прежде всего, у людей, обладающих особыми к этому природными способностями, даром «сопереживания», позволяющих им непосредственно постигать психику другого человека.

¹¹ Очень хороший пример мы находим и только что цитированной книге «Тайны древних письмен», где рассказывается об особо одаренном дешифровальщике так называемого линейного письма Б.М. Вентрисе, по специальности архитекторе. Психологически здесь интересно замечание о том, что «глаз архитектора видит в постройке не просто фасад, набор конструкций и структурных Украшений, он проникает вглубь и различает за внешним фасадом основные части всего сооружения. Точно так же среди запутанного множества таинственных знаков Вентрис умел различать формы и закономерности, которые выдавали кроющуюся за этим хаосом структуру [17. С. 115].

Хотя в повседневной жизни мы, несомненно, встречаемся с определенными различиями в постижении психики других людей (как и в любой области деятельности), трудно представить себе и то, что практический, профессиональный опыт не имеют здесь никакого значения. Следует поэтому обратиться, прежде всего, к тому, каким образом, с помощью каких приемов психологи пытаются решить этот вопрос. Это – исследования, в основном, в области характерологии; прежде чем дать общее представление о применяемых здесь методах отметим важное в гносеологическом плане обстоятельство: попытки контроля интуитивным познанием осуществляются с помощью верифицируемых приемов и методов. В этой области получены некоторые весьма любопытные частные результаты, но психологи пока еще далеки от обоснованных выводов и обобщений.

Исследования эти строятся по принципу двух уровней: испытуемые сами выступают в роли экспертов, дающих заключения о поведении и психике других людей, а эти их заключения изучаются и оцениваются профессиональными психологами, обычно несколькими (исследовательский прием, называемый «методом судей»). Кроме того, применяется прием экстраполяции полученных в эксперименте данных на внеэкспериментальные ситуации с использованием предварительно выверенных критериев.

Вот типичное исследование и типичные результаты, которые были получены С. Эстесом в 1937 г. Двадцати психологам было поручено изучить в течение школьного года восемь учащихся, в результате чего Эстес получил столь объективные, сколь это возможно, оценки черт личности своих испытуемых. Тогда он заснял на пленку поведение своих испытуемых в определенных и выразительных ситуациях (от испытуемых требовалось завязать галстук, спать куртку, поиграть и даже побороться друг с другом). Эти кадры были затем дважды предъявлены 35 «судьям»-наблюдателям, которые все были психиатрами или психологами-клиницистами, имевшими, по крайней мере, двухлетнюю практику, и которые должны были оценить черты личности, бывшей предметом длительного изучения. Результаты этого исследования, при котором наблюдения судей могли быть сравнены с относительно весьма объективными данными, показали, что «ценность» наблюдения зависела от судей. Десять судей оказались лучшими в отношении всех наблюдаемых черт, и их результаты были на 33% выше результатов десяти худших судей. Ни возраст, ни профессиональный стаж, ни владение дидактическим психоанализом не оказали систематического влияния на результаты» [153. С. 113].

В исследованиях указанного типа иногда удастся углубить анализ тех внутренних психологических механизмов, которые лежат в основе выносимых суждений о психике другого человека. Немало очень интересных исследований было проведено в Венском психологическом институте. При этом выявились любопытные данные не только о том, с какой степенью достоверности определяли испытуемые взаимную принадлежность 12 голосов (записанных на магнитную ленту) и 12 лиц (по фотографии), но и о том, каким способом это получается лучше. Те, кто старался путем развернутого рассуждения выделить определенные признаки, кто долго и тщательно взвешивал все пункты «за» и «против», дали 18% правильных решений и 82% неправильных. Кто сопоставлял «не рассуждая», «по первому впечатлению», «не обдумывая» – представляли 82,6% правильных и только 12,4% неправильных решений. Из 12 лучших испытуемых было 8 женщин и 4 мужчин; из 8 худших – 4 мужчин и 4 женщины [231. С. 157].

В контексте нашей работы особо выделим исследования, в которых сопоставлялись результаты оценки психики, даваемыми профессиональными психологами и психиатрами, и оценки неспециалистов. Например, такое исследование было выполнено В.Б. Клейном, который пришел к заключению, что результаты в группе профессионалов были несколько выше, и для них характерны были значительные индивидуальные различия и широкий разброс показателей. И этот автор приходит к выводу о важной роли эмоционального переживания в оценке психики другого человека [144].

Общий результат приведенных данных свидетельствует, как о возможности экспериментальной верификации интуитивных решений, так и о возможности с помощью такого рода методик познавать их внутренние психологические механизмы. Вместе с тем весьма сомнительной представляется обоснование того, что суждение о психической патологии (прогноз) может быть успешным при наблюдении за совершенно неизвестными для личности ситуациями. Правильнее здесь подход более дифференцированный, в зависимости от характера глубины патологии.

Наряду с констатацией самого факта интуитивного познания и указания на обусловления его особенностью психического как объекта и, несмотря на отсутствие вполне адекватных для этой цели методик, психология уже располагает вполне приемлемым объяснением, как самого интуитивного познания, так и пониманием дальнейших путей его изучения. А.В. Снежневский в связи с теоретическим обоснованием существования диагноза и прогноза в медицине справедливо трактует интуицию как организованный и автоматизированный опыт клинициста [87. С. 181].

Помимо теории, согласно которой интуитивные формы познания есть результат работы некоторых психологических механизмов типа формирования навыков, в современной психологии для уяснения их сущности привлекают также данные о природе восприятия, в частности, некоторые положения гештальтпсихологии и этологии. Для случаев, когда интерпретации подлежат сложная воспринимаемая реальность, некоторые психологи и психиатры делают акцент на принципиальное отличие между восприятием гештальта и выделением в восприятии отдельных «ключевых» признаков (хорошо известно, что биологически значимые «ключевые» признаки приводят в действие особые внутренние системы реагирования, в терминологии этологической школы – врожденные пусковые механизмы). В противоположность ориентации на отдельные признаки, гештальт – это восприятие целостности, единства, которое, по меньшей мере, в самый момент восприятия – не может быть сведена к сумме отдельных признаков. Конечно, такого рода представления являют собой значительное упрощение: не только отношения между этими компонентами восприятия должны быть более сложными, но и следует ожидать, что они будут меняться от одних условий опыта к другим.

Вся проблема в целом должна также значительно усложняться по мере усложнения самой воспринимаемой реальности, и особенно это относится к внешнему выявлению психического у человека. К. Лоренц говорит в этой связи о необходимости для исследователя иметь «клинический взгляд», имея в виду отражаемую реальность в целом [204]. Психиатры К. Ясперс, Я. Вирш и Х. Телленбах, развивая положение о целостном восприятии той или иной патологии именно как некоторой целостности, фактически реализуют для области изучения патологии те же идеи. К. Ясперс в своей работе о Стринберге и Ван-Гоге говорит о трудностях диагноза шизофрении, поскольку последний обусловлен не столько элементарными, определенными объективными «признаками», по общей целостностью психического (*jeweilige seelische Totalitaet*); вспомним в этой связи об известных словах голландского психиатра Г. Рюмке о распознавании шизофрении как «чувства» – *Praesox-gefuehl*. Аналогично Я. Вирш утверждает, что при установлении диагноза шизофрении надо выйти на «сумму отдельных симптомов», и поэтому нет ничего удивительного в тех случаях, когда при наличии всех общепризнанных признаков такой диагноз все же не выставляется, и, наоборот, выносится тогда, когда таких признаков нет.

О том же целостном восприятии и понимании патологии говорит представитель феноменологического направления в психиатрии Х. Тел-

ленбах при анализе меланхолического типа личности. Он отмечает, что при констатации этого феномена меньшую роль играют систематическое сравнение признаков, сколько «концентрирующаяся интуиция» (*verdichtete Intuition*), при которой существенные признаки постепенно отчлняются от несущественных, эфемерных [248]. В другой своей работе он указывает на то, что лежащее в основе определения этого феномена психиатрическое знание – это знание особое, не сводимое к другим видам знания, но для его формирования, как и для выработки хорошего вкуса в искусстве, необходимы опыт, упражнение, воспитание, длительное упорядочивание, – то, что в сумме своей дает некоторый «общий, определяющий суждение психиатра эффект атмосферы» [249]¹².

Приведенные высказывания уже с несомненностью свидетельствуют о том, что дело идет не только об обусловленности интуитивных форм познания концентрацией имен опыта и целостностью восприятия, по и весьма сложным соотношением различных когнитивных уровней (перцептивного, мнемического, концептуального). В предшествующем разделе была изложена суть структурно-уровневой концепции психического, которая, по нашему мнению, может в определенной степени служить объяснению интуитивного познания. В плане этой концепции можно интерпретировать интуитивное познание как результат такой динамики когнитивных уровней, при которой высший концептуальный уровень не только является ведущим, но и обретает возможность реализации в виде уровней иерархически более низких (перцепции, интеллектуальных чувствований). В ранее опубликованных наших работах эта концепция изложена более полно [52, 64, 77].

Именно то, что мышление обретает формы чувственного познания, характерно для более развитой и продуктивной интуиции, определяет и формы ее проявления в конкретной деятельности. Так, в одном из наших экспериментов специалисту высшей квалификации в области промышленной рентгенологии (А. Товаровскому) предьявлялась рентгенограмма

¹² Необходимо отметить, что использование термина «эффекта атмосферы» может привести к ложному пониманию, поскольку им же обозначается в рассуждении логическая ошибка типа «нераспределенного третьего»: все S есть M, все P есть M, значит все S есть P. Поскольку это логическое обозначение ничего здесь не объясняет, было предложено психологическое объяснение тому отсутствию сопротивляемости такого рода ошибке, которое является у многих людей. «Эффект атмосферы» также анализировался при изучении девиантных форм мышления у больных шизофренией [142]. Общим для всех контекстов рассматриваемого термина является, пожалуй, лишь отрицательное значение: случаи, когда суждение об объекте выносится без учета всех его свойств и компонентов.

металлической отливки с просверленными в ней на разную глубину отверстиями. Отверстия сверлились как с плоскости, обращенной к рентгеновскому аппарату, так и с противоположной плоскости. По инструкции требовалось: 1) определить по снимку плоскость сверления и 2) относительную глубину отверстий. Если для выполнения второй части задания при известном навыке работы с рентгенограммами, можно обойтись одной проекцией, то выполнить первый пункт задания в принципе возможно лишь по двум проекциям, поскольку на одной проекции изображения одной плоскости сверления неотличимы от отверстий другой плоскости. Тем не менее, испытуемый, руководствуясь неуловимыми для других и неосознанными им самим признаками, выполнял эти задания абсолютно безошибочно лишь по одной проекции.

В этой связи представляет значительный интерес данная З. Фрейдом характеристика особенностей научного, творческого мышления его учителя – одного из основоположников современной неврологии – Ж. Шарко. С нашей точки зрения, это описание дополнительный довод в пользу структурно-уровневой интерпретации рассматриваемого феномена.

Вот это описание. То, что Шарко было незнакомо, он, по словам Фрейда, «имел обыкновение рассматривать каждый раз под новым углом зрения, изо дня в день, усиливая свое впечатление, пока, наконец, понимание не приходило как бы само собой. Тогда тот, кажущийся благодаря постоянному перебиранию одних и тех же симптомов хаос, обретал порядок перед его умственным взором, возникали новые картины заболевания с четкими и константными взаимосвязями определенных групп симптомов; совершенные (*vollstaendige*) и крайние случаи, – то, что можно назвать «типами», возникали как результат некоторой схематизации и оказывались благодаря этому, яснее различимыми и значимыми; а затем, уже исходя из этих типов, его взгляд пробежал весь длинный ряд последовательных промежуточных «ослабленных» случаев (*des formes frustes*), которые, по отношению к тому или иному характерному для каждого типа признаку, есть отклонение в сторону неопределенности. Такого рода умственную работу, в которой он не имел себе равных, Шарко называл «тренировкой в нозографии» и даже гордился ею. Не раз слышали от него о том, что человек должен испытывать большое удовлетворение от познания нового, от восприятия объекта в ранее неизвестных взаимосвязях, особо выделяя при этом роль «видения».

Приведенные данные свидетельствуют и о том, что между современным психологическим и декартовским терминами «интуиции» имеются

не только различия, но и весьма существенные общие семантические характеристики. Ясно также, что в исследованиях лабораторного типа для интуитивного познания нет места, в то время как там, где объектом познания выступают сложные, в том числе и клинические «гештальты», они, при наличии способности и направленности индивида, могут познаваться и на основе свернутых, сокращенных и реализующихся на сенсорно-перцептивных уровнях форм познавательной деятельности.

Итак, сопоставление верифицируемых и интуитивных форм познания в науках о психике, несмотря на наличие многих «белых пятен», фиксирует не только существование каждой из них и определенные различные сферы их приложения, но и то, что во многих отношениях они составляют единство; несомненно, однако, что многие проблемы здесь еще только намечены. Вместе с тем разрабатываемая в современной психологии общая методология исследования (см. следующий раздел) указывает пути в какой-то мере сокращения различий обеих форм, вернее, приближает интуитивное познание к верифицируемому путем применения контрольных форм проверки валидности и надежности интуитивных решений. Однако основным путем этого сравнительного изучения обеих форм является исследование тех психологических механизмов, на которых формируется каждый из них.

1.10. Разработка методологии психологического исследования

Если путем критики дуалистических концепций удастся «удерживать в единстве» все науки о психике (общую психологию, генетическую психологию, психопатологию), то, рассматривая характерную для современности разработку общей методологии исследования, мы должны ограничить ее в основном областью общей психологии. Дело в том, что именно здесь эксперимент стал основным методом познания, а это в свою очередь послужило стимулом развития методологии [74]. В психопатологии дело обстоит не так, и если здесь тоже начинают вводить общую методологию, то это касается лишь экспериментальной патопсихологии с ее довольно ограниченными задачами и куда меньше распространяется на весь клинический метод в целом [143, 183].

Сложность рассматриваемого вопроса и недостаточность самого факта широкого распространения в психологии эксперимента для объяснения существа дела побуждает нас при изложении прибегнуть к безошибочному средству – прослеживанию истории развития экспериментального исследования в психологии.

Эксперимент зародился в физике, затем нашел свое место в химии, из этих наук он перешел в физиологию, и уже из физиологии в психологию. Это произошло тогда, когда психология, пользовавшаяся до этого методами наблюдения и самонаблюдения, обладала уже развитой системой соответствующих понятий.

С течением времени экспериментальный метод завоевывал все более прочные позиции в психологическом исследовании, ибо стало ясно, что с его помощью можно получить такие данные, которых нельзя получить, применяя иные методы. На этом фоне эксперимент начал развиваться по многим своим параметрам, прежде всего по путям включения в эксперимент ранее не исследовавшихся переменных и усложнения методик. В контексте нашего изложения отметим появление важнейших в теоретическом отношении подходов к целям экспериментального исследования: либо получения новой, недоступной неэкспериментальным методам информации об изучаемом явлении, либо подтверждении определенной теоретической концепции – так называемый «критический эксперимент»; для этого второго подхода особенно характерны работы гештальтпсихологии в области зрительных восприятий. Но, несмотря на эти различные подходы к эксперименту, на рубеже XIX и XX вв. эксперимент становится уже важнейшим, ведущим методом психологии. В этом развитии за последние примерно тридцать лет обозначился новый этап, который имеет две взаимосвязанные и взаимозависимые особенности: 1) изменение внутренней семантико-логической структуры эксперимента по сравнению с предшествовавшими периодами и 2) развитие методологии психологического эксперимента; это развитие достигает такого теоретического уровня, что методология эксперимента начинает распространяться и на другие методы психологического исследования и становится, таким образом, его общей методологией.

Однако пути развития метода эксперимента и развитие общей методологии психологического исследования далеко не совпадают [74]. Если содержание (предмет, объект, система понятий) психологии всегда привлекало к себе внимание мыслителей прошлого (вся античная философия, что было подытожено в первом систематизирующем психологическом трактате Аристотеля «О душе»), то введение эксперимента в психологию, как отмечается в специально проведенных изысканиях [225], было длительным, постепенным процессом, начавшимся на одно-два столетия раньше, чем эксперимент был провозглашен ее ведущим методом. Ко второй половине XIX в., когда лабораторно-психологическое исследова-

ние оказалось в центре внимания психологов, они в наибольшей степени находились под влиянием идей и методов естественных наук (исследований по физиологии органов чувств, изучения ЦНС, ее структуры и функций, эволюционных процессов фило- и онтогенеза). Еще больше отстояние по времени от периода введения эксперимента в психологию до разработки общей методологии психологического исследования. На период введения экспериментального метода исследования обнаружились две основные точки зрения на эксперимент. Те, кто, провозглашая необходимость естественно-научных методов в психологии – и это было самое прогрессивное на то время направление – видели в эксперименте воплощение принципов естественно-научного исследования, которые не нуждались ни в каком специальном теоретическом обосновании только потому, что прилагались к области психики. С их точки зрения, идущей от Роджера Бэкона, наблюдение и эксперимент не только есть основные методы естествознания, но и всех наук вообще. На период второй половины XIX в. эта точка зрения была в наибольшей степени акцентирована К. Бернардом, который видел в обоих этих методах определенное единство. Этим теоретическим подходом характеризуются труды И.М. Сеченова, Н.Н. Ланге, И.П. Павлова, П. Жане.

Вторая точка зрения представляет собой реакцию на этот естественно-научный подход. В ней намечается известная дивергенция между содержательной и формально-логической сторонами экспериментального исследования, что потребовало от ее сторонников особого обоснования для использования эксперимента в психологии. По В. Вундту, эксперимент состоит в наблюдении, связанном с преднамеренным воздействием исследователя на возникновение и протекание наблюдаемого явления [266. С. 22]. Таким образом, и К. Бернар, и В. Вундт подчеркивали преемственность эксперимента и наблюдения, они видели в эксперименте продолжение наблюдения, но далее их взгляды расходятся. Вундт подчеркивал, что в психологии эксперимент – это лишь способ поставить самонаблюдение в ограничивающие и контролируемые условия; согласно Вундту, развивавшему в этом вопросе взгляды, близкие к «понимающей психологии», экспериментальному изучению доступны лишь «низшие психические процессы», а «высшие» относятся к области проявления «духа» (мышление, язык, феномены культуры).

Ограничив, таким образом, семантику эксперимента в психологии, Вундт выделял в нем другую сторону, которую с известными оговорками можно было бы назвать формально-логической. Последняя сводилась им

к четырем пунктам, которые считают первыми положениями по методологии психологического эксперимента. Хотя, с современной точки зрения, они звучат несколько наивно, и в них немало упущено, они содержат в себе и верные положения. Вот эти пункты: 1) наблюдатель должен по возможности, сам определять момент наступления наблюдаемого явления; 2) его внимание должно быть максимально сконцентрированным на наблюдаемом явлении и его изменениях; 3) для уверенности в результатах исследования следует повторять каждое наблюдение; 4) условия, при которых наступает наблюдаемое явление – это варьирование сопровождающих обстоятельств, сила и качественное своеобразие которых в одних экспериментах могут принять максимальное значение, в других – сведены к нулю. Если исследование удовлетворяет всем четырем пунктам, то, считал В. Вундт, эксперимент будет строгим, жестким (*vollkommen*), если хотя бы части из них – нестрогим, нежестким (*unvollkommen*). Насколько можно проследить по литературе, к этому вопросу о «жесткости» эксперимента, как в конце XIX в., так и в начале XX в. свелась теория использования этого метода. Безусловно, это важная проблема, и она фигурирует и в современных работах, поскольку, как и в прошлом, здесь возможны весьма ощутимые различия, начиная от выполнения испытуемыми отдельных заданий в «почти естественных» условиях (так, например, работы П. Жане заполнены такими свободными и в то же время очень остроумными заданиями), и кончая жестко регламентированными процедурами в экспериментах типа выработки условных рефлексов.

Ни В. Вундт, ни кто другой в начале и даже в течение первой половины XX в. не пытался создать общую методологию психологического эксперимента. Следует думать, что дело, конечно, не в особенностях взглядов того или иного ученого, но в определенных объективных факторах, которые, в конечном итоге, и обусловили такое положение и которые требуют своего ретроспективного анализа.

По-видимому, два главных фактора обусловили современный *status* методологии психологического эксперимента. Большую роль здесь сыграло развитие общенаучной, основанной на статистическом анализе теории эксперимента. Этот фактор доминировал еще на протяжении всей первой половины нашего века¹³. Следует, однако, видеть и те трансфор-

¹³ Более подробно освещение этого вопроса требует специального рассмотрения, поэтому здесь отметим лишь сочинение, которое играло главную роль: Фишер Р.А. Статистические методы для исследователей. М.: Госстатиздат, 1958.

мации, которые имели место внутри самого психологического эксперимента, в его семантико-логической структуре [74]. По-видимому, надо выделить следующие особенности в изменении характера психологического эксперимента. Учитывая широчайший размах и разносторонность психологических исследований, необходимо считаться с тем, что в их результате многие основные закономерности уже познаны, и, следовательно, дальнейшее продвижение на этом пути требует все большей изобретательности и все более высокой квалификации экспериментатора; с другой стороны, вполне естественно, что в ходе исследования начинают познаваться все более тонкие закономерности психического и более топкие его изменения под влиянием экспериментальных воздействий. Последние, в отличие от более явных закономерностей, не очевидны и выражаются совокупностью измерений.

В только что упоминавшейся более ранней работе мы применили термины «дистингтных» (отчетливых, очевидных, выражающихся в явных значениях самого изучаемого феномена) и «адистингтных» признаков (неочевидных, неявных, как бы скрытых). Именно в отношении последних правильным следует считать утверждение, согласно которому «результат эксперимента, подтверждающий справедливость выдвинутой гипотезы, почти никогда не может служить основанием для принятия этой гипотезы, в то время как результат, несовместимый с выдвинутой гипотезой, вполне достаточен для отклонения ее как ложной. ...поскольку и данный результат может быть совместимым также и с другими гипотезами и, следовательно, не может служить доказательством справедливости данной гипотезы против других выдвинутых альтернатив» [97. С. 169]¹⁴.

Все это ставит разнообразные проблемы методологического порядка: вместо единичных феноменов фигурируют множества оценок, в отношении которых не только устанавливаются определенные статистические критерии, но и возникает необходимость выяснить тип используемой для их интерпретации шкал; развивается и усиливается специальный аппарат для проверки статистических гипотез, которые предшествуют уже собственно психологической интерпретации. Использование эксперимента непосредственно в ситуации деятельности, приближение его к реальной,

¹⁴ Здесь имеется в виду статистическая проверка статистической же нуль-гипотезы, но не гипотезы исследователя о природе изучаемого аспекта психики. Последние, в конечном итоге, подлежат психологической интерпретации и подтверждению физиологическому или психологическому.

практической, в том числе и профессиональной деятельности, и применение все более сложных и тонких методик обуславливает необходимость разработки приемов предотвратить смешение экспериментальных переменных с иррелевантными. В конечном итоге такие приемы усиливают достоверность установления каузальных связей между переменными исследования, и в то же время представляют собой средство объективации субъективной уверенности исследователя в полученных результатах (в частности, путем применения статистических критериев значимости).

Все эти изменения ведут к необходимости специального предварительного планирования эксперимента, детального «проигрывания» в уме и на бумаге хода эксперимента и выбора наиболее адекватных исследовательских приемов и средств статистического контроля, в наибольшей степени соответствующих задачам исследования. Этим, однако, дело не ограничивается. Происходят и более тонкие изменения внутренней структуры исследования; одним из таких изменений следует считать ужесточение в формулировке гипотезы исследования и выработку определенной структуры утвердительных и отрицательных положений в интерпретации результатов исследования и в выводах. В условиях, когда устанавливается численно выражаемое различие в реагировании двух или более групп испытуемых, из которых, как минимум, одна подвергается воздействию (экспериментальная группа), а другие – остаются вне этого воздействия (контрольные группы), вопрос должен быть, по выражению П. Фресса, «закрытым»¹⁵. Как подчеркивал, например, Г. Райхенбах, в экспериментальном исследовании гипотезу обязательно следует формулировать как импликацию «если... то...» [229].

Вместе с тем в общей структуре экспериментального исследования, направленного на подтверждение или опровержение той или иной гипотезы, все большую роль приобретают отрицательные значения и суждения, что свидетельствует о повышающейся чувствительности эксперимента к переменным, непосредственно не включенным в методику (на диаграмме Венна – «область А»). Использование статистических критериев без привлечения отрицательных значений в отношении компонентов исследования невозможно, хотя бы уже потому, что в качестве начального звена статистической интерпретации выступает отвержение

¹⁵ «В наблюдении вопрос остается, так сказать, открытым. Исследователь не знает ответа или имеет о нем весьма смутное представление. Напротив, в эксперименте вопрос становится гипотезой, то есть предполагает существование какой-то зависимости между фактами, и эксперимент ставит своей целью проверить ее» (Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология. М., 1966. С. 107).

нуль-гипотезы об отсутствии существенных изменений в объекте (изменений в характере реагирования) под влиянием экспериментального воздействия от того, что отмечается в нем вне такого воздействия; опровержение нуль-гипотезы, в свою очередь, есть подтверждение основной (у некоторых авторов «эмпирической», у других – «исследовательской») гипотезы. Отрицательные суждения важны и при переходе от результатов экспериментов к утверждению некоторой общей закономерности. Если гипотеза такого исследования истинна, то делаемые на его основе утверждения – результаты дедуктивных заключений – также будут истинными. Иначе говоря, совпадение данных экспериментального исследования с возможными логическими следствиями позволяет заключить, что последние истинны. Из истинности логических следствий мы заключаем, что истинна и сама гипотеза.

Однако оперирование отрицательными значениями в этих случаях требует особой осторожности. Такого рода предупреждение особенно уместно, когда делается заключение о ложности гипотетической закономерности («общей гипотезы, формула которой «Все А → все В»). Иногда делают заключение о в полном смысле сложности, а не о степени вероятности того, что «общая гипотеза» ложна при достаточно достоверных данных эксперимента. И в более общем смысле, т.е. в отношении любой гипотезы легче постулировать ее истинность или ложность, чем степень ее вероятности в этом отношении; для того, чтобы твердо придерживаться второго варианта, мы должны быть, как минимум, уверены в положительном исходе эксперимента и удостовериться, что полученные – конечно, при соблюдении правил методологии – различия между экспериментальной и контрольными группами окажутся статистически значимыми по некоторому заранее принятому критерию.

Как теория, так и практика экспериментирования показывают, что целесообразно поэтому различать «верификацию» (определение по параметру «истинно – ложно») и «подтверждение» (по параметру вероятности) [230], особенно при необходимости установить некоторую общую закономерность на основе негативного исхода экспериментов. Сопоставление общей гипотезы с позитивными данными эксперимента – это есть подтверждение, а с негативными – это верификация. Правила дедуктивной логики позволяют перейти от негативных данных исследования – к «общей гипотезе»: можно говорить о ложности «общей гипотезы» в случае негативного исхода эксперимента, но в случае позитивного исхода мы еще не можем считать ее истинной или ложной, но лишь в какой-то

мере подтвержденной. Возможность определить ложность гипотезы, но не ее истинность была обозначена Г. Рейхенбахом как связанное с самой процедурой экспериментального исследования свойство «односторонней верифицируемости» (*unilateral verifiability*).

Наличие в современной психологии таких противоречивых тенденций как стремление к все «более строгому» эксперименту – с одной стороны, и наряду с этим необходимость проводить эксперимент уже не в лабораторных, а в близких к «естественным» условиям, там, где детерминация независимых переменных невозможна – с другой, ведет к возникновению особой методологической проблемы психологии – проблемы «квазиэксперимента». (Ряд авторов, начиная с Д. Кэмпбелла, обозначают ее как проблему квазиэкспериментального планирования). Фактически это есть возвращение к имеющей семидесятилетнюю давность проблеме «естественного эксперимента» А.Ф. Лазурского [35], но возвращение, связанное уже с достаточно детально разработанным вспомогательным статистическим аппаратом. По словам Д. Кэмпбелла, «квазиэкспериментальное планирование – это есть приложение строящихся на эксперименте анализа и интерпретации к совокупности данных, полученных такими путями, которые не удовлетворяют требованиям строгого эксперимента» [140. С. 259]. В качестве квазиэксперимента следует рассматривать и систематическое наблюдение – в случаях относительного упорядочения его семантико-логической структуры – и другие экспериментальные методы, где не могут быть выполнены многие требования типа рандомизации; так, клиническое исследование, где независимой переменной является наступившая патология и где доминирует соответствующее понятие на входе (гипотеза о нозологической принадлежности), по своей семантико-логической структуре, хотя и сближается с экспериментом, но все же ближе стоит к квазиэксперименту [68]. По определению К. Бернара, независимые переменные типа патологии, генетических различий, различий возраста, пола, социального и культурного уровня и т.п. определяют собой, в отличие от классического эксперимента, где исследователь манипулирует независимой переменной, «эксперимент, на который ссылаются».

Квазиэкспериментальное планирование применяется, прежде всего там, где нет возможности рандомизированно распределить испытуемых, и тогда на место «контрольной группы» заступает просто «сопоставимая группа». По сравнению с жестким экспериментом, данные квазиэксперимента в большей мере могут быть результатом воздействия некоторой неучтенной переменной. А раз так, то само собой возникает вопрос о со-

отношении результатов квазиэкспериментов и тех теорий, которые над ними надстраиваются. Во многом – это проблема соотношения статистической и собственно психологической интерпретации полученных в исследовании данных. Ряд современных разработок статистических тестов для квазиэкспериментального планирования направлен на то, чтобы обеспечить ту из нескольких возможных интерпретаций, которая согласуется с имеющимися данными и при которой альтернативные интерпретации оказываются неправдоподобными. Как пишут Д. Кэмпбелл и Д. Стенли, «степень подтверждения» определяется для той или иной теории числом правдоподобных конкурентных гипотез, которые могут быть привлечены для объяснения результатов. Чем меньше остается таких правдоподобных конкурентных гипотез, тем больше степень «подтверждения». Надо полагать, что на каждой стадии накопления данных, даже в случае самой развитой науки, существует множество совместимых с результатами теорий...» [101].

В целом, появлении теории квазиэксперимента есть свидетельство распространения в современной психологии своеобразного процесса: методологические вопросы, разработанные и апробированные в области строгого лабораторного эксперимента, распространяясь на другие методы исследования, приобретают общую значимость для всех методов, используемых в науках о психике.

Подойдя к тому пункту, где заканчивается первая и начинается вторая часть книги, следует, хотя бы самым схематическим образом обозначить тот связывающий тезис, который одновременно представляет одно из основных теоретических положений для всего нашего изложения. Этот тезис не мог быть достаточно обоснованно представлен ни в первой части, поскольку там еще не рассматривались методы как таковые, ни во второй части, т.к. она должна, по существу, уже проиллюстрировать этот тезис. Сформулируем его здесь на основе следующих соображений. Мы видели, что понятие структуры объекта психологического исследования дало возможность показать закономерности развития наук о психике, особенности познания в науках психике, связь этих наук с науками смежными, а также пути формирования общей методологии для общей и патологической психологии. Невозможно отрицать большого, хотя и не всегда явного прогресса этих наук; последнее объясняется тем, что этот прогресс осуществляется не столько в обнаружении новых фактов, сколько в развитии путей и форм исследования и следующими за этим развитием изменениями самой систе-

мы психологических и психопатологических понятий. В ходе этого развития возникает иная, но косвенно связанная со структурой объекта и в конечном итоге обусловленная ею структура самого исследования. Под структурой исследования мы имеем в виду совокупность взаимосвязанных понятий, выражающих все его компоненты: цели, исходные данные, используемые материальные средства, методику, приемы статистической обработки, а также результаты; различия в одном или нескольких компонентах создает уже иную структуру исследования¹⁶. Структура исследования косвенно отражает структуру объекта, воспроизводит его в результате специально организованной исследовательской работы.

Сложной и расчлененной структуре исследования как определенного целого соответствует и расчлененность объяснения как его составной части. Выше уже указывалось на множественность объяснения. Теперь подчеркнем и то, что объяснения не только могут быть альтернативными, адекватными и неадекватными, но и представлять собой асимптотическое приближение к все большей адекватности. Это особые понятия, выражающие не только предметное знание, сколько отнесенность его к определенному исследовательскому контексту, понятия, которым, по словам Ж. Пиаже, можно приписать «дообъяснительный характер» [106. С. 169]. В отличие от альтернативных объяснений, которые существуют и вне методологического подхода, последние подготавливают его необходимость, и вместе с тем их роль и место в исследовании лучше рассматриваются с позиций методологии. Они, естественно, возникают вместе с усложнением психологического исследования в качестве промежуточных его элементов, подобно тому, как существуют промежуточные между «чистой эмпирией» и безупречным экспериментом формы типа корреляционного исследования или квазиэксперимента, или даже систематизированного наблюдения, фактически дообъяснительную роль исполняют в психологическом исследовании многие его компоненты, начиная от простого упорядочивания данных, применения статистики и т.п., – короче, всей совокупности исследовательских приемов и вплоть до такой особой категории понятий. Выше уже говорилось о понятии промежуточных переменных, являющемся дообъяснительным; к этой же категории понятий следует отнести факторы и психологические механизмы.

¹⁶ Как, например, справедливо отмечает В. Кинцель, важнейший для клиники вопрос о том, выявляется ли при применении патопсихологических экспериментов общее или специфическое в органически обусловленной патологии, зависит не только от выбора методики, но и статистической модели [188]. Мы рассмотрим этот вопрос ниже (см. 3.3.1).

Факторы – это результат сведения в корреляционные матрицы большого числа переменных и – с помощью специального статистического анализа – интерпретация их как проявлений весьма ограниченного числа независимых воздействий. По словам Г. Хармана, факторный анализ «представляет собой набор моделей и методов, предназначенных для «сжатия» информации, содержащейся в корреляционной матрице. В основе различных моделей факторного анализа лежит следующая гипотеза: наблюдаемые или измеряемые параметры являются лишь косвенными характеристиками изучаемого объекта или явления, на самом же деле существуют внутренние (скрытые, не наблюдаемые непосредственно) параметры или свойства, число которых мало или которые определяют значение наблюдаемых параметров. Эти внутренние параметры принято называть факторами. Задача факторного анализа – представить ненаблюдаемые параметры в виде линейных комбинаций факторов и, может быть, некоторых дополнительных, «не существенных» величин-помех. Замечательным является как раз тот факт, что хотя сами факторы неизвестны, такое разложение может быть получено и, более того, такие факторы могут быть определены, т.е. для каждого объекта могут быть указаны значения каждого фактора» [115].

Второй из дообъяснительных компонентов психологического исследования – понятие психологического механизма, близкое по смыслу общенаучному значению термина «механизма»¹⁷. Психологические механизмы – это, прежде всего, некоторый срез через психические процессы, проекция их на плоскость на определенный момент времени. Они являются некоторыми инвариантными комбинациями психических процессов, состояний, констатацией того, что эти психические образования складываются именно в такие, а не в иные сочетания. Механизм всегда функционирует в рамках более сложного целого. Механизм есть не только часть этого целого, но и представляет собой его определенную динамическую основу. Так, на протяжении многих веков ассоциации рассматривались как динамическая основа более сложных психических процессов. Понятие психологических механизмов приложимо и к области общей психологии, и к изучению патологии. В первом случае мы должны больше считаться с тем, что за тем или иным действием может стоять множество различных психологических механизмов, во втором – это множество сужается, поскольку ищутся совершенно конкретные – лишь патогенные механизмы.

¹⁷ Механизм – это ограничение и вместе с тем совокупность средств, обеспечивающих передачу упорядоченного движения и его трансформацию в иные, но также упорядоченные формы.

Итак, науки о психике представляют множество различных исследовательских структур. Однако внутренние связи наук о психике сильнее этих расхождений; методы, которые будут рассмотрены во второй части книги не только дополняют друг друга в установлении закономерностей психического в норме и патологии, но и представляют собой компоненты общей системы исследования психического как высшего регуляторного механизма взаимоотношения человека и окружающей его природной и социальной среды.

2. МЕТОДЫ НАУК О ПСИХИКЕ

2.1. Вводные замечания

Как было сказано, в ходе анализа особенностей познания в науках о психике акцент может быть сделан на каком-то одном его гносеологическом аспекте, и в данной работе более подробно освещение получают методы этих наук. Хотя этот аспект не представляет особых теоретических трудностей, а за последние десятилетия он многократно и тщательно рассматривался как в общих руководствах, так и в трудах специально методологического плана, некоторые предварительные замечания все же необходимы.

Известно, что разработка общих проблем метода научного исследования началась, в основном, лишь в новое время, и она связана, прежде всего, с трудами Р. Декарта. В ходе последующего развития, характеризовавшимся сильным влиянием со стороны естественных наук, значение проблемы методов исследования все более возрастало. История наук, в том числе и наук о психике, безусловно, свидетельствует о том, что, как отмечал И.П. Павлов, прогресс науки определяется успехами, делаемыми именно в области используемых Методов. Как показывает анализ современного состояния наук о психике, используемые в них методы все более тесно сплетаются друг с другом, образуя определенную иерархизированную систему. Как уже было рассмотрено выше, па основе эксперимента, как ведущего метода этой системы, разработана детальная Методологическая теория, расширяющая свои выводы и на все другие методы наук о психике [74]. Так, современное систематизированное наблюдение под несомненным влиянием теории эксперимента во многих своих особенностях уже существенно отличается от традиционно понимаемого наблюдения [101]. На каждом из последовательных этапов распространения и развития методов они неизбежно должны в той или иной мере трансфор-

мироваться в соответствии с теми требованиями, которые предъявляли к ним изменяющиеся задачи наук о психике.

Развитие общей психологии достигло теперь такого уровня, что использование в ней того или иного метода определяется в большей мере объектом и задачами исследования, чем непосредственным истолкованием данных в рамках той или иной теории. Характерны здесь, скажем, некоторые, отмечаемые Ж. Пиаже, тенденции развития психоанализа. Он указывает, что не только результаты ряда исследований, приведенных в рамках этого направления, могут быть использованы в понятиях общей психологии, но и что применявшиеся при этом методы также вышли фактически за предустановленные специфической теорией психоанализа границы [106. С. 169–171].

Как отмечалось, в области психиатрии влияние со стороны методологии экспериментального исследования куда меньше, чем в области общей психологии, число используемых методов значительно уже, а потому непосредственная зависимость от теоретической «системы координат» проявляется в ряде случаев отчетливее. В этой связи достаточно напомнить о таких вехах в истории психиатрии как борьба направлений «соматиков» и «психиков» (конец XVIII – начало XIX в.), а особенно развитие церебрально-патологического направления (в последней четверти XIX – начале XX в.), начатое работами Т. Мейнера, К. Вернике и К. Клейста. Эти исследователи, как уже отмечалось, стремились построить психиатрию на исключительно естественнонаучных основах и, соответственно, применять в ней естественно-научные методы.

Суть второго предваряющего изложения методов замечания состоит в том, что за исключением самых основных методов – наблюдения и эксперимента, в отношении остальных в литературе существуют достаточно большие расхождения, как в обозначении числа, так и истолкования содержания методов. В последнее время наметилась тенденция дать исчерпывающее изложение методов, и при этом естественно возникают трудности логического упорядочения методов как структуры, характеризующей определенный этап развития наук о психике.

Развитие некоторой определенной области психологии нередко обуславливает распространение определенного метода или исследовательского приема, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее развитие этой области. Например, имевшее место в XX в. повышение интереса к психологии ребенка стимулировало развитие генетических исследований, а это привело к широкому распространению двух взаимодополняющих, как их

обозначают, методов – «поперечных срезов» и «продольных срезов». Поперечные срезы – это изучение разных индивидов или различных популяций (обычно одной и той же возрастной группы). Продольные срезы – это исследование одних и тех же испытуемых или групп в ходе их онтогенетического развития. В контексте нашей работы следует ответить на вопрос о том, считать ли такого рода средства исследования методом или нет. Обратимся в этой связи к анализу психологической литературы.

Одна из наиболее полных сводок психологических методов дана в книге болгарского психолога Г.Д. Пирьова [109]. Здесь выделяются следующие их группы: 1. Наблюдение. В нем два субметода – объективное наблюдение, включающее в себя непосредственное наблюдение и опосредованное (анкеты, вопросники, продукты деятельности), и самонаблюдение, также непосредственное (словесный отчет) и опосредованное (дневники, письма и т.п.). 2. Эксперимент. Виды эксперимента: лабораторный (классический и тесты), естественный (в условиях труда, учения, игры) и психолого-педагогический (констатирующий, формирующий); 3. Моделирование (физическое и математическое, имитационное и схематическое, кибернетическое). 4. Психологическая характеристика. 5. Вспомогательные методы. 6. Специальные методические подходы (генетический, филогенетический, биографический, сравнительный, патопсихологический). Пожалуй, это одна из наиболее полных схем, но в ней нет той внутренней логики, которая свидетельствовала бы о взаимоотношении как объектов психологического исследования и методов, так и методов между собой.

Б.Г. Ананьев выдвигает близкую к предыдущей классификацию¹⁸. Он предлагает следующую схему психологических методов: 1. Организационные, лонгитюдные, комплексные. 2. Эмпирические (наблюдение, самонаблюдение, которые объединяются общим обозначением наблюдательных методов); экспериментальные (лабораторный, полевой, естественный, формирующий или психолого-педагогический), психодиагностические методы (тесты стандартизированные и проективные, анкеты и вопросники, социометрия, интервью и беседы), приемы анализа процессов и продуктов деятельности (хронометрия, циклография, профессиональное описание, то, что можно было бы объединить общим термином экспертных оценок, в терминологии автора – праксиметрические методы), биографические методы. 3. Приемы обработки данных (анализ

¹⁸ Ананьев Б.Г. О методах современной психологии // Психодиагностические методы. Л., ЛГУ, 1976. С. 13–35.

количественный и качественный – группировки, классификации, казуистика). 4. Интерпретационные методы – это варианты генетического (в широком смысле слова) и структурных методов. Структурный метод – это установление взаимосвязи между частями и целым, т.е. функцией и личностью (психография, типологическая классификация, психологические профили). В этой классификации полнота указаний на все возможные компоненты психологического исследования осуществляется за счет внутренней логики, единства предмета и определения того, что является методом, а что лишь вспомогательным средством исследования.

Мы полагаем, – в отличие от приведенных мнений, – что метод – это выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания, и что не следует смешивать методы, число которых логически должно быть весьма ограничено, и другие компоненты исследования психического. С этой точки зрения, мы считаем возможным свести число методов всего к шести. Это – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук, в нем еще субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод; здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй метод – биографический, это выделение целостного объекта познания наук о психике. Третий – наблюдение-дифференциация субъекта и объекта познания, четвертый – самонаблюдение – на основе уже развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый метод – клинический, в котором субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. И, наконец, шестой – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей; в развитом методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противопоставит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез.

Суть третьего предварительного замечания в том, что методы есть лишь один из компонентов в сложной структуре психологического исследования, с его концептуальными, деятельностными и материальными компонентами [67], и поэтому полный смысл и значение каждого из методов могут быть поняты лишь из сопоставления со всей системой, суще-

ствующей на тот или иной период истории науки. Отсюда необходимость определения остальных неизменных для психологического (прежде всего экспериментального) исследования компонентов. Последние, конечно, неоднородны и могут быть представлены на различных уровнях обобщения. Начнем с уровня максимальной конкретности.

Первый компонент – это используемые в психологических работах исследовательские приемы. Исследовательские приемы – это действия ученого, направленные на максимально полное, четкое и наглядное представление информации на всех этапах исследования, начиная от формирования гипотезы и вплоть до объяснения и выводов. Особенно важны исследовательские приемы при проведении эксперимента. Здесь к ним предъявляются наиболее жесткие требования: они должны максимально соответствовать материалу исследования и существованию исследовательской задачи. К числу исследовательских приемов следует отнести и требование при эксперименте формулировать гипотезу в виде общей импликации. Особенно много исследовательских приемов разработано в области приложения статистики к процедуре исследования (табулирование, ранги, извлечение информации из распределений и выборок, критерии, диаграммы и графики и т.д.).

Те исследовательские приемы, которые имеют место в конкретном исследовании на этапе непосредственного осуществления психологических знаний, составляют методику исследования. Методика очень важна для любого вида исследования, особенно же велика ее роль в эксперименте. Здесь методика – это сочетание замысла исследования, инструкций, внешних вспомогательных средств, направленных на решение поставленной испытуемым задачи. Методика включает в себя и материальные обеспечивающие проведение исследования средства (измерительные приборы, средства индикации и контроля, средства фиксации ответных действий испытуемых и т.д.). Обычно методика строится так, чтобы выявить те характеристики личности и деятельности, которые непосредственно не очевидны, скрыты от непосредственного созерцания. Методика также направлена и на то, чтобы, по возможности, вскрыть причинно-следственные зависимости, благодаря совокупности ограничений, накладываемых па действия, как экспериментатора, так и испытуемых. Для каждой области психологического исследования (восприятия, памяти, процесса формирования понятий и т.д.) есть свои типичные и уже теоретически и практически отработанные методики. Фактически методика есть материализация того или иного фрагмента от системы существую-

щих в данное время психологических понятий; иначе говоря, всякая методика в основе своей теоретизирована.

Наряду с этим к исследовательским приемам и, особенно, к методике подходят слова мыслителя XII в. Маймонида, сказанные им в отношении медицины: медицина лишь в своей теоретической части относится к науке, в своем же практическом применении – это искусство. Широкое и активное использование различных исследовательских приемов и методик – это свидетельство высокой квалификации ученого, но при этом следует со всей настоятельностью подчеркнуть, что оно всегда должно быть обоснованным и соответствовать задаче и объекту исследования.

Совокупность исследовательских приемов, позволяющих контролировать ход исследования и обеспечивающих переход от непосредственных данных – к обобщенным, и от них к обоснованным выводам называется планированием эксперимента, но более точно было бы обозначить их как его семантико-логическую структуру [74]. Последняя включает в себя установление и фиксацию взаимоотношений независимых и зависимых переменных (НП и ЗП), учет посторонних «мешающих», интервенирующих, релевантных переменных и иррелевантных переменных (РП и ИП), переменных естественных (ЕП), манипулируемых (МП) и сопоставляемых переменных (СП)¹⁹. Планирование предупреждает смещение, указывает на возможную степень обобщения результатов и проверки вероятности выдвигаемых гипотез. Планирование – прямое следствие большого развития экспериментальных исследований.

Метод – это обобщенное выражение взаимоотношения исследователя (субъекта познания) и объекта²⁰ (испытуемых); метод определяет собой степень активности субъекта, возможности и ограничения познания, достоверность и широту обобщения полученных с его помощью результатов. Наряду с этим тот или иной метод предполагает и определенную, характерную для него степень контроля участвующих в исследовании переменных. Использование более строгих методов – это показатель развития той области психологии, где они находят наибольшее применение. В конкретных исследованиях методы могут сочетаться, и это на практике часто имеет место.

¹⁹ В отличие от всех перечисленных переменных, являющихся обозначением реальных (как актуальных, так и потенциальных) воздействий в рамках субъектно-объектного взаимоотношения, понятие «промежуточных переменных» есть чисто теоретическая конструкция, и поэтому не должна рассматриваться в одном ряду с ними. К этому последнему понятию мы вернемся в разделе, посвященном анализу метода наблюдения.

²⁰ Полный гносеологический анализ этих понятий и их соотношения, см. в [39].

Высший уровень обобщенности исследовательских приемов – это методология психологического исследования. Она представляет собой результат разработки общих принципов познания психики, развития наук о психике, главным образом методов, установление их возможностей в целом и каждого в отдельности. Методология – это часть научного исследования, область перекрытия частных наук и теории познания; в качестве ставшей теперь относительно самостоятельной области методология занимает в системе наук промежуточное место между общей психологией и гносеологией.

Очерченная выше система методов психологии имеет еще один *raison d'être*. В такой развитой и разветвленной науке, какой является современная психология, неизбежным является не просто комплексное применение методов, но и их взаимопроникновение. В предлагаемой системе методы, образующие основу иерархии (прежде всего это касается метода герменевтического и метода наблюдения вместе с описанием) на высших ее ступенях становятся компонентами генетически более поздних и структурно более сложных методов (эксперимента с его разновидностями – квазиэкспериментом, тестами). В этом плане с полным основанием наблюдение и самонаблюдение можно рассматривать как составные части экспериментальной процедуры; экспериментальное исследование, повторяемое многократно и через более или менее значительные промежутки времени, может быть включено в биографический метод; эксперимент и наблюдение, осуществляемые в рамках той или иной гипотезы о наличии патологии, обязательно составят компоненты клинического метода; как уже подчеркивалось, герменевтический метод пронизывает собой все остальные методы психологического исследования.

Идея о взаимопроникновении входит в определение различных вариантов методов. Например, так звучит одно из наиболее полных определений тестов: «Тесты – это систематически проводимые процедуры категоризации и измерений, создающие возможность сформировать суждение об одном или нескольких эмпирически или теоретически обоснованных свойствах испытуемых или же о некоторых специфических, реализующихся за пределами самого теста; при этом исследователи исходят из данных объективной переработки ответных действий личности, из стандартизованной, тщательно выбранной ситуации стимулов, и сравнивают ответы испытуемых с реагированием у других личностей» [149]. Отсюда в основе конструирования тестов, рассматриваемых как вариант экспериментального метода в его практическом аспекте, лежит предположение о

том, что за всеми теми особенностями поведения, внешностью, манерой говорить, за совокупностью выразительных движений скрываются некоторые латентные, непосредственно не обнаруживающие себя свойства, которые можно обозначить как индивидуальные значения измерений. Эти измерения раскрываются по пути математико-статистических преобразований, и в этой связи можно говорить об операционально устанавливаемых свойствах личности.

Практическое взаимопроникновение методов увеличивает диапазон возможностей того каждого отдельного метода, который в том или ином конкретном исследовании выступает в качестве основного. Оно также расширяет его пределы, позволяя включать в него и анализировать с точки зрения этого основного метода различные его варианты (например, тесты и квазиэксперименты как результат расширения понятия строгого лабораторного эксперимента). Но для того, чтобы с большей обоснованностью анализировать это сложное переплетение, необходимо рассмотреть каждый метод в отдельности, выделив его – может быть и в какой-то мере искусственно – из тех сложных сочетаний, в которых он существует в реальной исследовательской деятельности.

2.2. Герменевтический метод

Обычно герменевтический метод связывают с переводом и истолкованием письменных текстов. С XIX века после работ Ф. Шлейермахера, И. Дройзена, В. Дильтея герменевтический метод стал трактоваться в рамках идеалистической философии более расширительно, как специфический метод «наук о духе»; и тем самым он оказался противопоставленным формам познавательной деятельности, реализующимся в науках о природе. Но если мы примем во внимание, с одной стороны, периодически обостряющийся интерес к герменевтическому методу (Б. Спиноза, в современности Г. Гадамер, а также ряд работ советских философов [40]), а с другой, попытаемся проследить развитие методов психологического исследования (например, ответить на вопрос о том, какой метод лежит в основе такого замечательного труда как книга «О душе» Аристотеля, как «Страсти души» Р. Декарта, как «Антропология» И. Канта), то можно прийти к иной оценке герменевтического метода.

Всякий акт познания комплементарен, т.е. непосредственно воспринимаемая информация обязательно дополняется за счет имеющегося у субъекта запаса представлений. В науках о психике, где постоянно имеет место

сложное взаимодействие между донаучным (обыденным) знанием, научным знанием и знанием философским [51], комплементарность отдельных познавательных актов не только неизбежна, но и проявляется с особой остротой. В доэкспериментальной психологии это подробно описывалось как проявление апперцепции [46]²¹; в современной когнитивной психологии также была неоднократно подчеркнута важность этого момента для уяснения психологических механизмов познавательной деятельности. Сугубо субъективный процесс апперцепцирования представляет собой очень важный этап процесса познания, если рассматривать его в плане деятельности: это – процесс вычленения, фиксации, консолидации объекта восприятия. Этот процесс представляет собой общепсихологическую закономерность, которую не всегда легко уловить непосредственно, но которая ясно проявляется в случаях, когда внешняя информация задается в зафиксированном, стабильном виде. Ясно, что наиболее соответствующая этим требованиям модель – это текст, его интерпретация, дополнение, комментирование, – т.е. условия, при которых мыслительная операция восполнения и апперцепцирования наличной информации, взятая в плане познавательной деятельности, выступает как герменевтический метод.

Безусловно, теоретическое обоснование герменевтического метода связано с трудностями: не только сложно дифференцировать мыслительную операцию и метод, но и анализировать герменевтику в качестве метода, поскольку последний оказывается таким образом универсальным.

Если же рассматривать эти трудности в качестве неизбежных, но все же признать герменевтику как реализацию определенного метода, то следует тогда признать и определенные характеристики ее именно как метода. Эти характеристики изучены и подробно описаны внутри направления герменевтики. Прежде всего, герменевтический метод, поскольку в нем совершается процесс объектообразования, предполагает определенное структурирование знания, разделение всей воспринимаемой ситуации на познанное и неизвестное, – процесс, который аналогичен структурированию зрительного поля на фигуру и фон, или же переносу и селективной концентрации внимания.

Далее, одним из основных требований герменевтического метода является интерпретация объекта как целостности, не только соотнесенной с

²¹ Отметим в этой связи, что Ж. Пиаже расширяет понятие комплементарности на объяснение и в самой психологии, поскольку, по его мнению, всегда должно существовать отношение дополнительности между моделями сведения и конструктивными «абстрактными» моделями [106. С. 176].

другими объектами, но и, главным образом, внутренне обуславливающего эту целостность значения. По словам одного из наиболее известных современных теоретиков герменевтики – Э. Бетти, «*sensus non est inferendus sed efferendus*», т.е. смысловые связи должны быть раскрыты, главным образом, в самом объекте, а не привнесены в него извне.

Комплементация непосредственно воспринимаемого неизбежно связана с определенной степенью обобщения; в рамках герменевтического метода эти обобщения имеют довольно ограниченный характер, и, по-видимому, главной здесь формой обобщения является классификация. Мы не можем сколько-нибудь подробно останавливаться на теории классификации. Отметим только, что классификационные рубрики в отношении психического со временем изменяются, и прогресс науки, наряду с другими показателями, выражается и в том, что классификационные рубрики становятся все более адекватным отражением объективной реальности. В этом одна из причин трудностей понимания старых текстов и содержащихся в них имплицитных связей. В качестве примера можно указать на предлагавшуюся Д. Локком классификацию операций мышления. Согласно Локку, мыслительные акты (операции) – это перцепция, ретенция, различение, сравнение и композиция. Ясно, что такую классификацию трудно согласовать с современными взглядами на мышление. Все сказанное относится и к психиатрии, где многие традиционные рубрики, например, маний, имеют в современной науке иную классификационную отнесенность.

В значительной мере герменевтическими по своему существу являются попытки построения теоретических «динамических» систем психического, как это стремились осуществить П. Жане или З. Фрейд. В этих системах многие кардинальные понятия не определены (понятия типа психической энергии, силы, тенденции, *libido* – принципа удовольствия, влечений и т.д.), но именно они служат основой для интерпретации непосредственно наблюдаемых форм поведения, как в норме, так и для случаев патологии. К. Ясперс тонко подметил следующее: З. Фрейд, считая, что он оперирует естественнонаучными понятиями, фактически остается в русле герменевтической интерпретации; тем самым имеет место неправомерное смещение содержания этих понятий.

В рамках герменевтического метода процесс первичного структурирования объекта осуществляется на основе использования языка, как специального, имманентно обладающего способностью интерпретации инструмента познания. Еще Аристотель считал, что основные функции языка это – называние и интерпретация. В герменевтическом методе ин-

терпретация совершается, как в языке (первая ее ступень), так и с помощью языка (вторая ступень). Составной частью герменевтического метода является установление последовательности (в современной терминологии – алгоритма) перехода от известного к неизвестному, постигаемому, от стабильного (текст, продукты труда и произведения искусства) к динамичному. Мы видим эту особенность герменевтики в таких видах деятельности, как перевод с одного языка на другой (хотя, конечно, лишь к этому перевод не сводится), расшифровка кодированной информации, интерпретация рентгенологических изображений и аэрофотоснимков; также алгоритмы есть составная часть клинического метода, психоаналитических и графологических интерпретаций, метода Роршаха, «понятных связей» по К. Ясперсу и т.д. Примером конкретного исследования, в котором ясно проступают указанные черты герменевтики, может служить работа К. Роузи и Э. Мориарти [234], в которой делается попытка раскрыть диагностическое значение различных фонетических изменений речи испытуемого.

Исключительно плодотворным и перекликающимся с современными представлениями о структурно-уровневой организации психики является тот имплицитный тезис герменевтики, согласно которому для достижения конечной цели этого метода, – его высшего уровня – адекватной интерпретации объекта (например, прийти к полному и адекватному пониманию текста) следует почерпнуть информацию, содержащуюся в низших уровнях средств (например, лексических, грамматических или стилистических средств языка). Огромное значение герменевтического метода также и в том, что его применение автоматически ставит проблему понимания, одну из наиболее явных и в то же время вследствие ее сложности фактически «загнанных» в подполье проблем психологии всех времен.

Герменевтический метод – в этом отношении он имеет принципиальную общность с наблюдением – входит в состав других методов, составляя их неотъемлемую часть. По-видимому, в этой связи Д. Кэмпбелл и К. Стенли в начале своей работы о методологии эксперимента говорят о «трех доэкспериментальных планах», где основой для научных выводов является мысленное сравнение изучаемых объектов с «другими случайно наблюдаемыми и запоминающимися событиями» [101]. Авторы рассматривают такого рода планы с позиций «строгого эксперимента» и подчеркивают, что поскольку в них «полностью отсутствует контроль, они почти не представляют научной ценности» и могут выступать «лишь в каче-

стве нижней точки отсчета». С такой оценкой нельзя согласиться т.к. она не принимает во внимание ни исторического характера развития научных методов в целом, ни специфических особенностей герменевтического метода, являющегося – по отношению к методам более поздним – и их подготовительной стадией, и их неотъемлемым компонентом.

Именно поэтому по существу очень близкими к так понимаемому герменевтическому методу или же прямо совпадающими с ним представляются как многие традиционно выделяемые приемы изучения психики, так и то, что выдвигается с этой целью наукой сегодняшнего дня. Примером первых может служить анализ продуктов деятельности, элементов культуры, – то, что немецкие психологи и психиатры относят, как уже отмечалось в области «наук о духе» и что ими детально, хотя и с идеалистическим уклоном, разрабатывалось еще с прошлого столетия. С того же времени и вплоть до современности большое внимание привлекают к себе своеобразные исследования французской школы социальной психологии, интерпретирующей тот или иной социальный институт, продукт культуры или даже всю культуру в целом как результат предшествовавших актов мышления, обретающих с течением времени коллективный характер (М. Мосс, П. Жане). Уже в 40-е гг. XX столетия это направление обрело более отчетливые материалистические черты в «исторической школе» И. Меерсона и его последователей, для которых основой анализа психического выступают продукты труда и творчества.

Примером новых, по своей сущности составляющих аспект герменевтического метода исследовательских приемов является моделирование – упрощенное и реализованное в гетерогенном материале отображение объекта, при котором степень адекватности этого отображения проверяется в процессе функционирования модели. Большие возможности моделирования как герменевтического по своей гносеологической и психологической сущности, но почти целиком обусловленным развитием технических средств исследовательского приема, приобретает важное значение для современной психологии. Ряд остроумных механизмов, выполненных такими крупными учеными, как П. Винер, К. Шеннон, Г. Уолтер и др., «отвечая» на воздействия внешней среды, способен к выполнению некоторых движений, аналогичных движениям, воспроизводимым живыми организмами при той же стимуляции.

Постулируя закономерность применения метода моделирования в научном исследовании, П.А. Бернштейн писал: «Идея модельного подражания отправлениям живых существ с целью проникновения во внутрен-

ние механизмы последних отнюдь не нова. Если же отнести к классу исследовательских моделей, кроме вещественных, также так называемые мыслительные модели, ограничивающиеся проектированием более или менее выполнимых устройств на бумаге, то историю обсуждаемых моделей приходится начинать едва ли не с декартовой идеи о механическом действии нервных нитей на осуществление дуги рефлекса» [7. С. 266].

Поскольку научное моделирование не является самоцелью, а только средством мысленного проникновения в до сих пор неизведанные механизмы живого, применение этого метода подняло целый ряд сложных теоретических вопросов, которые далеко выходят за рамки данной работы. Но, изучая возможности использования метода моделирования в психологии, нельзя не обратить внимание, прежде всего на то, что самое понятие «моделирования» оказывается в современной науке далеко не однозначным. На первых порах метод моделирования понимался как всякое стремящееся к полному, но практически оказывающемуся ограниченным воссозданию того или иного факта, процесса, явления действительности. Модель можно считать удачной, указывает, например, Г. Клаус, по меньшей мере, лишь при двух условиях: а) если она демонстрирует поведение, подобное поведению оригинала, т.е. выполняет аналогичные функции, и б) если на основе изучения поведения и структуры этой модели можно обнаружить новые, неизвестные до сих пор особенности или свойства оригинала [102. С. 264].

Помимо неоднозначности в понимании моделирования, для психолога должно быть важным то обстоятельство, что результат моделирования, т.е. самая модель, представляет не что иное, как овеществленное психологическое понятие. Указывается, например, что модель должна удовлетворять требованию о сходстве, наличии общих физических и геометрических качеств; Модель – это схематическое подобие оригинала, модель должна быть логически соответствующей оригиналу и т.п. По мысли А. Розенблюта и Н. Винера, моделирование есть часть осуществляемого в процессе познания абстрагирования: «Никакая существенная часть Вселенной не является настолько простой, чтобы ее можно было постигнуть и ею управлять без абстракции. Абстракция состоит в замещении части Вселенной подлежащей рассмотрению моделью с подобной, но более простой структурой» [232. С. 316].

Совершенно ясно, что такое расширенное понимание метода моделирования сопряжено с большими неудобствами. В психологии становится, прежде всего, невозможным отделение метода моделирования от экспе-

риментального метода вообще. Действительно, как это формулирует П. Фресс, «какова бы ни была частная цель каждой экспериментальной процедуры, сам метод остается в принципе одним и тем же. Хотя первым порывом экспериментатора является подчинение факту, он, однако, не довольствуется этим. Идеалом ученого является воспроизведение факта, а это удаётся только при знании всех условий, его вызывающих» [113. С. 100].

С другой стороны, требование абстрактной, функциональной или структурной общности психологического эксперимента и изучаемой деятельности также есть вечное и неизблемое правило всякого психологического исследования независимо от тематики. Например, анализируя психологические требования к устройству тренажеров и к методике работы на них, К.К. Платонов писал: «...Основное психологическое правило ко всем без исключения тренажерам: навыки, формируемые на тренажере, должны не внешне, по своей психологической структуре соответствовать реальным трудовым навыкам» [44. С. 79]; и далее: «легко вычлениаются из целостной трудовой деятельности и могут самостоятельно тренироваться навыки работы с различным оборудованием, навыки чтения показателей контрольных приборов и их пультов, навыки двигательной ориентировки в рабочем месте, последовательности действий в определенных условиях труда и т.д.». Если под навыком понимать действие, формирующееся в процессе упражнения, то критерий выделения того или иного действия из целостной трудовой деятельности для его специальной тренировки выводится на основе следующего общего психологического правила: «Вычленимая для самостоятельного упражнения часть деятельности должна состоять из действий, по всей психологической структуре одинаковой с действиями, совершаемыми в реальной трудовой деятельности, причем в психологическую структуру действий входят их цель, особенности восприятия, внимания, мышления и т.д.» [44].

Для того чтобы ограничить понятие метода моделирования, следует, во-первых, исключить из него все нематериальные (мыслительные, логические) модели, без чего мы не можем отделить метод от отношения понятий, и, во-вторых, подчеркнуть характер активного конструирования и воплощения в гетерогенном материале определенных свойств оригинала. Однако этим нельзя ограничиться, если стремиться понять значение метода для современной психологии.

Н.А. Бернштейн, используя исторический подход, с большой проницательностью сумел показать на материале физиологии не только сущность метода моделирования, по и лежащие в основе его применения

психологические механизмы. (То обстоятельство, что предложенный им для обозначения этого механизма термин не получил распространения, вовсе не отменяет того, что он очень точно отражает существо дела.) С этой исторической точки зрения суть дела заключается в том, что «каждый очередной уровень, достигнутый техникой, привлекал к себе и соответственно настраивал мышление физиологов, часто совершенно произвольно моделировавших жизненные процессы по образцам и подобиям современных им инженерных сооружений.

Достаточно напомнить о таких мысленных моделях прошлого столетия, как резонаторная модель кортиева органа Гельмгольца или представление о нервах как кабелях из изолированных (миелином) электропроводников, о внутримозговых коммуникациях как подобии центральных телефонных станций, владевших умами многих нейрофизиологов–современников Белля и Эдисона. Разумеется, и в наши дни такая установка мышления (следовало бы назвать ее семероморфизмом – от опоров сегодня и воруп, – форма, оформление по образцу и подобию сегодняшнего дня) – в не меньшей степени влияет на умы, представляя к их услугам волновые процессы, полупроводники, мембраны, квантовые микропотенциалы, актомиозиновые электроэластические цепочки и очень многое другое» [7. С. 266–267]. Добавим к этому, что одна из наиболее плодотворных теорий современной психофизики – теория обнаружения сигнала была первоначально разработана в статистической радиотехнике. Аналогично Ф.Д. Горбов, исходя из понятия «помехоустойчивости» в радиотехнике, использует его при изучении деятельности оператора, но самое понятие обретает при этом настоящее психологическое содержание [14].

Если, таким образом, содержание понятия «моделирования» обусловлено исторически и меняется вместе с развитием техники, то с полным правом можно поставить вопрос о том, какой акцент несет в себе современное понимание «моделирования»? Учитывая огромное развитие вычислительной техники, следует согласиться с С.Л. Соболевым и А.А. Ляпуновым о том, что моделирование «позволяет проверить степень полноты описания изучаемого явления. Если описание явления составлено и приведено к форме алгоритма, и этот алгоритм запрограммирован и вложен в машину, то мы получаем возможность, экспериментируя с этой машиной, выяснить, как должно вести себя животное при тех или иных условиях» [93].

Эта задача, решаемая методом моделирования, приобретает особую актуальность в связи с тем, что многие видные психологи и психиатры

ры современности отводят в общей структуре психического значительное место определенным формам дезорганизации поведения; достаточно вспомнить теорию эмоций Жана или «двигательной бури» при истерии (Э. Кречмер). Еще дальше идет в этом отношении К.С. Лешли, для которого осуществляющиеся по вероятностным законам формы поведения есть уже не только результат дезорганизации, а лежащий в их основе принцип. Так, в предисловии к книге «Инстинктивное поведение» он указывал: «По-видимому, многие из тех форм поведения, которые ранее считались результатом научения и которые ранее приводились в качестве примера инсайта, представляют собой в действительности выражение внутренних тенденций к воспроизведению действия (*manipulative tendencies*)... Многие акты поведения осуществляются без какого-либо знания о степени их полезности, и в проблемных ситуациях самые акты, могущие привести к решению проблемы, выполняются таким образом, что только препятствуют его наступлению. Пригодность некоторого акта поведения для выполнения такой задачи, как добывание пищи, может быть обнаружена только случайно...». По Лешли, нередко там, где психологи склонны видеть «инсайт», фактически имеет место «непосредственное, однократное научение, сущность которого заключается в том, что благодаря случайности открывается способ использовать некоторые внутренние обусловленные акты поведения, а затем они генерализуются для аналогичных ситуаций» [239]. Независимо от того, каков фактический удельный вес управляемых стохастическими законами форм поведения, эта точка зрения представляет теоретическое обоснование для применения метода моделирования в его генетическом аспекте, являющемся ведущим для современной психологии.

Приведенное выше определение моделирования как аспекта герменевтического метода включает в себя и «идеальные модели» – ограниченные системы значений, возникающие в ходе объяснения получаемых в психологическом исследовании данных [66]. Как известно, наиболее распространенной формой идеальной модели являются математические. По словам В.А. Успенского, «математическая модель нередко задается в виде особого «языка», предназначенного для описания тех или иных явлений». Именно так, в виде языка, возникли в XVII в. дифференциальное и интегральное исчисления. Важнейшим примером математического языка, описывающего количественную сторону явлений, служит «язык цифр» [91].

Формальная сложность применяемых исследовательских приемов, например, как это имеет место при использовании факторного или кла-

стерного анализом, не отменяет того, что по своей психологической сущности они, как и моделирование, принадлежат к герменевтическому методу. Необходимость интерпретации (как и ее сложность) с особой очевидностью выступает, например, в факторном анализе при использовании центроидной методики, поскольку задаваемые при этом формальные структуры неоднозначны; аналогично использование линейных значений может – при недостаточном контроле со стороны других статистических методов и неполной интерпретации – привести к псевдоструктурам в случаях значимых нелинейных корреляций.

Заканчивая краткое изложение существа герменевтического метода в контексте наук о психике, еще раз подчеркнем, что, являясь составным элементом всех последующих, уже более специализированных методов, герменевтический соединяет каждый из них с экстраметодическими компонентами исследования – с «понятиями на входе и выходе» [67], с гипотезой, антиципируемыми результатами, с выбором единиц исследования и шкал. Таким образом, герменевтический метод не только «сквозной» по отношению к остальным методам психологического исследования, но он является и тем важнейшим цементирующим средством, которое придает им определенное единство.

2.3. Биографический метод

Биографический метод есть прямое и непосредственное приложение герменевтического метода к изучению человеческой психики, поскольку определенные события и факты жизненного пути становятся отправными пунктами в последующей ее интерпретации. Конечно, в условиях современной науки это развитие герменевтического метода усложняется за счет данных общей теории личности, либо более специфических областей исследования, например, исследований субъективного времени, но анализируемых именно в плане теории личности [13]. Что же касается патологии, то более или менее полным отражением биографии больного должна быть документально зафиксированная история болезни; подробнее об этом будет сказано в разделе о клиническом методе. Здесь, однако, отметим, что анализ психического расстройства помимо «чисто медицинских» показателей обязательно включает и сведения из биографии и межличностные отношения (так называемая анамнестическая биография).

Биографическому методу предшествуют «жизнеописания» людей выдающихся не столько в силу личностных особенностей, сколько их обще-

ственного положения (Геродот, Тацит, Светоний); в них еще не было биографического метода, но он как бы содержался здесь имплицитно. В период немецкого романтизма были предприняты попытки представить жизненный путь как психологическую проблему [139]. Для того, чтобы представить биографический метод как средство познания психики, было, конечно, необходимо описание людей, примечательных именно в психологическом плане. Этой тенденции отвечала развивавшаяся в конце XIX – начале XX в. патография (психография). В отечественной литературе этот жанр был представлен в «Психологических этюдах из истории» П.И. Ковалевского (Жанна д'Арк, Магомет, Иван Грозный, Сведенборг, Наполеон, Людвиг II Баварский), в Германии – в работах П.Ю. Мебиуса (Руссо, Гете, Шопенгауэр, Шуман и др.). В свое время эти исследования были подытожены в работе В. Ланге-Эйхбаум [200]. В настоящее время эпизодически появляются работы патографического плана, в частности о В. Ван-Гоге, Ф. Ницше, Мопассане.

Безусловно, существенным для понимания особенностей и возможностей биографического метода представляется тот исходный пункт, который дает начало для биографического исследования. Для случаев той или иной патологии этот пункт особенно важен; здесь биографический метод превращается в ретроспективное (или *ex post factum*) исследование имевших место в прошлом причин того, что наблюдается в настоящем. Не только отправной пункт в настоящем служит максимальному сближению биографического и клинического методов.

Со времен Э. Крепелина, рассматривавшего в качестве одного из главных клинических критериев течение заболевания, эта связь предстает уже как логически неизбежная. Однако многочисленные внутри современной психопатологии течения в немалой степени усложняют этот еще недавно казавшийся простым вопрос. Уже у К. Ясперса [177], в рамках биографического метода, продолжающего линию «понимающей психологии» жестко разделяются «биологические категории» и «собственно-биографические (*lebens-geschichtliche*) категории». Еще дальше Ясперса идет представитель «антропологического» направления в психопатологии В. Вайцеккер, для которого биографический метод – не средство получения дополнительной информации о больном, но коренное изменение самих основополагающих объяснительных категорий. Последние представляют собой результат введения самого субъекта в процесс исследования и включают, как сопереживание врача и больного, так и непосредственное – через осознание жизненного пути последнего – пости-

жение патологии; по выражению Вайцеккера это – «биографическое восприятие» [260].

Уже в современной науке попытки строго применить биографический метод наталкиваются на значительные трудности, свойственные всякому междисциплинарному исследованию; здесь требуется не только сопоставить данные различных наук, но и найти общую концептуальную основу, унифицировав используемый в исследовании набор понятий. Действительно, применение биографического метода требует связать воедино биографические (в том числе и конституциональные, Э. Кречмер), индивидуально-психологические и социальные аспекты, проследить их объективную, так и субъективную динамику формирования личности, притом особое внимание обратив на возрастные изменения, на возможные случаи дивергенции физического и психического развития, на «сензитивные периоды» (пубертатный период, инволюционный период), на динамику смен субъективных и объективных ценностей и установок, выделить точки перелома жизненной кривой. Даже при соблюдении всех этих критериев результаты применения биографического метода могут – в зависимости от цели его применения – получать различные ориентации – биологическую, социальную, клинико-психологическую, педагогическую, криминологическую и т.д. Развитие структур целеполагания могут служить отправными точками для исследования собственно психологического аспекта тех данных, которые получены с помощью биографического метода [138].

При применении биографического метода необходимо постоянно иметь в виду трудности установления достоверности тех разнородных данных, которыми оперирует исследователь: это и интроспективные отчеты самого испытуемого, и имеющаяся документация [117], и сообщения близких и окружающих. Имея в виду эти последние, психиатры нередко используют термин «объективный анамнез», который противопоставляется тому, что сообщает о себе сам обследуемый. Такое употребление термина неправильно, поскольку и понимаемые как «объективные» данные также субъективны. Известный американский психиатр А. Майер ошибался, придавая этим данным слишком большое значение [212]; более правильную позицию занимали такие видные отечественные психиатры, как С.С. Корсаков [34] и В.Ф. Чиж [96], указывая на необходимость осторожной их оценки. Действительно объективными данными можно считать лишь результаты не только тщательного, но и желательно длительного обследования (ряд из производимых П. Жане наблюдений на-

считывал порядка 30 лет); объективны также результаты применения функциональных и лабораторных методов, в том числе и патопсихологических. Возможности биографического метода весьма зависимы от того, в какой мере удастся исследователю сочетать все указанные несовпадающие, а нередко и противоречивые данные.

Особые и в какой-то мере противоречивые требования предъявляет применение биографического метода к самому исследователю. Если при собирании данных необходимы тщательность, полнота и соблюдение хронологического порядка, то их «представление» – (*Darstellung*) – это особое искусство, требующее отражения «целостности» жизненного пути. Последнее возможно, по словам К. Ясперса, лишь «через уплотнение» (*Verdichtung*) этой временной целостности человеческой биографии [177. С. 556] в наглядный образ²². Создание наглядного представления есть вместе с тем преодоление той аналитической стадии биографического метода, на которой осуществляется собирание данных. Последующая их интерпретация – это уже вопрос не столько биографического, сколько клинического метода, проблема взаимосвязи непосредственно наблюдаемого (статуса) и ретроспективных данных. Более подробно мы остановимся на этом при рассмотрении клинического метода в психологии и психиатрии.

В заключение о биографическом методе отметим – и это относится в первую очередь к изучению патологии, – что более правильным было бы назвать биографический метод генетико-биографическим в виду того большого значения, которое в настоящее время придается генетическому фактору и в общей психологии, и в психопатологии, особенно в клинике эндогенных психозов (маниакально-депрессивный психоз, шизофрения). Факт значительно большей частоты этих заболеваний в отягощенных семьях можно считать установленным [5]. Отсюда анализ каждого отдельного случая заболевания в «семейных рамках» с учетом степени родства; наибольшую научную ценность представляют здесь

²² Практика свидетельствует о том, что представление биографического материала требует особого искусства. П.Б. Ганнушкин учил, что история болезни должна быть написана так, чтобы к ней ничего нельзя было добавить, ни чего-нибудь изъять из нее. Это же полностью относится к представлению биографических данных. Нередко бывают такие достаточно подробные и профессионально правильно выполненные описания, которые создают образ, оказывающийся в противоречии с тем впечатлением, которое возникает в результате непосредственного исследования больного. Подобную «правильность» описания можно обозначить как формальную, и она свидетельствует об отсутствии адекватного понимания личности обследуемого.

исследования генетико-биографическим методом близнецов, особенно монозиготных.

С другой стороны, биографический метод, безусловно, представляет собой часть общего антропометрического исследования, в котором максимально широкое понятие объекта психологического исследования переходит в понятие предмета исследования [3]. Таким образом, в биографическом методе заложены возможности умножения его связей и опосредования с другими методами исследования психики.

2.4. Метод наблюдения

2.4.1. Пути развития теории наблюдения

Наблюдение – в современной психологии наряду с экспериментом, а в отдаленном прошлом наряду с самонаблюдением – основной метод познания психики, и таковым признавался всегда. Тем не менее, теории наблюдения в прошлом не существовало. Правда, началом ее можно считать попытки классифицировать виды наблюдения, хотя бы описательно. Так, Э. Мейман различал три вида наблюдения: 1) исследующее или выбирающее, осуществляющееся после тщательной предварительной подготовки; 2) производящееся при наличии только общей установки к наблюдению, но без четкого осознания конкретных объектов и целей; 3) осуществляемое лишь под давлением обстоятельств (непроизвольное или вынужденное наблюдение). А.Ф. Лазурский различал в индивидуальных особенностях наблюдения две стороны: «функциональную» (объем, точность, острота) и «содержательную» – определяемую направленность прошлого опыта наблюдателя (способность к наблюдению красок и объемов у художника выше, чем у музыканта). Попытка развить теорию наблюдения есть и у советских психологов – М.Я. Басова [4], С.Л. Рубинштейна [81]. В основном разработка теории наблюдения направлялась изучением временного членения этого процесса [218].

В настоящее время теория наблюдения значительно продвинулась вперед главным образом потому, что самый процесс наблюдения стал объектом экспериментально-психологического изучения. В общих чертах уже можно представить основные направления развития этой теории в современной психологии. Во-первых, изучение наблюдения как процесса, имеющего место в повседневной деятельности. Здесь можно довольно условно выделить различные направления – социально-психологические,

а также направление, цель которого – установить физиологические и биологические истоки наблюдения. Обычно рассматривают наблюдение как процесс познания, во-первых, в «естественных условиях», т.е. степень участия исследователя хотя и варьирует по степени (наблюдение «включенное» и «невключенное»), но все же минимальное, в отличие от эксперимента. Наиболее частая трактовка наблюдения не столько с точки зрения лежащих в его основе психологических механизмов, сколько социального – межличностного взаимодействия [123, 155, 158, 161, 168, 179, 190, 202, 257].

Реже исследования наблюдения посвящены установлению психологической природы наблюдения, уточнению самого содержания понятия. Здесь следует особо указать на взгляды выдающегося биолога и психолога современности, главы этологической школы К. Лоренца [205]. Лоренц справедливо подходит к определению сущности наблюдения через анализ процесса восприятия. Согласно ему, восприятие – это не только процесс, переводящий «ситуацию стимулов» в ответ организма, но и своего рода фильтр, пропускающий строго определенные комбинации чувственных данных. Среди этих комбинаций этологи ведущую роль отводят экспрессивным движениям особей того же вида, распространяя этот тезис и на человека. Таким образом, наблюдение одним человеком другого имеет, согласно этой точке зрения, глубокие биологические корни.

Оба подхода, содержащие в себе большую долю истины, следует учитывать при анализе наблюдения как одного из основных методов наук о психике. В то же время уже имеющиеся здесь данные свидетельствуют, что применение психологического эксперимента с целью анализа процесса наблюдения позволяет устанавливать в нем вполне определенные закономерности и выявлять обуславливающие его факторы.

Условно выделяемый третий подход к теории наблюдения – гнесеологический; представители этого направления видят в наблюдении главным образом один из основных и по отношению ко всем наукам – универсальный метод познания, и они стремятся определить наблюдение именно с этих позиций. Отсюда идут и две особые линии в изучении наблюдения: одна из них выходит в сторону анализа наблюдения как метода психологии, другая, пересекаясь с двумя только что обозначенными подходами (социально-психологическим и биолого-психологическим), образует область исследования наблюдения как процесса.

2.4.2. Наблюдение в науках о психике

Особенности наблюдения, как не только свойственного человеку познавательного действия, но и как общенаучного метода, реализуются и в науках о психике. Однако наряду с общими чертами здесь есть и свои специфические особенности и различия между наблюдением в общей психологии и в психиатрии. В последнем случае наблюдение направляется не только системой психологических понятий, но и собственно клинических; отсюда следует, что в области психической патологии метод наблюдения непосредственно перерастает в клинический метод. Сначала остановимся на особенностях метода наблюдения в общей психологии.

Априорно можно сказать, что наблюдение в науках о психике должно иметь свою специфику, отличающую его от наблюдения в других науках. Однако на современном этапе развития и психологии, и психиатрии уже имеется достаточно данных для того, чтобы можно было бы перейти от такого рода суждений к вполне обоснованной демонстрации специфики наблюдения в науках о психике.

Справедливо П. Фресс утверждает, что «в каждой науке у наблюдения свои трудности и свои ловушки. В психологии оно одно из самых тонких...» [113. С. 109]. Столь же справедливо он особенно подчеркивает необходимость объективности наблюдения, что равносильно требованию возможности повторения и контроля. Помимо четкой постановки целей наблюдения и установления градаций избранных критериев (действий, качеств) – продолжительности, интенсивности, величины, лабильности и т.д., объективность включает и требование об однозначности кодов информации. Наличие трудностей в определении единиц этих кодов для всех уровней особенно характерно для наук о психике. Как пишет П. Фресс, «для того, чтобы стало возможным совпадение показаний нескольких наблюдателей или, по крайней мере, для того, чтобы переданное наблюдение было понято читателем так же, как и его автором, нужно, чтобы употребляемые термины определялись операционально, т.е. чтобы они были как можно более описательными и как можно менее объяснительными. Мы наблюдаем не так называемое «оральное» поведение, а сосание пальца, одежды и т.д.» [113. С. 111].

Вполне естественно, что на определенном этапе развития психологических методов самый процесс наблюдения был подвергнут экспериментальной проверке. При этом «трудности и тонкости», о которых говорит П. Фресс, оказались большими, чем это можно было бы априорно пред-

положить. Так, наблюдение группой квалифицированных психологов поведения ребенка дает до 80% несовпадающих заключений [252]. Точная фиксация всех наблюдаемых аспектов поведения оказалась невозможной даже при необходимости наблюдения на протяжении пятисекундных интервалов времени с интервалами той же длительности всего в течение пяти минут [118]. Кроме того, наблюдение представляет значительные трудности и в плане объема, не превышающего, как известно, пяти-семи дискретных сигналов, поступающих по одному сенсорному каналу.

Все эти и подобные им трудности естественно вызывают необходимость использовать вспомогательные средства наблюдения, прежде всего технические (киносъемка, запись на магнитофон, фотографирование), которая позволяет свести к минимуму зависимость наблюдателя от «непрерывно текущего времени», поскольку создает возможность в той или иной степени возвращаться к исходным данным.

В наибольшей степени методологической трудностью в науках о психике является факт многозначности перцептивных данных в отношении к последующему суждению об особенностях детерминирующих их психических процессов или качеств личности. Эта проблема стоит в центре всего рассмотрения клинического метода; в области общей психологии на нее был сделан упор в работах Э. Брунсвика [137].

Очень существенным в общей теории наблюдения является звено, соединяющее самого наблюдателя и представляемые им результаты наблюдения. В этом звене фактически объединены многие психологические проблемы. Начать с того, что факт присутствия самого наблюдателя в ряде случаев влияет на изучаемый процесс [233]. Это широко освещаемое в психологической и социологической литературе обстоятельство дает повод некоторым авторам проводить аналогию с физикой микромира и видеть во влиянии наблюдателя подобие принципа неопределенности В. Гейзенберга; думается, что такая аналогия малопродуктивна в плане установления психологических особенностей процесса наблюдения. С другой стороны, данные о влиянии присутствия наблюдателей, безусловно, в стремлении к «чистоте результатов» оправдывают такую меру предосторожности, какой является применение телевидения.

Далее, к проблеме влияния присутствия наблюдателя непосредственно примыкает и проблема личности самого наблюдателя. Большое число экспериментальных исследований свидетельствует о том, что это нередко «переменная, существенно влияющая на результат»; сказанное в равной степени относится, как к методу наблюдения, так и эксперименту (тради-

ционно в литературе по методологии психологического исследования обычно рассматривается в разделе, посвященном эксперименту).

Важность особенностей личности наблюдателя, его своеобразия проявляется в том, что они влияют на результаты наблюдения. Иначе говоря, имеет место проблема, с одной стороны, очень близкая предыдущей, но в то же время по своей направленности обратная ей. Безусловно, не все те актуальные и потенциальные качества, которые требуются для продуктивного наблюдения, далеко не в равной степени представлены у отдельных людей; поскольку в параграфе 1.9 мы уже останавливались на этой проблеме и приводили некоторые характерные для исследований индивидуальных особенностей в познании психики примеры, здесь ограничимся лишь напоминанием о связи данной проблемы с теорией наблюдения. Приводимые примеры дополняют тот раздел уже не столько в плане фиксации факта индивидуальных различий в познании психического, сколько относятся к самой теории наблюдения.

На современном этапе развития теории наблюдения следует иметь в виду значительное умножение и расширение тех областей экспериментально-психологического исследования, из которых она черпает свой материал. Это и экспериментальные исследования восприятия выразительных движений, восприятия, осуществляемого в различных условиях и, в конечном итоге, направленном на оценку эмоционального состояния наблюдаемых людей [198, 214], или шире – работы в области «восприятия человека человеком» [9], или, наконец, исследования из области перцептивных данных, лежащих в основе «клинических» и «социальных» суждений [126]. Вместе с тем отмечается, что наблюдатели по-разному осуществляют переход от фиксации перцептивных данных к суждению о них и при этом определенную роль играют факторы, облегчающие выбор ответа [52, 99, 198, 214].

Все полученные данные позволяют говорить о множестве сложных психологических факторов, определяющих собой процесс наблюдения. В данной работе мы, конечно, не сможем подробно рассмотреть их все или даже большую их часть. Все же, пытаясь дать их обобщенное представление, можно сказать, что процесс наблюдения другого человека есть результат сложных взаимоотношений между воспринимаемой информацией и возможностями наблюдателя в плане ее оценки. Так, Ф. Ленард и Ф. Форре-Банлаки [201], изучая развитие способности определять выражение лиц детьми и подростками (испытуемые от 7 до 17 лет), установили определенную возрастную динамику этого процесса. С. Ванденберг и

М. Маттисон изучали процесс восприятия и оценки другого человека в сравнительном плане – у здоровых и психически больных людей [254].

Испытуемым предъявлялись фотографии лиц – мужских и женских, выражающих определенное эмоциональное состояние. Предварительно 12 «судей» приходили к единодушному мнению о том, каковы эти состояния. Отмеченные особенности в результатах наблюдения других людей в целом можно подвести под эту общую схему соотношения между воспринимаемой информацией и возможностями ее оценки; ухудшение по второму из указанных параметров в свою очередь определяется клинической характеристикой этих больных с типичными для них нарушениями межличностных отношений.

Некоторые аспекты обусловленности результатов наблюдения над другими людьми со стороны межличностного общения (социальный аспект наблюдения) находят свое истолкование в кибернетических моделях, прежде всего в плане обратных связей. Перерывы обратной связи приводили к утрате характерной для данного индивида, интонации, возникали некоторые расстройства речи (дрожание, прерывистость), нарушался ее темп, в общем, имело место глубокое рассогласование между привычными личностными формами и их фактическим осуществлением в акте коммуникации [206].

За последние годы в теории наблюдения все больший удельный вес приобретает проблема кодирования получаемой при изучении психической информации. Выше говорилось о произвольном предустановленном кодировании, которое наблюдателю «навязывает» язык. В области наук о психике, которые, как подчеркивалось в начале нашего изложения, имеют дело с наблюдением максимально сложных объектов, по крайней мере, не меньшее значение имеет другой вид кодирования – предустановленный языком, но всецело обусловленный самим наблюдателем. «В сравнении с важностью этой проблемы мы располагаем очень малым числом исследований о том, каким образом происходит сведение актов поведения в осмысленные, значимые единицы. На практике психологи, изучая то, как мы воспринимаем других людей, часто прибегают относительно к априорным предположениям» [165]. Безусловно, способы предустановленного кодирования, выбор единиц из некоторой находящейся в распоряжении экспериментатора последовательности – это вопрос, подчиненный более общим задачам исследования, зависящий от особенностей объекта, и, следовательно, возможны различные способы такого кодирования получаемой информации.

Особое значение вопросы кодирования наблюдаемой реальности приобретают в связи с естественно возникающим следующим этапом исследования – переходом от одних лишь качественных к сочетанию качественных и количественных характеристик объекта. Тенденция эта типична как для психологии, так и для смежных с ней дисциплин, поскольку они переходят к установлению все более «тонких», не различающихся на уровне очевидности закономерностей [74]. При этом выбор единиц кодирования становится исходным пунктом для следующего исследовательского приема – измерения. Хотя измерение чаще осуществляется уже не в рамках метода наблюдения, а экспериментального метода, все же следует подчеркнуть, что в плане семантико-логической структуры психологического исследования оно берет начало именно в наблюдении, в единицах кодирования, качественная однородность которых должна гарантировать валидность оценки их по одной и той же избранной исследователем шкалы.

Продолжая анализ особенностей наблюдения в науках о психике, следует отметить также, что у некоторых современных психологов понятие научного наблюдения в психологии оказывается уже непропорционально широким. У Д. Фиске, например, чья работа посвящена «стратегиям в исследованиях личности»²³ единица кодирования наблюдения уже совпадает с понятием личности, хотя, как это следует из рассуждений автора, измеряется не самая личность, а отдельные акты поведения. По существу же главным является временное членение, т.е. результат исследования сопоставляется из временных единиц самого наблюдения, единиц, дифференцирующих «сегменты поведения». В экспериментальном исследовании такого рода единицы кодирования – это поведение испытуемого после введения независимой переменной в ситуации психологического эксперимента. Сколько будет этих единиц за период наблюдения, зависит от конкретных условий исследования. Эти единицы затем экстраполируются на объект Исследования – личность *per se*. Далее следуют единицы измерения и, наконец, единицы анализа – те данные по какой-либо одной шкале, которые коррелируют, могут быть осмысленно сопоставлены с единицами другой, также используемой в исследовании шкалы. Также эти давние при анализе могут быть отнесены к определенной категории, уровню или сопоставлены с другой переменной, отмечавшейся в прошлом у испытуемого, выведенной при прежних его обследованиях.

По-видимому, есть основания говорить об определенных закономерностях непредустановленного кодирования в повседневной деятельности,

²³ Fiske D.W. Strategies of personality research. San Francisco, 1978.

в отличие от предустановленного кодирования, подчиненного семантике языка, этот вид кодирования характеризуется определенными собственными закономерностями. Изучавший этот процесс Р. Дайкман писал в этой связи: «Поток поведенческих актов приобретает упорядоченность с точки зрения наблюдателя в той степени, в какой он распознает в них цель и мотивацию [150]. Д. Ньютсон изучал величины тех отрезков, на которые наблюдатель делит последовательность актов поведения, и нашел, что при идентичном их содержании эти величины стабильны, однако при соответствующей инструкции они легко изменялись в нужном направлении, что, в конечном итоге, обеспечивает контроль количества поступающей информации со стороны самого наблюдателя [215, 218]. Наблюдатель также выделяет особо информативные точки изменения наблюдаемого или, по выражению Ньютсона, «переломные пункты», которые отделяют отрезок поведенческих актов с высокой информативностью от отрезков с малой информативностью. Без специальной инструкции средняя длительность такого рода отрезков приближалась к 15 с [219]. Если же инструкция имела место, эта стабильность нарушалась в зависимости от характера ее содержания. Так, если требовалось в результате наблюдения составить себе представление о том, с кем можно сравнить испытуемого, длительность такого отрезка была вдвое большей, чем в случаях, когда требовалось определить, чем он занят [150].

Когда проблема кодирования имеет место на уровне метода, в ней, как свидетельствует об этом анализ литературы, проявляются как качественный, так и количественный аспекты. Необходимость сравнения результатов исследований ведет к тому, что наиболее часто применяется такой исследовательский прием в рамках метода наблюдения, как квантификация, и при этом используются наиболее легко квантифицируемые параметры: членение (выборки) по времени, по форме поведения и оценки в пределах одной шкалы. Каждый из этих видов квантификации имеет свои преимущества и свои технические трудности [156], но последние уже не методологического характера.

Второй аспект качественный. Для научного (систематизированного) наблюдения идеальным случаем следует, по-видимому, рассматривать такой, где в качестве единиц наблюдения выступают структурные компоненты самого объекта. Такое имеет место, например, при наблюдении над речью, поскольку язык представляет собой многоуровневую иерархическую структуру. Это было использовано, в частности Ж. Пиаже для того, чтобы установить возможность на основе частоты использования определенных

языковых средств ребенком (монологической речи, повторов, приказаний, просьб, вопросов, ответов и т.д.), обобщенно представить его речь либо как аутичное функционирование, либо как средство социализации [104]. В качестве примера более позднего исследования этого плана может быть приведена работа С.С. Галагулидзе, где динамика использования лексикограмматических средств языка рассматривается в качестве индикатора эмоциональной и интеллектуальной напряженности [12].

Однако, такой вариант возможен лишь в случае, когда структура объекта априорно уже задана; иное дело, когда она сама является целью исследования, искомым. В последнем случае приходится использовать косвенные индикаторы, в частности, только что указанные, допускающие квантификацию показатели, и тогда основные трудности исследования будут проявляться не на этапе кодирования, но на последующих этапах – интерпретации и объяснения.

Выше уже отмечалось в качестве общей закономерности доминирование в наблюдении концептуальных компонентов, что, естественно, еще сильнее выступает при научном, систематизированном наблюдении. Последнее относится и к научно-организованному, систематизированному наблюдению и в самой психологии. При систематизированном наблюдении в значительной мере нивелируются не только индивидуальные особенности, прошлый опыт и установки наблюдателя, но и факторы более объективного характера. То, что в наблюдении такого рода реализуется общая, направляющая познавательную деятельность идея, подтверждается высокой стабильностью результатов вне зависимости от применяемых при этом вспомогательных приемов и предваряющих результаты способов обозначения, фиксации и классификации данных. К числу таких исследовательских приемов относят главным образом выделение и фиксирование определенных видов (категорий) наблюдаемого поведения и вынесение оценок по тем или иным заранее разработанным шкалам. В исследовании Л. Картера с сотрудниками [141] рассматривалось соотношение между этими двумя показателями. После того, как испытуемые произвели категоризацию (кодирование) наблюдаемого поведения, они осуществляли также оценивание пятнадцати личностных и четырех групповых качеств, используя для этого семибалльную шкалу. Полученные оценки коррелировались с результатами комбинирования тех категорий, которые могли служить глобальной характеристике личности наблюдаемого. Все корреляции были положительными и располагались в диапазоне от 30 до 86. Наиболее высокие показатели отмечались в случае, когда велика была надежность обоих

типов оценок. Иными словами полученные данные свидетельствуют о том, что существует сильная связь между обоими способами оценивать наблюдаемое поведение, и поэтому роль того, какому вспомогательному приему будет отдано предпочтение, в принципе не должно отражаться на выводах. Имеются, однако, как подчеркивают Р. Хейнс и Р. Липпит [168], соображения методического порядка, влияющие на выбор способа оценки. Категоризация предполагает равенство значений («весов») всех включенных в него подразделений, что, конечно, далеко не всегда имеет место. Категоризация не выгодна также при быстрых изменениях поведения при наличии многих переменных. Что же касается числовых оценок, то они редко удовлетворяют требованиям статистического упорядочивания.

Несколько слов о специфике наблюдения над случаями психической патологии. Хотя все общие положения о наблюдении и здесь остаются в силе, на определенных пунктах все же надо сделать акцент. Особо следует подчеркнуть необходимость наблюдения в различных условиях и различных ситуациях с тем, чтобы не составить себе одностороннего представления. Нередко бывают необходимы дополнения данных наблюдения с помощью иных источников информации; с целью не оставить вне поля зрения какую-либо важную особенность и не допустить односторонности суждений, составляются специальные перечни психологических и психопатологических характеристик, которые могут быть дополнены оценочными шкалами. Этому же служат различные заранее разработанные формы протоколов наблюдения. Все эти и аналогичные приемы имеют свои положительные, но и отрицательные стороны, поскольку в известной мере нивелируют индивидуальность больного. В этой связи, как уже отмечалось, З. Фрейд говорил о необходимости для психоаналитика вырабатывать в себе особое расслабленное, флуктуирующее «обволакивающее» внимание, с целью не упустить какой-то важной особенности больного. Ж. Делей и П. Пишо [146] указывают на необходимость, по крайней мере, одного и особенно первого обследования без каких-либо вспомогательных средств и приемов, в чем, по мнению этих авторов, находит свое воплощение специфика клинического метода.

2.5. Метод самонаблюдения (интроспекции)

Изложение существа этого метода следует начать с определения терминов. Безусловно, в деталях, в частности содержание понятия интроспекции изменяется со временем и оно может быть несколько различным

у разных авторов; поэтому У. Джемс попытался дать его максимально обобщенное определение, говоря, что психология имеет целью «описание и объяснение явлений сознания именно в качестве явлений сознания». В последние годы, когда самонаблюдение рассматривается не под углом зрения обоснования психологии, но в ряду методов, в отношении его делаются следующие уточнения. Прежде всего, указывают на принципиальные отличия самонаблюдения, где субъект и объект познания неразделимы, от наблюдения, которое направляется внешним объектом. В значительной мере остаются в силе предупреждения представителей Вюрцбургской школы о том, что для научного самонаблюдения нужны психологически квалифицированные испытуемые, по словам О. Кюльпе – не ниже доцента кафедры психологии, не говоря уже о том, что в самоотчет могут войти лишь осознаваемые процессы, а также и о том, что многие категории испытуемых (дети, взрослые с невысоким общим Развитием или больные определенной нозологией) вообще не могут дать отчет о состоянии собственной психической сферы.

В принципе же, возражения различного плана против интроспекции накапливались давно. Еще Кант отмечал трудность и ненадежность самонаблюдения. Он указывал, что существует не столько интроспекция, сколько ретроспекция, так как невозможно одновременное протекание какого-то психического процесса в сознании и его наблюдение, и что, производя самонаблюдение, мы тем самым уже вносим определенные изменения в наблюдаемые явления. Эти положения нашли свое частичное отражение внутри психологии самонаблюдения: в Вюрцбургской школе, особенно у ее наиболее выдающихся представителей – О. Кюльпе и Н. Аха, интроспекция уже вполне преднамеренно заменена на ретроспекцию при изучении волевых процессов, а у А. Бине – при исследовании интеллекта.

Критическое отношение к методу самонаблюдения было характерно и для позитивизма. О. Кант считал, что с понятием научного наблюдения несовместима «необходимость для субъекта раздваиваться», так что одна его часть психической сферы размышляет, а другая – наблюдает за этим размышлением. Прибегая к образному сравнению, он говорил о «попытках глаза увидеть самого себя» или для человека «взглянуть в окно, чтобы увидеть, как он сам проходит по улице». Хотя Вюрцбургская школа строила свои исследования, используя, в основном интроспективные данные («направленная интроспекция» О. Кюльпе), ей суждено было способствовать весьма значительному ограничению самонаблюдения: ее

представители установили, что человек не осознает процесс своего мышления и не может дать исчерпывающего отчета о факторах, определяющих его направление и изменения направления. В целом, можно сказать, что критики в адрес интроспекции (невозможность контроля, трудности словесного выражения, субъективизм, – влияние прошлого опыта, нерасчлененность и т.п.) было больше, чем доводов за нее²⁴. Отметим также, что физики «подлили масла в огонь», высказав ряд положений, допускающих перенос их в область психологии. Так, говоря о возможностях познания микромира, М. Планк подчеркивал необходимость «абсолютного детерминизма как основы всякого научного исследования», считая, что «ход исследуемого явления не должен быть нарушен процессом самого опыта... На этом основании вполне объективное научное исследование душевных явлений возможно, принципиально рассуждая, только по отношению к другим личностям, поскольку они независимы от личности наблюдателя. Изучение собственной личности возможно только по отношению к прошлому, которое представляется совершенно законченным перед внутренним взором мыслителя, но не по отношению к собственному настоящему или собственному будущему, путь к которому ведет всегда только через настоящее...» [110].

Заканчивая перечень принципиальных возражений против метода интроспекции, мы можем лишь резюмировать: если вернуться к предыдущим главам и еще раз просмотреть все перечисленные там требования к научному методу вообще и к научному наблюдению, в частности, нетрудно заметить, что метод самонаблюдения или интроспекции почти ни одному из этих требований не удовлетворяет.

С другой стороны, всем ясно, что есть – и их немало – необходимых для психолога данных, которые можно получить, лишь используя метод самонаблюдения. Как мы об этом скажем ниже, значительная доля всех психопатологических данных, которыми оперирует психиатр, основаны на тех переживаниях и мыслях, о которых сообщает врачу сам больной. Если несколько расширить понятие метода самонаблюдения и говорить о словесном отчете испытуемых, то здесь для характеристики его роли

²⁴ Интересно, что в прошлом все возражения против применения интроспекции основывались в конечном итоге опять же на данных самонаблюдения. Современная же наука располагает вполне объективными, полученными при изучении процесса обусловливания данными об электрофизиологическом контроле, согласно которым испытуемых можно, в-первых, научить тому, чтобы они по своему субъективному состоянию определяли, активирован ли у них в данный момент альфаритм, или же он подавлен, и, во-вторых, научить их даже управлять этим процессом [180, 244].

можно привести следующую статистику: при проверке тринадцати важнейших американских психологических журналов за 1958 г. было установлено, что из общего числа 1122 сообщений о выполненных исследовательских работах в 493 (или 44%) фигурировал словесный отчет; 184 из общего числа проведенных работ были посвящены изучению восприятий, а остальные относились, в основном, к области психологии личности [264. С. 55]. И теперь мы можем констатировать, что само наблюдение не только никогда не было полностью изъято из арсеналов психологических методов, но, как об этом свидетельствует анализ литературы, за последнее время интерес к нему возрастает [80].

Таким образом, критерий практики свидетельствует против того, чтобы просто исключить из психологического арсенала самонаблюдение в угоду доминирующим теперь объективным методам.

Каковы же пути интеграции метода самонаблюдения в объективистски ориентированную современную психологию?

Для В. Вундта, как одного из основоположников экспериментальной психологии, проблема интроспекции выступала особенно остро, поскольку он вполне сознавал несоответствие ее требованиям научности метода. Его понимание психологического эксперимента как «экспериментального самонаблюдения» есть, по существу, компромисс между этими антагонистическими положениями. Также и Ф. Гальтон, с его стремлением к ясным экспериментально верифицируемым результатам, вполне сочетал их с интроспекцией. В ходе дальнейшего развития теоретического обоснования самонаблюдение пошло по следующим путям. Первый путь можно обозначить как интерпретационный. При нем в принципе остается открытым вопрос о том, будут ли усилены субъективные или объективные элементы, но все же он открывает определенные возможности объективации. Данные самонаблюдения – это еще только сырой материал психологического исследования, он подлежит истолкованию, на основе тезисы об общности переживания, по словам К. Марбе, «идентичности форм психического опыта». Это «вчувствование» (Einfuehlung) немецких авторов, «интуиция соучастия» (intuition participante) – французских. Это направление развитой теории самонаблюдения непосредственно смыкается с течением «понимающей психологии» [163]. В этом течении так и остается невыясненным вопрос о механизмах «вчувствования»: то ли это особое «резонансное» переживание – эмпатия, то ли результат имитации. По оценке Ж. Делся и П. Пишо [146], «интуиция соучастия» занимает промежуточное место между са-

монаблюдением и наблюдением, т.к. она, якобы, позволяет, углубляясь в себя, получать вместе с тем знания о другом человеке.

Второй путь – явного одностороннего усиления субъективных элементов познания. По нему пошел, развивая свою теорию «структурной психологии», ученик В. Вундта – Э.Б. Титченер, о котором, перефразируя известную французскую поговорку, можно сказать, что он был большим вундтовцем, чем сам Вундт. По Титченеру, предмет психологии – «зависимый опыт», в то время как все остальные науки имеют дело с «независимым опытом», объект психологии – различные состояния индивидуального сознания. Подчеркивая сложность интроспективного изучения психики, Титченер сетовал, прежде всего, на интроспекцию ощущений. Выраженные в словах, «они, подобно элементам кислороду и водороду, противятся дальнейшему анализу». Такие слова, как «холодный», «голубой», «соленый» и т.д. не только не гарантируют единообразия понимания, но и не могут быть сведены к «более простой форме опыта». Титченер требовал исключить из интроспективного отчета все, что имеет отношение к физической природе стимула, к значению, оставив в нем исключительно «чистое содержание сознания». Любое указание на объективное содержание переживания Титченер называл «ошибкой стимула» (*stimulus error*).

Третий путь развития метода самонаблюдения ведет к феноменологии, с характерным для нее принципиальным неразличением субъективных и объективных компонентов познания. Имея со «структурной психологией» один и тот же отправной пункт, он, в известном смысле, представляет противоположное направление. С точки зрения феноменологов, испытуемый должен быть «наивным» и рассказывать обо всем, что он чувствует, как есть, исходя из целостности чувственного впечатления. Наиболее показательны в этом плане работы примыкавшего к школе гештальтпсихологии Э. Рубина и К. Каца. Классическая работа Э. Рубина о «фигуре и фоне», – феномене, суть которого состоит в том, что поле зрительного восприятия образует двучленную структуру, один компонент которой есть нечто главное, ясно воспринимаемое («фигура»), другой – не столь четко воспринимаемый, как бы второстепенный по значению («фон») [235]. Рубин так описал этот феномен. Фигура в большей степени, чем фон имеет форму, границами между фигурой и фоном создается в восприятии контур. Фон представляется «растянутым» позади выступающей вперед фигуры, т.е. происходит структурирование поля восприятия по глубине. Для фигуры характерен атрибут, по выражению

Э. Рубина, «вещности»; она «единична», «неповторима», «индивидуализирована». Контур не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на фон, последний – это материал, фактура (песок, мука и т.п.) то, что воспринимается как фигура, может быть внутренне дифференцированным, в то время как фон – аморфен, размыт, неопределенен. Цвет фигуры более четок и чист, чем цвет фона. Фигура более резистентна по отношению к изменению цвета, чем фон. Тени больше выделяются на фоне, чем на фигуре. Фигуры доминируют при сравнении двух полей зрения между собой; фигура запоминается гораздо лучше фона, к ней легче устанавливаются ассоциации, она доминирует в сознании.

Возьмем не менее известный пример – работы Д. Каца о восприятии цветов [182, 183]. В результате многолетних исследований ему удалось показать, что существуют феноменальные разновидности цветов (в противопоставлении перечню цветов в понятиях условной цветовой гаммы); цвет протяжения или «свободный цвет», не связанный с объектом, в терминологии Д. Каца, «цвет плоскости» (Flaechenfarbe), цвет поверхности (Oberflaechenfarbe) распространенный или объективный цвет (Raumfarbe), прозрачный цвет, блестящий цвет, светящийся цвет. Некоторые из этих разновидностей могут переходить друг в друга в зависимости от условий наблюдений субъектом.

Таким образом, метод самонаблюдения вне зависимости от исходных теоретических установок, может иметь своим результатом ценные для психологии данные.

Сравнивая последние два базирующиеся на интроспекции направления – «структурную психологию» Титченера и феноменологию, мы видим общие акценты, в частности указания на необходимость отказа от исходящих от самого испытуемого интерпретационных включений в самоотчеты. Различие же состоит в следующем. В. Вундт и Э.Б. Титченер желали обнаружить в самоотчетах испытуемых либо элементарные ощущения (тепла, холода, боли или давления) или же элементарные чувствования²⁵. Феноменологи же, в отличие от «естественной установки» дона-

²⁵ Задача экспериментальной психологии, по Титченеру – анализ структуры или, используя его термин, «морфология сознания», вычленение из него «элементарных процессов». По его мнению, такими элементарными и выявляемыми с помощью интроспекции процессами сознания являются редуцированные проявления чувствительности (sensations), мыслей – образов – представлений (images) и эмоций, аффектов (affections). Первые два «элемента» могут быть классифицированы по четырем переменным: качеству, интенсивности, длительности и отчетливости, аффекции же – только по качеству, интенсивности и длительности. Как известно, элементаризм Вундта – Титченера повлиял на последующее развитие психо-

учного познания, стремились исключить все интерпретационное, вещное и социальное, обусловленное надындивидуальными значениями [266] и вернуться «назад к вещам» (*zurueck zu den Sachen*), к «первоначальному опыту», что и представляет собой то, что они называют методом «феноменологической редукции».

Феноменологизм в психологии возник в период становления ее в качестве самостоятельной науки. Он представлял собой идеалистическую реакцию на реальную и очень важную для этой науки проблему выработки ее предмета и объекта. В ходе своего развития феноменологизм развивал так называемую «ноэматическую рефлексию», т.е. анализ тех способов, какими предмет дан нашему характеризуемому, прежде всего, свойством интенциональности сознанию. Интенциональность, говорили представители феноменологического направления, это слитность сознания с объектом, его направленность на объект. Сложное единство субъективного и объективного демонстрируется актами гештальтообразования. Законы гештальтообразования в конечном итоге – это феномены сознания, но они в значительной степени предопределены свойствами объектов, независимыми от воспринимающего субъекта. Как пишет И. Рок, «то, что мы воспринимаем, частично основано на стимуле, а частично – на выборе, осуществляемом перцептивной системой» [111]. Если вопрос о том, чем обусловлено возникновение перцептивных гештальтов, явно выходит за проблему самого метода самонаблюдения, то, по крайней мере, можно констатировать, что с его помощью можно зафиксировать конечный результат – самый перцептивный образ. Последний для самонаблюдения – это лишь копия проксимального стимула, что, с точки зрения гештальтпсихологии, есть «ошибка впечатления», поскольку сами управляющие гештальтформированием закономерности выводятся не отсюда, а есть результат интерпретации уже со стороны исследователя.

Теоретические обоснования интроспекции в феноменологии и гештальтпсихологии представляют собой шаг вперед по сравнению со «структурной психологией» Титченера, но лишь в том смысле, что они направлены в сторону десубъективации данных самонаблюдения, придания им более динамичного и формализуемого характера, и таким образом феноменологическое направление в определенных пунктах смыкается с направлением интерпретационным.

логии главным образом по принципу *casus contrariis*, породив многие антиэлементаристские течения, главными из которых являются феноменологическое и по существу близкая ему школа гештальтпсихологии.

Но и независимо от указанных трех путей развития теории и метода интроспекции, сами по себе ее данные – как уже было подчеркнуто – имеют большое значение и в области общей и патологической психологии. Ряд разнообразных конкретных методик и составляет в целом варианты метода самонаблюдения. Это, конечно, все варианты анкет; при всех присущих им недостатках они «заменяют гипотетическое наблюдение быстро получаемыми данными, позволяют собрать такую информацию о поведении, которая вообще недоступна прямым наблюдениям». ...или «дают возможность узнавать о реакциях испытуемого на такие ситуации, в которых наблюдение было бы затруднительно...» [113. С. 115]. При учете всех возможных влияющих факторов – неискренности, желании скрыть что-либо, предстать перед исследователем в определенном свете, в результате влияния оценочных суждений, состояний испытуемого и доминирующих установок, социальных и групповых норм, психологи, пользующие методом анкет или вопросников, не должны, как подчеркивает П. Фресс, «забывать, что самонаблюдение дает не непосредственные данные, имеющие бесспорное значение, а ответ, который требует еще истолкования» [113].

Не менее, а может быть, и более важными представляются данные самонаблюдения в области изучения патологических явлений психики. Для К. Ясперса самонаблюдение – это максимально широкое понятие, которое «противостоит феноменологическому расчленению, различного рода нарушениям, целостным симптомокомплексам – одним словом, всему, что в своей сумме составляет психопатологию» [178. С. 50]. Более того, для Ясперса самонаблюдение есть лишь первая степень «саморефлексии», ибо вслед за самонаблюдением следуют «самопонимание» и «самораскрытие», непревзойденным образцом которого он считает творчество С. Кьеркегора.

Мы не будем задерживаться на этих взглядах Ясперса, поскольку они выходят уже за рамки рассмотрения метода самонаблюдения как такового. Отметим, однако (таково мнение К. Ясперса), что данные самонаблюдения могут быть особенно ценными в качестве дополнения к объективно фиксируемой патологии, чаще всего при наличии перцептивных и моторных симптомов, наряду со случаями насильственного самонаблюдения, при которых последнее выступает уже как патогномический симптом. В диагностическом плане при начинающейся шизофрении [179] важными бывают высказывания больных об изменениях их внутреннего состояния. Большую ценность в научном отношении представляют данные самонаблюдения тех больных, которые сами по

специальности врачи, об их состояниях, в частности при инсулиновых шоках [178. С. 397].

Говоря о самонаблюдении в общей психологии, мы уже отмечали сдвиг в использовании этого метода в сторону ретроспекции. Аналогичное отмечается и для области патологии. Здесь имеют значение не только сообщения больных об их состояниях в настоящий момент, но и о том, что было в прошлом. Если, как это обычно отмечается при шизофрении, память непосредственно не поражается болезненным процессом, эти сообщения могут быть вполне достоверными. Более того, даже при такой патологии, как эпилептический припадок, в памяти сохраняются воспоминания о прошлых состояниях за исключением только самого периода потери сознания. Как писал еще П.С. Ковалевский, «при этом больные вспоминают все особенности, пережитые прежде иллюзии, ошибки суждения или опасные попытки. Воспоминание возвращается не сразу, а постепенно» [30. С. 228].

Конечно, при исследовании психической патологии, в еще большей степени, чем при изучении нормы, данные самонаблюдения подлежат истолкованию. Очень уместно здесь привести слова П. Жане о том, что испытуемые при самонаблюдении нередко в своих отчетах сообщают не «сырой материал», а свою версию того, о чем их спрашивают. Поскольку подобные замечания всегда актуальны, о них помнят и современные психопатологи, использующие уже различные модифицированные формы самонаблюдения, например, опросники. Как известно, среди них в клинике особое распространение получил ММРІ, при применении которого, как отмечает П. Фресс, «психологи научились отличать явное содержание ответов от скрытого содержания и разработали системы интерпретации...» [113. С. 115].

Таким образом, мы можем констатировать весьма важный для всех наук о психике факт сложного и динамического соотношения, если не самого содержания понятий субъективного и объективного вообще (эта проблема рассматривается в гносеологии [40], то соотношения субъективных и объективных данных. Как писал А.А. Ухтомский, субъективные данные в конечном итоге так же, как и объективные, обусловлены какими-то изменениями в ЦНС, и «физиолог более чем кто-либо другой знает, что за всяким субъективным переживанием кроется физико-химическое событие в организме» [92. С. 141]. Конечно, эти слова нельзя понимать упрощенно как признание однозначного соответствия между субъективным и объективным (ибо наступившие психологические изме-

нения включаются в иные более сложные социальные системы значений, и поэтому имеющие место взаимоотношения с обуславливающими их материальными анатомо-физиологическими изменениями нервной ткани (многозначны); повторяя слова И.П. Павлова, эти соотношения можно сравнить с тем, как узор накладывается на канву.

Подводя итог сказанному о методе самонаблюдения и о развитии проблемы его оценки, можно сказать, что в психологии действительно существует тенденция рассматривать метод самонаблюдения как изолированный от других, более объективных методов, видя его начало в «Исповеди» Августина и подобных трудах, и связывая его теоретические обоснования с идеалистической философией. В этом есть определенная доля правды. Но если рассматривать этот метод в рамках общей динамики развития психологических методов, в частности, наблюдения, можно констатировать, что и он не стоит особняком. Общая тенденция эта – от семантически и субъективистски «отягощенных» данных – к данным десемантизированным, десубъективированным, имеющим уже формально-динамический характер. Показателен, в этом отношении, опять же ММРП, где ответы на многочисленные (в полном варианте их 556) вопросы сведены к самой элементарной альтернативной форме. После того, как произведена необходимая их группировка, эти данные приобретают диагностическое значение именно благодаря тому, что в них уже в значительной степени снята индивидуально обусловленная семантика каждого отдельного ответа.

Говоря о данных самонаблюдения уже не как о прямом и непосредственном выявляющемся сознании, а как об исходных данных для последующей интерпретации (вспомним сделанное самим З. Фрейдом признанием о том, он по несколько часов в день занимается самоанализом), мы также должны подчеркнуть, что и в таком своем качестве эти данные в реальном психологическом исследовании выступают не изолированно, а в комплексе с другими данными, добытыми с помощью иных методик, которые принято обозначать как более объективные. Все это с особой очевидностью и жесткой закономерностью проявляется в рамках клинического метода, к изложению сути которого мы переходим. Уместно закончить изложение материала опять же словами А.А. Ухтомского о том, что «так называемые» «субъективные» показатели столь же объективны, как и всякие другие для того, кто умеет их понимать и расшифровывать» [92].

2.6. Клинический метод

2.6.1. Уточнение некоторых терминов и определение понятия клинического метода

При современном состоянии наук о психике термин «клинический метод» нуждается в уточнении. Необходимо при этом также показать отношение «клинического метода» к близким понятиям, поскольку он выступает с ними в одном контексте.

Первое такое понятие – это «клиническая психология». В научной литературе оно используется неоднозначно. В некоторых случаях им обозначаются область исследования различных случаев психической патологии. Наряду с этим в современной литературе, особенно в американской, клинической психологией называется «приложение психологической теории и психологических методов к проблемам индивида» [184. С. 10], и соответственно определяется и сущность клинического метода. В рамках такого понимания клинической психологии наиболее употребимые методы – это оценочные интервью, проективные тесты и тесты на интеллект, на формирование и функционирование понятий, личностные опросники, оценки поведения и поведенческая терапия, индивидуальная, семейная и групповая терапия [258]. Такой подход представляется нам неоправданно широким и неопределенным, и лишь в анализе некоторых теоретических вопросов можно принять за исходное условное противопоставление исследования индивида – исследованию групп [254].

Второе, близкое к клиническому методу понятие, – клиническое направление в психологии и психиатрии. Клиническое – основное направление этих наук в нашей стране²⁶. Задача этого направления – максимально объединение психопатологии и общей патологии, построение психопатологии как составной части общей клинической медицины в противопоставлении тем направлениям зарубежной психопатологии, которые стремятся видеть в ней раздел теории личности. «Если США по праву называют второй родиной фрейдизма, то Советский Союз с полным основанием может считаться второй родиной традиционной клини-

²⁶ А.В. Снежневский говорит в этой связи о клинко-патогенетическом направлении, делая, таким образом, акцент на роль патогенеза, т.е. конкретных путей развития болезненного процесса. В общем контексте клинко-патогенетическое направление следует рассматривать как современный этап развития клинического направления. Мы для краткости применяем лишь первую часть термина, хотя имеем в виду современное состояние психопатологии.

ческой психиатрии. Синтез и дальнейшее развитие классической французской, немецкой, английской и русской психиатрии осуществляется именно советской психиатрией» [87. С. 163]. За понятием «клинического» стоит сложное содержание. Во-первых, это направление предполагает использование определенного соответствующего метода – клинического метода и обусловленной им системы клинических понятий. Во-вторых, клиническое направление предполагает интеграцию всех связанных с заболеванием данных. Сюда относятся, с одной стороны, результаты всякого рода дополнительных исследований – биохимических, физиологических, психологических экспериментов и других функциональных проб. В этой связи хочется привести слова выдающегося психиатра, одного из основоположников клинического направления К. Кальбаума о том, что «клиницист обязан искать опорные пункты везде, где он их может найти, безразлично, в области здоровой ли жизни, или больной» [192]. По нашему мнению, при этом следует подчеркнуть подчиненность всех этих данных основным закономерностям протекания самого заболевания, и в этом – одно из центральных положений клинического метода.

С другой стороны, клиническое направление и использование клинического метода не отрицает очень значительной роли социального фактора в появлении и развитии психической патологии. Даже Э. Крепелин, которого с полным основанием рассматривают как одного из основателей представителей современного клинического направления, в конце своего жизненного и творческого пути написал яркую работу о необходимости разработки социального аспекта психиатрии в виду той огромной роли, которую играют в развитии психической патологии такие факторы, как потеря индивидуумом связей с родной почвой, утрата связи с питавшими корнями [195]. Клиническое направление не отрицает и особых правовых аспектов психического заболевания, ни ситуационно-психологических моментов, межличностных, семейно-брачных, профессиональных, короче, роли взаимоотношения личности и ее окружения (по словам И.П. Павлова, «уравновешивания»), т.е. данных, которые, в конечном итоге, составляют совокупность того, что К. Бирнбаум называл патопластическими факторами [128]; эти факторы лежат в основе патоморфоза, т.е. определенных индивидуально обусловленных структур, образующихся вокруг главного и ведущего параметра – самого заболевания.

К сказанному следует, конечно, добавить, что и внутри клинического направления возможны как различные школы (очевидны различия на-

циональных школ психопатологии), так и противоречия. Последние касаются, главным образом, понимания роли нозологии в психиатрии: одни представители клинического направления видят в нозологии основной его принцип, другие – нет; даже такой выдающийся психолог как П. Жане отводил нозологии в своей теории весьма незначительную роль. Здесь исторически наиболее известный пример – различия в понимании нозологического принципа Э. Крепелиным и Э. Блейлером в отношении шизофренических расстройств психики.

Как определенное направление науки клиническое противостоит многочисленным распространенным за рубежом, особенно в американской психопатологии и психиатрии, направлениям – психоаналитическому, экзистенциальному и феноменологическому, социологическому, психологическому и т.д. Общим для всех их является стремление подменить поиск и анализ собственно патологии – рассмотрением структуры личности и различных девиантных форм этой структуры [71].

Исходя из содержания понятия клинического направления, для которого клинический метод есть хотя и важнейший, но лишь один из компонентов исследования, можно предварительно обозначить его как совокупность многих конкретных приемов и методов, направленных на обнаружение и анализ психической патологии. Но это пока лишь общее предварительное замечание, еще недостаточно определяющее сущность клинического метода как метода наук о психике. Поэтому, уточнив предварительно перечисленные понятия и термины, перейдем непосредственно к анализу клинического метода в науках о психике.

Название клинического метода идет от древнегреческого «kline» и означает «наблюдение у постели больного». Принимая во внимание то, что было сказано о наблюдении, о доминировании в научном наблюдении мыслительных компонентов (замысла, задачи наблюдения, селекции материала), мы можем сразу же определить суть клинического метода как наблюдения, обусловленного особой задачей – поиском и анализом патологии. Клинический метод отчетливо продолжает не только метод наблюдения, но и метод герменевтики, поскольку на любом этапе его применения необходима интерпретация. Он также включает в себя и элементы самонаблюдения, и биографического метода. Но и это определение должно быть далее уточнено, с одной стороны, в системе понятий, отражающих сущность объекта (психической патологии)²⁷, и с точки зрения самого процесса исследования – с другой.

²⁷ В дальнейшем будем в этом смысле использовать термин «объектных понятий».

Понятия клинического метода в медицине и клинического метода в психологии чрезвычайно близки, на практике почти совпадают. В контексте теоретического исследования можно отметить, что понятие клинического метода в психологии несколько уже, психологическое исследование выступает в клинике как часть исследования общемедицинского. Действительно, психологическое исследование ограничено не только тем, что опирается лишь на свои, психологические же методики, но и тем, что отправной точкой для него является не любая патология, а нарушение имеющего место в норме равновесия между «я» и «окружением», между личностью и реальной действительностью. С психологических позиций мы вправе выделить такую функцию, изменение которой было бы общим для всех видов патологии, будь то соматическая или психическая, опираясь на которую мы могли бы судить о – применяя термин И.П. Павлова – уравновешенности личности с окружающей средой. По-видимому, это функция регуляции, нарушение которой в конечном итоге и есть, по К. Марксу «стеснение жизни» [39]. Безусловно, функция регуляции многообразна. Она, начинающаяся на уровне обеспечения внутренней стабильности и целостности организма, простирается вплоть до поведенческого уровня. Регуляции исключительно важны для понимания психической нормы, психической патологии, их соотношения, но при этом роль того или иного конкретного механизма определяется всей в филогенезе и онтогенезе сложившейся их системой. Как писал Л.А. Орбели, «В процессе эволюции животного мира и человека старые механизмы физиологической регуляции не исчезают бесследно, а лишь подавляются новыми. В патологии, при повреждении филогенетически поздних, молодых функций, эти старые механизмы начинают оживляться и использоваться в качестве защиты, компенсации, а также в качестве симптомов болезни» [41. С. 30–31].

2.6.2. Логика клинического метода

В ходе применения клинического метода использование понятий, полностью обусловленных особенностью объекта, – это хотя и главный, но лишь один аспект этого метода. Второй – это система понятий, отражающих самую специфику клинического исследования. Для нас особенно важно отметить, что обе системы понятий совместно определяют результаты применения клинического метода в каждом конкретном случае. Соответствие обеих систем понятий проявляется, прежде всего, в том,

что особенностям обследуемого больного соответствует определенная общеклиническая оценка (психопатологическая симптоматика); как пишет А.В. Снежневский, симптом принимает свое знаковое бытие, начинает означать что-либо лишь в сочетании с другими симптомами, только в составе синдрома [86]. Но это соответствие динамично. Так, оценка показателя замедленности может быть разной в случае органического поражения (при отсутствии других патологических симптомов) и в случае сочетания с повышенной конкретностью и при наличии других признаков патологии. Эта особенность объекта клинического познания определяет и специфику процесса применения клинического метода. Рассмотрим этот процесс более подробно.

Всякое научное познание есть, прежде всего, познание причинно-следственных отношений. Установление причинно-следственных зависимостей стоит в центре и клинического метода. Говоря об этиологии заболевания, В.Х. Василенко указывает на имеющие место сложные зависимости, различные варианты: заболевания, которые полиэтиологичны, но монопатогенетичны (некоторые неврозы, аллергические болезни); заболевания – последствия воздействия моноэтиологического фактора (лучевая болезнь, последствия психотравмы); наконец, существуют болезни, этиология которых вообще неизвестна [11]. Как подчеркивает И.В. Давыдовский, сложность, разветвленность патогенетических механизмов, их корреляций является важнейшей предпосылкой исключительного разнообразия наблюдаемых болезненных форм [16].

При анализе причинно-следственных отношений нужно принимать во внимание два диаметрально направленных фактора. С одной стороны, одна и та же этиология в зависимости от различного протекания патогенетического процесса имеет своим результатом различные нозологические формы (отрицание, по И.В. Давыдовскому, линейного понимания принципа каузальности). С другой – разные причины могут приводить к одним и тем же результатам (в его же терминологии «эквивифинальность»), что представляет собой действие защитно-приспособительных механизмов, причем реакция организма протекает по путям, проложенным в ходе филогенеза. Неоднозначность причины и следствий отчетливо и в значительно большей степени, чем в области соматики, проявляется в психопатологии. Так, К. Бирнбаум [128] указывал, что клинические проявления психического расстройства обусловлены помимо главной патогенетической причины еще и многими врожденными и приобретенными свойствами индивида, а также постоянными и преходящими влияниями, иначе говоря, в широком

смысле большим числом «патопластических» факторов (К. Бирнбаум впервые ввел в этой связи понятие «структуры психоза»).

Действительно, при одной и той же этиологии сифилитической инфекции возникают различные нозологические формы (сифилитические психозы, прогрессивный паралич, гумма головного мозга); аналогично одна и та же этиология – алкогольная интоксикация – имеет следствием такие клинически различные нозологические формы, как бред ревности, алкогольный галлюциноз, корсаковский синдром и т.д. Что же касается эквивалентности, то в психопатологии давно обсуждается теория «экзогенного типа реакции» Е. Бонгеффера, согласно которой различные внешние этиологические факторы (инфекции, интоксикации и т.п.), несмотря на свои качественные различия, имеют своим результатом ограниченное число психопатологических синдромов. Наряду с этим и Э. Крепелин [194] писал, что понимание формы проявления психических расстройств как сложившихся в онтогенезе и филогенезе механизмов в какой-то мере объясняет то в клиническом отношении первостепенной важности обстоятельство, что одно и то же заболевание может манифестироваться разными симптомами, а разные заболевания – одними и теми же или, во всяком случае, близкими симптомами. Например, опытным психиатрам известно, что даже такие симптомы, которые обычно рассматриваются как патогномичные для шизофрении, например, сенестопатии или «вычурность», могут встречаться и при органических поражениях (например, «псевдовычурность» эпилептиков).

Отсюда и знаменитая аналогия Крепелина: подобно действию регистров органа, в зависимости от силы и распространенности болезненного процесса психопатологическая симптоматика имеет собственное «звучание» независимо от имманентной природы самого процесса. Отсутствие однозначной связи между симптомами и нозологической принадлежностью – это основной источник диагностических ошибок, даже у опытных клиницистов. Так поэтому, например, органическое заболевание головного мозга у известного композитора Джоржа Гершвина было первоначально диагностировано как невроз.

Все, что было сказано до сих пор о специфике установления причинно-следственных отношений в рамках клинического метода, не касалось еще самого процесса клинического познания; это была принципиальная схема тех возможных изменений, которыми характеризуется объект исследования. В уяснении же особенностей самого процесса клинического познания следует исходить, прежде всего, из того, что врач или психолог

идет не только от следствия к причине, но и от явления к сущности (диагноз – это и есть установление сущности расстройства, А.В. Снежневский). Но начало его всегда то, что проявляется вовне, симптоматика болезни, ее чувственно манифестируемый результат; переход к все более «внутренним», «сущностным» характеристикам расстройства идет через множество промежуточных этапов, которые еще не подвергались сколько-нибудь полному изучению. Но общий путь известен – от результата к причине.

Эта общая закономерность клинического познания реализуется в самом психопатологическом исследовании как последовательный переход с уровня непосредственно воспринимаемого, описательного, феноменологического – к уровням, выявляющим более фундаментальные биологические закономерности. Нередко этот ряд очень быстро обрывается. Иначе говоря, еще неизвестна сущность очень многих видов психических расстройств, но раскрытие ее – вопрос времени. Пока идет приближение к истинному объяснению, мы вправе рассматривать каждый переход на следующий уровень как предварительное объяснение.

При восприятии и оценке того, что есть внешнее проявление расстройства, его «психиатрических критериев болезненного состояния» (А.В. Снежневский), применение клинического метода направлено на познание более глубоких закономерностей, лежащих в основе этого расстройства. В данной связи на первый план выступают такие фундаментальные понятия, определяющие использование клинического метода, как симптом, синдром, нозологическая форма. Симптомы – это выступающие вовне и фиксируемые исследователем (врачом) признаки, на основе которых судят о характере болезненного процесса. Синдром – это закономерная связь симптомов. Нозологическая форма – совокупность выявляемых в клиническом исследовании особенностей настоящего состояния (статуса) и динамики (течения) болезненного процесса, включая прогноз, позволяющая соотнести данный случай с принятой в науке классификацией болезней (диагнозов – в узком значении термина). В.Х. Василенко справедливо видит в симптомах, синдромах и нозологических формах три последовательных ступени клинического познания [11]. В дополнение к этому надо подчеркнуть снижение неопределенности по мере движения от отдельных синдромов к нозологии.

Однако при анализе специфических особенностей клинического метода необходимо не ограничиться приведенными определениями, но остановиться на содержании этих понятий более подробно. Симптом –

представляет собой суммарный результат большего или меньшего числа «стоящих за ним» факторов. Это – и сам болезненный процесс, и особенности патогенеза, и личностная реакция на болезнь (стеническая и астеническая, в направлении компенсации или, наоборот, декомпенсации), это – результат проявления патопластических факторов. Симптом – это уже результат большей или меньшей степени абстрагирования, при котором психопатолог должен, по словам А.Н. Бернштейна, различать в психическом расстройстве «содержание» (запас знания, представлений, эмоций, интересов индивида) и формы – «те закономерные последовательности в порядке взаимоотношения, течения и чередования психических процессов, которые определяют положение, направление и завершение промежуточных и конечных продукций психического функционирования...», причем именно «формы» есть основной объект психологического и психопатологического исследования [6].

Далее к числу особенностей симптома как формы клинического познания относится то, что он, как правило, не существует самостоятельно. Обычно он встречается в более или менее закономерных сочетаниях с другими симптомами, составляя интегральную часть более сложного образования – синдрома. «Характерной чертой синдрома является то, что он может быть следствием влияния на организм различных патогенных причин, т.е. организм реагирует на различные вредности, отвечает ограниченным числом общих типовых реакций... Один и тот же синдром может наблюдаться при разных заболеваниях, и одно и то же заболевание может проявиться различными синдромами...» [11. С. 189].

Понятие синдрома чрезвычайно важно для психопатологии, ибо первое умозаключение, которое делается в ходе психопатологического исследования – это о наличии того или иного синдрома. В этой связи Л.В. Снежневский пишет, что понятия синдрома и статуса совпадают. Синдром – основная оперативная единица в мышлении психопатолога, звено, соединяющее два необходимых для формирования суждения о сущности болезни – симптомов и нозологических форм. Понятие синдрома диалектично: синдром – это и срез, т.е. на данном этапе процесса исследования нечто стабильное, с другой стороны, синдром динамичен «это этап развития болезни или звено цепной патогенетической, вернее патокинетической реакции, звено, которое господствует в данный момент... Каждый синдром является звеном цепной реакции, как ее называет Давыдовский (французы раньше говорили о саморазвитии синдрома), имея в виду, что каждый синдром не статичен, а развивается, переходит в другой» [87. С. 154].

Как следовало из изложенной выше концепции Э. Крепелина о регистрах, мы с большой осторожностью должны подходить к возможности объяснять те или иные синдромы как проявление патологического процесса, несколько они представляют собой лишь общие, многими факторами обусловленные комплексы симптомов; это обобщение тех реакций, которыми организм человека отвечает на различные травмирующие воздействия. И, тем не менее, объяснительная ценность этих внешних проявлений не сводится полностью на нет, но становится лишь более сложной и опосредованной: если их особенности определяются сложившимися внутренними структурами и не являются решающими критериями в отношении причин болезни, их различия все же должны быть обусловлены до определенной степени характером болезни, самим патологическим процессом и степенью его распространения.

Понятие нозологической формы есть следующая диалектическая ступень от явления к сущности, от конкретного к более абстрактному, поскольку нозология более абстрактна, чем синдром. В то же время это есть и движение в сторону более конкретного, поскольку она связана с установлением места данного заболевания в общей их классификации. Вместе с тем для уровня нозологической формы характерны новые качества, обусловленные спецификой применения именно клинического метода. Здесь концентрируются все практические заключения и выводы, диагноз и прогноз, на этой основе составляется план терапевтического воздействия. Говоря об отнесении расстройства к той или иной нозологической форме (т.е. о диагностике в узком, специально-медицинском значении термина), следует иметь в виду наибольшую по сравнению с квалификацией симптомов или синдромов лабильность нозологической структуры в зависимости от понимания ее тем или иным исследователем. Разные школы и направления по-разному интерпретируют ту или иную нозологию, сужая или, наоборот, расширяя ее содержание [68]. Так, в свое время Ж. Шарко и его последователи явно преувеличивали – с точки зрения результатов более поздних исследователей – роль психогений и психологических механизмов, и, как следствие, они расширенно трактовали истерию. З. Фрейд также, с одной стороны, расширял понятие неврозов, но, с другой – очень сужал, поскольку в поле зрения оказывались лишь те, которые обусловлены «ранней сексуальной травмой» – по меткому выражению Р. Вельдера – «невротической элитой». С 1920–1930 гг. не утихают споры о т.н. «мягкой шизофрении» и ее месте в классификационной схеме эндогенных психозов и т.д.

Сложность соотношений между симптомами, синдромами и нозологическими формами постоянно привлекает к себе внимание психопатологов, особенно тех, кто работает над проблемами шизофрении. Отметим в этой связи стремление к большей дифференциации симптомов: Э. Блейлер – симптомы первичные, т.е. выражение самого болезненного процесса, и вторичные – личностная реакция на патологический процесс, И. Берце – первичные симптомы – это психологически далее не редуцируемые; Г. Груле среди первичных симптомов шизофрении называет: обманы чувств, нарушение переживания «я», импульсивные действия, нарушения мышления и речи, бред.

В немецкой психиатрии широкое распространение имеет концепция Курта Шнейдера [240] о симптомах первого и второго рангов при шизофрении (в смысле наибольшей вероятности и указания на диагноз). С его точки зрения, симптомы первого ранга это – звучание мыслей, «голоса» – императивные, комментирующие, чувство телесного воздействия, симптомы «отнятия мыслей» и воздействия на мысли, чувства, волю, изменение восприятия под влиянием бредового переживания (*Wahnwahrnehmung*); симптомы второго ранга (которых иногда все же бывает достаточно для диагноза шизофрении) – это другие виды обманов чувств – изменений сенсорно-перцептивной сферы, бредовое озарение (*Wahneinfall*), растерянность, чаще депрессивные, реже позитивные изменения настроения, чувства эмоционального обеднения и многие другие.

Следует думать, что роль идеи рангов симптомов повышается, если рассматривать их в более широком контексте, в частности, при сопоставлении с более тяжелой, органического типа патологией (А.В. Снежневский). Независимо от того, соглашаться ли с этими авторами в отношении их трактовки шизофренической симптоматики, самая идея углубления процесса интерпретации и дифференциации симптомов есть? Несомненно? неотъемлемая часть самого клинического метода, наглядное выражение его логики.

Несмотря на все эти спорные моменты, порождаемые спецификой клинического метода, и попытки, как это имеет место у представителей антиклинических направлений, поставить под сомнение самое его существо, общий принцип клинического познания остается незабываемым. Симптомы, синдромы, нозологические формы – это инварианты в сложной динамической картине протекания болезненного процесса. Но, как и любого инварианта, их неизменность весьма относительна, хотя диапазон и скорость их изменений меньше и подчиняются они закономерностям

более высокого порядка по сравнению с теми, которые управляют остальными звеньями патогенеза.

Опирируя понятиями симптома, синдрома, нозологической формы, клиницисты имеют в виду исторически изменчивый характер их содержания. Сделанный на каждом этапе развития медицины поперечный срез выявляет пеструю картину болезней, определяемых на различных основаниях – этиологическом, патогенетическом, гистопатологическом, бактериологическом, генетическом и т.д. (и современный период в этом отношении не исключение). Невозможность единого логического основания затрудняет и общее определение болезни. Продольный срез показывает, что эти основания меняются, и то, что на одном отрезке времени считается болезнью, может на другом рассматриваться в качестве симптома или синдрома. Смена этих представлений в значительной мере зависит от введения новых научных исследовательских приемов, совокупность которых в данном контексте есть, в конечном итоге, развитие самого клинического метода. Как подчеркивают многие исследователи, эта обусловленность системы понятий медицины, ее номенклатуры, классификационных схем со стороны развитого клинического метода все более усиливается.

Однако, как бы ни менялось содержание конкретных понятий на каждой следующей стадии развития медицинской науки, между ними всегда имеется внутренняя связь, и наличие этой связи подчеркивается сильнее всего в рамках клинического или клинико-патогенетического подхода. Попытаемся представить эту связь наглядно. Этиология – начальный пункт развития патологического процесса, который представлен зоной патогенеза. Вокруг зоны патогенеза располагается зона его внешних проявлений – симптомов. Общая конфигурация этих зон сравнима с вытянутым в горизонтальной плоскости ромбом, у которого участок короткой диагонали (высоты) соответствует тем формам проявления общей (или психической) патологии, где специфичность и полиморфизм симптоматики наибольшие; для психопатологии это, по-видимому, область шизофренических расстройств психики. Участки предшествующие и последующие характеризуются специфичностью, для них область патогенеза и зона симптомов уже (например, изменения психики при грубоорганических нарушениях).

Усложнение симптоматики есть вместе с тем и какое-то «расширение зоны патогенеза», поскольку, применяя клинический метод, исследователь судит о патологии на основании все более отдаленных и опосредо-

ванных признаков. Как указывал И.В. Давыдовский, специфичность заболевания уменьшается по мере его прогрессивности, и это можно наглядно представить себе как «сужение зоны патогенеза». Идеи эти были в психопатологии высказаны даже раньше, чем в общей медицине (Ж. Гислен, затем Г. Шюле). Конечно, понятие такого «расширения» или «сужения» следует еще уточнять в плане того, что в нем действительно связано с патологическим процессом, а что есть результат взаимодействия, иначе говоря, не прямо вытекает из патологии, но для исследователя имеет определенную диагностическую и прогностическую ценность.

Однако общий принцип здесь ясен. Поскольку «болезнь заключается в совокупности повреждения и определенных реакций организма, то понятно, что видимые проявления болезни – симптомы не составляют еще болезни, и что есть еще скрытые, ускользающие от наблюдения процессы, которые мы должны распознать на основании явных симптомов. Но, с другой стороны, следует подчеркнуть, что симптом болезни не есть нечто только внешнее или чуждое определенному заболеванию, а составляет его проявление, неотделимое от сущности патологического процесса» [11. С. 178].

Несомненно, что использование наглядной схемы существа симптомов как исходных пунктов познания при применении клинического метода требует определенных пояснений в плане того, какой смысл стоит за понятием их «отстояния» от патогенетического существа расстройства. Если симптом есть непосредственное проявление самого патологического процесса, то на наглядной схеме он должен быть «ближе» к зоне патогенеза, и наоборот, чем он в большей степени опосредован промежуточными звеньями, результатами различных взаимодействий, тем «дальше от зоны патогенеза» должен он располагаться на наглядной схеме.

Конечно, следует иметь в виду, что предлагаемая нами схема представляет собой попытку пространственно-наглядного отображения того, что по своей природе вовсе таковым не является. Несомненно, что за любой схемой взаимоотношений патогенных факторов и их внешних проявлений стоит сложное и многогранное реальное содержание каждого конкретного расстройства. Собственно пространственные аналогии были бы здесь и значительным упрощением.

Второе возражение – в плане «материализации» этих представлений. Простейший ход рассуждения от соматических и неврологических симптомов – к психиатрическим входит в противоречие со специфическими совокупностями признаков, характерных для каждого отдельного заболе-

вания. Такую последовательность удастся построить лишь для соматогенных или достаточно выраженных органических расстройств психики, при эндогенных же психозах, представляющих основную проблему, как практики, так и теории психиатрии, соматические и неврологические симптомы, как правило, отсутствуют. Поэтому более правильно будет говорить о специфической, для каждой нозологии соотносимой с патогенезом, структуре синдромов и симптомов.

Третье возражение против такого рода схемы может быть более принципиального характера. Симптомы качественно различны, а на схеме они сводятся на одну плоскость. Здесь следует отметить, что речь все же идет о клиническом методе в психологии, и хотя он очень близок клиническому методу в медицине, сосуществует с ним, но все же с ним не совпадает. Как было подчеркнуто в начале этой главы о клиническом методе, клинический метод в психологии исходит из изучения нарушенной регуляции взаимоотношения больного и окружающего его мира; это выражается в нарушениях поведения и в изменении протекания стоящих за этим психических процессов. Поэтому мы вправе создать такого рода наглядную схему, в которой соотношения переменных представлены в одной плоскости; при этом также имеется в виду, что представляемая такой схемой первичная информация о нарушении регуляции и поведения обязательно подлежит более подробной интерпретации.

Конечно, сущность клинического метода в узком значении термина – как метода психологического исследования внутри более широкого общемедицинского метода определяется не отдельными вспомогательными схемами, но особенностями используемой при этом системы понятий. Последняя, по нашему мнению, определяется изменениями уровневой структуры целей и средств, которая в норме порождается деятельностью (акциональные структуры), а в случаях патологии претерпевает определенные изменения, обусловленные конкретной ее природой.

2.7. Метод эксперимента

2.7.1. Некоторые предварительные замечания к методу эксперимента

Нет никакого сомнения, что в XX столетии, в этот период развития психологии экспериментальное исследование стало ведущим и наиболее широко распространенным. Такое мнение, которое не разделяет, пожалуй, лишь феноменологическое направление – К. Ясперс, Э. Штра-

ус и другие, подтверждается широким диапазоном применяемых конкретных методик и используемых в них технических средств, сформировалось в конце прошлого века и в течение всех последующих лет постепенно превращалось в прописную истину. Это обстоятельство связано с такой характеристикой эксперимента, как его чрезвычайная дифференцированность, изменяющаяся вместе с изменением области приложения и задачей исследования. Тот факт, что эксперимент оказался столь гибким и способным к трансформациям, и то, что его можно использовать для проверки гипотез почти во всех областях психологии, безусловно, явилось важнейшим стимулом дальнейшего прогресса психологии. Некоторые даже полагают, что благодаря развитию эксперимента «эмпирические изыскания по установлению обоснованности гипотез, доминируют в сегодняшней науке в противовес систематизирующим конструкциям и книжным обобщениям [193. С. 9]. Хотя со сказанным трудно согласиться, доля правды в нем есть; кроме того, они есть дополнительное напоминание о том, что самый факт широкого распространения психологического эксперимента еще очень мало, что объясняет. Поэтому необходим еще хотя бы краткий, но специально направленный анализ.

Широкому кругу вопросов, связанных с дифференциацией и развитием различных видов психологического эксперимента, посвящены многие руководства. Разработаны многочисленные виды планирования эксперимента, включая сюда и приемы упорядочения, обработки и обобщения получаемых при этом данных – все сказанное специфицировано в зависимости от того, кто является испытуемым, сколько их, что еще важнее, сколько групп испытуемых, какие это группы, какие задачи стоят перед исследованием.

Главным и определяющим для установления вида эксперимента являются характеристики участвующих в исследовании переменных (их качественные особенности, число) и наряду с доэкспериментально устанавливаемыми их соотношениями, как между собой, так и в сопоставлении с внешними критериями. Усиливающаяся со временем дифференциация психологического исследования имеет следствием разработку и все более сложных и специализированных экспериментальных планов на самых различных основаниях (для одного испытуемого и для группы, для одной группы и для многих групп, для рандомизированных и для ранжированных групп, для непосредственного и отсроченного контроля, факторное планирование и планирование для повторяющихся измерений и т.д.).

Нельзя исключить и того обстоятельства, что развитие эксперимента иногда идет и за счет других методов познания в науках о психике. Большинство руководств по методологии эксперимента [100, 143, 184, 189] стремится отразить все эти практически важные частные моменты; исходя из задач нашей работы, оказалось целесообразным излагать проблемы эксперимента в двух разделах (наиболее общие его принципы – то, что составляет область методологии, были кратко изложены в части 1. Но, учитывая ее ограниченный объем, невозможно сколько-нибудь подробно остановиться на всех возможных трансформациях эксперимента. Поэтому мы продолжим рассмотрение лишь некоторых вопросов о самом существе психологического эксперимента как метода; по сравнению с материалом части первой, здесь приводятся данные еще более частного характера.

В современных руководствах по экспериментальной психологии обычно дается развернутый перечень признаков, характеризующих эксперимент в отличие его от других методов познания. Это такие его свойства как контролируемость, т.е. возможность произвольно и согласно намеченному плану изменять те условия, которые определяют собой вариации зависимой переменной, использование нескольких независимых переменных и возможность дозированно изменять их величину или интенсивность, возможность устранения «шумов», объективность получаемых данных, фиксация результатов как часть самой экспериментальной методики, возможность повторения и т.д. По существу эти перечисляемые в руководствах по психологии признаки эксперимента ничем не отличаются от общенаучного понимания эксперимента как метода познания. Сопоставляя эксперимент с другими методами психологии, мы не только видим в нем более совершенный инструмент познания, но и то, что в нем адсорбируются предшествующие – как хронологически, так и в системном плане – методы этой науки. Непосредственно в самом эксперименте они реализуются как его уже определенные структурные компоненты или этапы. Обычно справедливо подчеркивается, что по сравнению с ними эксперимент это не только более жесткая последовательность этапов, но и наиболее полная их последовательность (как мы уже подчеркивали, при других методах отдельные этапы исследования редуцируются в большей или меньшей степени). Специально и более подробно этот вопрос рассматривался в нашей предыдущей работе [67]. В общем плане мы не можем, однако, ограничиться этим перечнем, но должны со всей настоятельностью подчеркнуть еще раз те причины развития и распространения эксперимента в психологии, которые

непосредственно граничат с методологическими вопросами, а вместе с тем и основные семантико-логические особенности эксперимента. Безусловно, главной причиной развития психологического эксперимента является то, что доэкспериментальные методы исследования оказываются либо не в состоянии раскрыть каузальные (причинно-следственные) связи в области психики, либо они могут выявить их лишь в малой степени и логически недостаточно обосновано.

Отсюда и специфические семантико-логические особенности эксперимента как метода исследования психики. В эксперименте, по меньшей мере, одна переменная, которой манипулирует (или, можно сказать по-иному, которую контролирует) экспериментатор. Благодаря этому он оказывается в состоянии уменьшить число возможных альтернатив в объяснении изучаемого явления, а также в какой-то мере уменьшить феномен «смешения» (если оно имеет место).

Далее, поскольку в ходе своего развития экспериментальное исследование приобрело характер системы, то на этом этапе закономерно поставить вопрос о генезисе сложных форм современного эксперимента не только в плоскости исторической обусловленности, но и в плане системно предшествующих им семантико-логических форм исследования. Анализ источников показывает вполне ясно, что такой предшествующей собственно эксперименту формой является корреляционное исследование. Под этим имеется в виду, что исследователь стремится измерить отношения между двумя или более явлениями (событиями, феноменами, фактами). Например, устанавливаются корреляции между IQ монозиготных близнецов или их оценками при обучении и определенными чертами характера. В подобных случаях роль гипотезы минимальна, исследователь ничем не «манипулирует», и поэтому такого рода исследование современная методология стремится по возможности четко отделить от собственно эксперимента.

Далее, для корреляционного исследования характерен еще ряд особенностей, отличающих его от собственно эксперимента. Сюда относится индифферентность в отношении причинно-следственных связей и временной последовательности. Неважно, какие характеристики измеряются сначала, какие потом (в четком отличии от эксперимента, где обязательно сначала измеряется независимая переменная – НП, затем зависимая переменная – ЗП). Корреляционное исследование не раскрывает причинно-следственных связей, но как бы наводит на них. В эксперименте по сравнению с корреляционным исследованием более четко определены

переменные. В эксперименте независимая, манипулируемая переменная, она же – обычно переменная наиболее знакомая, лучше наблюдаемая, чем другие, остающиеся вне эксперимента переменные.

Если корреляционные связи достаточно сильные, это обстоятельство может быть использовано для прогнозирования, на чем строятся, например, тесты профессиональной пригодности. Несмотря на то, что такие тесты в большей или меньшей степени эффективны, они не раскрывают нам, какая из переменных обуславливает хорошее или, наоборот, плохое выполнение задания.

Другой пример – ограниченная корреляция между IQ и успехами в обучении. Здесь вполне можно думать о том, что на результаты обучения помимо гипотетических особенностей влияют и другие факторы типа эмоциональных, волевых, умение владеть собой и т.д.

Различиям смысловых структур экспериментального и корреляционного исследований соответствуют и различия в статистическом анализе их данных. При корреляционном исследовании его единицами служат пары переменных (x , y), и соответствующая математическая величина (в частности, коэффициент корреляции Пирсона) указывает на имеющуюся силу связи между ними. В отличие от этого, в собственно эксперименте устанавливаются уровни независимой переменной (x), и в ходе включенного в экспериментальное исследование наблюдения фиксируются уровни зависимой переменной (y). В этом случае – а это есть оценка в плане регрессионного анализа – определяется вероятность того, что при сопоставлении в случайном порядке уровней переменной (x) с каждой единицей исследования можно найти соответствие, на основе которого, исходя из величины (x), можно прогнозировать величину (y) [169. С. 2].

Все сказанное ни в коей мере не умаляет значения корреляционных исследований. Наоборот, их значение в психологии очень велико, т.к. есть области – клиническая, педагогическая или индустриальная психология, где возможности «строного», лабораторного типа эксперимента весьма ограничены. Именно здесь находят наиболее широкое применение вопросники, тесты и т.д. дающие выход в сторону корреляций, но не строгого установления причинно-следственных отношений. Но вместе с тем корреляционные исследования порождают гипотезы, которые затем проверяются экспериментальным путем.

Безусловно, корреляционное исследование в данном контексте надо понимать широко, т.е. необязательно должна иметь место четко установленная связь, необязательно эта связь должна принять математическую

форму; эксперимент может и на практике реально служить уточнению тех жизненных наблюдений, которые свидетельствуют о наличии определенных зависимостей.

2.7.2. С какими целями проводят эксперимент

Изложенное выше уже, в какой-то степени, объясняет не только семантико-логическую структуру эксперимента, но и намечает те области исследования, где он используется; впрочем, обе эти стороны логически взаимосвязаны. Сказанное, однако, целесообразно дополнить указаниями на то, как эти логические связи реализуются в практике исследования. Эти дополнения удобно представить в виде отдельных пунктов.

1. Эксперимент в науках о психике проводится в первую очередь для того, чтобы установить характер зависимости между двумя переменными. При этом исследователь либо берет, намечает пока еще неизвестные ему переменные, либо эти переменные ему известны, в частности одной из них могут быть какие-то внешние для испытуемого условия.

2. Эксперимент проводится с целью расширить границы исследования какой-то одной переменной. Нередко исследования в психологии проводятся в очень ограниченных условиях. Так, стрессовые условия могут сравниваться с нестрессовыми; введение какого-то фармакологического вещества сравнивается с отсутствием такого воздействия; порог, установленный для белого света, может быть иным для красного или какого-то иного; возможности переноса навыка на одном уровне тренированности сравниваются с возможностями переноса навыка на другом уровне тренированности и т.д. Нередко в подобных случаях негативные результаты знаменуют собой тот факт, что интенсивность независимой переменной недостаточна для того, чтобы произвести искомый эффект. Если предъявить большую степень стресса, усилить дозу фармакологического вещества усилить тренировки путем дополнительных упражнений, то это может дать желаемый эффект. Не исключено, что последний доступен в некоторых случаях прогнозированию, в некоторых же окажется неожиданным. Кроме того, именно в такого типа исследованиях, где ставится цель расширить рамки изучения какой-то одной в том или ином отношении важной переменной, исследователь нередко сталкивается с так называемыми эффектами «пола» и «потолка»: это случаи когда изменения в зависимой переменной достигают своего возможного высшего или низшего уровня, и дальнейшие изменения независимой переменной уже не

оказывают своего влияния. Хорошо известно, что закон Вебера – Фехнера действителен в некотором среднем диапазоне интенсивности раздражителя, но оказывается недействительным при очень больших или очень малых интенсивностях. Вполне можно рассматривать этот факт как частный случай эффектов «пола» и «потолка».

История науки свидетельствует, что на пути расширения рамок изучения той или иной переменной действительно обнаруживались ранее неизвестные факты. Было обнаружено, например, что большая степень стресса препятствует научению, малая степень – способствует. Был обнаружен эффект «реминисценции», т.е. случаи, когда непосредственно после заучивания улучшения знаний и умений не отмечалось, но это ясно обнаруживалось через какой-то промежуток времени; через большие промежутки времени воспроизведение снова ухудшалось. Измеряя пороги для различных цветов, обнаружили, что человеческий глаз наиболее чувствителен к зеленому цвету и минимально – к красному. Все это, как и множество других открытий – результат выхода исследования за рамки того, каковы были те первоначальные условия, в которых тот или иной феномен наблюдался.

3. Помимо расширения границ исследования какой-то переменной эксперимент может проводиться и в целях распространить уже имеющиеся данные на новый контингент испытуемых, т.е. с целью повысить внешнюю валидность. Так, известная методика социометрии, автор которой Морено, применялась к различным категориям испытуемых. В своих работах мы применили ее сначала к психически больным детям в психиатрическом стационаре [58, 59]. Позднее эта же методика была распространена на сравнительное изучение психики психически и соматически больных детей, в которой удалось показать роль половых различий в формировании и функционировании межличностных отношений, были выявлены два типа лидеров в коллективах девочек [45].

4. Расширяют исследование не только на другие контингента испытуемых, но и на иные типы задач, а также проверку самих экспериментальных методик. Так, нами была разработана методика, условно названная «30 карточек». Ее первоначальное применение – для установления особенностей обобщения, формирования понятий [60], а затем эта методика была применена для экспериментального анализа познавательных стилей [89]. Путем модификации этой же методики Ю.В. Рогов провел исследования влияния познавательного стиля как индивидуальной особенности на процесс диагностики [47], а О. Царева начала работу по установлению психо-

логических особенностей понимания путем введения дополнительных кодовых обозначений. В.М. Казанская, изменив порядок расположения элементов экспозиции, изучала вопрос о «психологических барьерах» [26].

Проводя такого рода исследования по расширению задач и континентов испытуемых при использовании в принципе одной и той же, но с различными модификациями методики, можно сказать, что такого рода эксперименты фактически выполняют двойную роль: они служат экспериментальному изучению той или иной области психологии (т.е. углубляют наше предметное знание), а вместе с тем они направлены на усовершенствование самого исследования, поскольку они показывают влияние на результаты вариативных условий и тем самым углубляют наши методологические знания и открывают перспективы дальнейшего усовершенствования методик.

5. Еще одно обстоятельство, наталкивающее на выполнение эксперимента – стремление усилить надежность полученных данных. В этом случае обычно имеет место повторение ранее выполненных экспериментов. В естественных науках, особенно физике, химии, это обычная практика, а также обычно она не влечет за собой никаких внутренних конфликтов. Повторяемость – одна из важнейших объективных характеристик экспериментального исследования. В психологии, однако, очень часты случаи, когда повторение эксперимента приводит к иным результатам, что влечет за собой разочарование, раздражение и споры. Причина тому – очень высокая чувствительность психики как предмета исследования к различного рода посторонним, вклинивающимся переменным²⁸. В психологии гораздо труднее, чем в физике или химии, учесть все переменные, возможность влияния которых нельзя предвидеть заранее.

6. Следующая причина проводить эксперимент – это внести изменения в психологическую теорию. Множество такого рода экспериментов было проведено в плане теорий условных рефлексов, научения, гештальт-теории, психоанализа и т.д.

Нельзя представлять себе дело так, что новая теория «изобретается», а потом проводятся эксперименты с целью доказать ее преимущества перед старой. Обычно ученые замечают определенные расхождения между старой теорией и наблюдаемой реальностью, и уже на этой – нередко еще недостаточно четко формулируемой стадии – в исследованиях начинают

²⁸ Примером может быть исследование психической ригидности, где эксперимент представляет собой игровую ситуацию с «ловушкой», фактически исключающую возможность повторения [20, 21].

использовать эксперимент. В психологии очень яркий пример тому – это учение об образе, которое доминировало во всем направлении английского эмпиризма (XVII–XIX вв.), а затем перешло и в экспериментальную психологию XX в. Согласно взглядам представителей эмпиризма, образы восприятий и представления – это неизменные результаты психической деятельности, накопление и взаимные связи которых с помощью ассоциаций ведут к появлению сложных составных понятий. Экспериментальные исследования, проведенные в первой половине нашего столетия (основную роль сыграли здесь работы Ф. Бартлетта), показали динамичность представлений и, следовательно, ложность этой точки зрения и необходимость разработки новой теории.

В современной психологии один из наиболее известных случаев применения эксперимента для доказательства новой теории – это для теории обнаружения сигнала, автором которой является Д. Свете [247] и которая входит в более широкую область психофизики. Очень кратко суть этой теории такова. Основатель психофизики во второй половине XIX в. Г.Т. Фехнер рассматривал пороги как меру чувствительности. С точки зрения психофизиков XX в. в понятие порога объединяются, можно сказать «смешаны», два принципиально различных объекта: 1) чувствительность и 2) отношение – в смысле того критерия ответа, на который ориентируется (сознательно или бессознательно, здесь это не столь важно, это другой вопрос) испытуемый. Для «разведения» этих двух объектов исследования используется следующий методологический прием: испытуемому говорят, что будет предъявлен раздражитель (напомним, что дело идет о раздражителях на пороговом уровне), а фактически раздражитель не предъявляется. Это называется «ловушкой». Возникает четыре возможности:

- сигнал подан – есть ответная реакция;
- сигнал подан – ответной реакции нет;
- сигнал не подан – есть реакция;
- сигнал не подан – реакции нет.

Отметим одно важное с точки зрения самого процесса экспериментального исследования обстоятельство. При старом («классическом») подходе варианты 2 и 3 рассматривались бы просто как ошибка испытуемого и дальше бы не анализировались. Теперь же, с точки зрения новой теории, учитывается процентное соотношение этих ответов с ответами правильными, они «на равных» принимаются во внимание с ним в ходе дальнейшего анализа и получают новую интерпретацию.

Подчеркнем в заключение, что между перечисленными пунктами нет непроходимых граней, они могут переходить один в другой, прогресс в одном каком-то из этих пунктов способствует положительным сдвигам и в других пунктах. Например, развитие теории обнаружения сигнала способствовало разработке более тонкой, чем раньше, патофизиологической диагностики. Так, в работе Р. Прайса и К. Эриксона [223] было показано, что если в рамках классической психофизики использование «точки субъективного равенства» в тесте на константность величины не позволяет дифференцировать группы здоровых и группы больных шизофренией, использование отдельных мер для чувствительности и для критерия ответа помогает выполнению этой задачи (чувствительность не «отягощенная» критерием ответа).

7. Последний случай применения эксперимента, который нам хотелось бы особо выделить (напомним, что наш перечень выборочный и далеко не исчерпывающий), есть следствие характерной для современного психологического исследования тенденции анализировать не только влияние неявных изменений независимой переменной, но и комплексное воздействие нескольких таких переменных на измеряемую зависимую переменную. Материал, изложенный в части первой, в разделе о формировании методологии психологического исследования непосредственно подводит к признанию важности этого эксперимента. Когда перед экспериментатором ситуация из ряда потенциально релевантных независимых переменных, он вправе полагать, что их совместный эффект как-то отличается от суммы частных эффектов. В современной психологической литературе для обозначения такого интегрированного эффекта используется термин «взаимодействие» (это буквальное перевод термина *interaction*), и он уже закрепился в работах на русском языке; нам же представляется более адекватным термин «совоздействие», поскольку экспериментатора интересует не факт влияния переменных друг на друга, но их совместное воздействие на зависимую переменную.

Из всего сказанного выше об особенностях объектов современного психологического исследования ясно, что для изучения эффекта взаимодействия, который, несомненно, очень актуален для многих видов практической деятельности, в том числе и профессиональной, действенным является лишь метод эксперимента. Используя все доэкспериментальные методы, мы можем догадываться об этом эффекте, с большей или меньшей степенью уверенности оценивать его величину, но это не будет

иметь доказательной силы; только лишь применяя эксперимент, оснащенный специально направленными па выявление эффекта взаимодействия исследовательскими приемами, мы получаем возможность адекватно оценить его величину.

Факторное планирование есть порождение как процессов снижения «выявляемости» и усиления неопределенности исследуемых параметров, так и результат более общих, уже общенаучного плана, изменений в характере исследования (например, в агробиологии, генетике и др.), которые захватывают и область наук о психике [74]. Факторное планирование хотя и независимо, но развивалось вместе с дисперсионным анализом. В психологии оно в определенных случаях оказалось более эффективным, чем традиционное для психологии сравнение двух групп, от которых его наиболее сложных и изощренных формул психологам хотя бы временно, но все же пришлось отказаться. Большинство исследователей признало ценность факторного эксперимента и считает его более совершенным, чем ранее использовавшиеся, но некоторые продолжают оставаться приверженцами традиционного метода сравнения двух групп.

Суть факторного эксперимента, выраженная в ее конкретном проявлении, сводится к экспериментальной парадигме, при которой – как об этом свидетельствуют изменения зависимой переменной – каждому значению (уровню) одной из независимой переменной соответствует определенное значение (уровень) другой независимой переменной. Специально разработанная для такого рода ситуаций семантикологическая структура позволяет установить не только воздействие каждой из независимых переменных, но и их совместный эффект. Именно факторное планирование превращает такое нежелательное явление как смешение в равноправный компонент исследования наряду с каждой учитываемой независимой переменной. В принципе, факторное планирование позволяет выделить как воздействие каждой из переменной (в рамках этого вида эксперимента результат воздействия каждой из НП называют иногда «главными эффектами»), но и выделяет эффект взаимодействия, который невозможно уловить при изучении действия каждой из НП порознь. Уже от характера самого исследования зависит, окажутся ли в центре внимания экспериментатора главные эффекты или эффект взаимодействия. В факторном эксперименте для проверки значимости различий между средними используются те же приемы статистического тестирования гипотез и те же статистические критерии, что и для нефакторного эксперимента.

Таким образом, объем информации, получаемый с помощью факторного планирования, значительно больше, чем получаемый с помощью большинства других видов эксперимента при фактически тех же усилиях и затратах времени и сил. Действительно, в случае необходимости сравнить влияние на зависимую переменную изменений двух независимых переменных (каждая из которых принимает, как минимум, два значения), необходимо число тестирований вдвое больше числа испытуемых в обеих группах. При таком «прямом» сравнении двух групп исследователь лишен возможности судить об эффекте взаимодействия. При факторном же планировании он имеет в рамках общей парадигмы четыре группы, общая численность которых равна сумме двух групп в нефакторном планировании, а для каждого экспериментального условия – она составляет численность одной группы. Следовательно, с помощью одного факторного эксперимента на выходе получается по существу та же информация, что и при вдвое большем числе тестирований при нефакторном плане, да плюс к тому дополнительная (и подчас очень важная) информация о взаимодействии.

Факторный эксперимент – важный инструмент контроля. Если он показывает отсутствие эффекта взаимодействия, у исследователя возрастает уверенность в обоснованности обобщения данных, на основе лишь главных эффектов, если же такой эффект налицо, он предоставляет исследователю информацию о том, в каком отношении эти обобщения должны быть ограничены. Другой случай использования факторного эксперимента в этой функции контроля – когда сравнивают идентичные по задачам и методике эксперименты, но проводимые разными исследователями и с разными контингентами испытуемых, и получают несовпадающие результаты. Поскольку полнейшая идентичность условий никогда не может быть гарантирована, при сравнении таких двух экспериментов всегда остаются сомнения, что же явилось причиной отвержения нуль-гипотезы в одном из них, и принятие ее – в другом. Эти сомнения устраняются, если провести эксперимент факторного плана, в котором несовпадающие характеристики обоих экспериментов выступают уже в качестве компонентов одного и того же исследования.

В дополнение к краткому изложению тех обстоятельств, которые побуждают ученых применять факторное планирование, приведем слова одного из главных теоретиков современного экспериментального исследования – Р. Фишера об общенаучном значении того хода мысли, который лежит в основе разработки этого вида эксперимента: «Когда рассматривают научную ценность эксперимента, нередко упор делается на

то, что его суть и преимущества в том, что одновременно меняется лишь одно из условий. Имея в виду, что исследователь всегда заинтересован в причинах изучаемого явления, он стремится путем абстрагирования изолировать эти причины, расчленив их на некоторое число элементарных составляющих или факторов. Поэтому часто предполагается, что, по крайней мере, в целях доступности изложения, достижение таких контролируемых условий, при которых все бы факторы, кроме одного, оставались бы константными; тогда исследователь может изучать влияние только этого одного-единственного фактора, и делается заключение, что в этом вся соль научного экспериментального подхода. Такая доктрина скорее воплощает идеал реализации элементарной физической теории, чем любого другого раздела лабораторных исследований. В экспериментах, предназначенных для демонстрации простых физических законов, соединяющих причины и следствия, отношение которых к законам, связывающим другие причины и следствия, уже известны, предполагается, что они дают возможность понять эти соотношения, усвоить их в возможно самой простой форме. В противоположность этому та степень знания или, наоборот, незнания, которые оказываются налицо в действительном исследовании, имеющем целью продвинуть наши знания, такая простая формула неприменима. Обычно мы не можем точно определить, какой из множества возможных факторов окажется в конечном итоге наиболее важным, хотя обычно у нас есть предположения о том, какие из них заслуживают наибольшего внимания; мы также можем не знать, будет ли какой-либо из рассматриваемых факторов проявлять свою эффективность независимо от других, варьирующихся, или то, что его влияние связано некоторым простым отношением с вариациями Других факторов. Наоборот, когда мы избираем факторы для изучения, то делается это не потому, что мы предполагаем, что законы природы могут быть с особой простотой выражены в значениях этих переменных, но потому, что это — те переменные, которые можно относительно легко контролировать и измерять. Если при этих обстоятельствах экспериментатор сосредоточивает свое внимание на каком-то одном факторе, можно заключить, что либо он есть жертва доктринарной теории в отношении того эксперимента, который он проводит, либо что время, материал и оборудование, имеющиеся в его распоряжении, слишком ограничены для того, чтобы позволить ему обратить внимание на более чем один узкий аспект его проблемы. Возможные модификации какого-либо сложного аппарата, машины или технологического процесса всегда должны рассматриваться

как потенциальный источник взаимодействия. Если они должны испытываться поодиночке, то не потому, что это – идеал процедуры научного исследования, но лишь потому, что одновременное испытание нескольких компонентов нередко оказывается слишком обременительным или слишком дорогим. Во многих случаях, мнение о том, что дело обстоит именно так, обосновывается недостаточно. Истина же заключается в том, что если подойти к экспериментальному исследованию с более широкой точки зрения, то такой подход может быть более эффективным, имея в виду под эффективностью получения большого знания и большей степени точности при том же числе наблюдений» [157].

Несомненно, налицо общность указанных выше положений с тем, о чем говорилось в самом начале пашей работы – в разделе об объекте наук о психике. Но это не что иное, как подходы к одной и той же сущности с двух различных сторон: анализ объекта психологического исследования логически приводит к необходимости комплексного его исследования, а анализ метода, прилагаемого к изучению подобного объекта, вскрывает возможности его усложнения и трансформации, задача которых – сделать его максимально адекватным этому объекту. Беря снова пример с теорией обнаружения сигналов, можно сказать, что она, в отличие от предшествовавших теорий, рассматривает изучаемое явление не в изоляции, а в его взаимоотношениях с сопутствующими процессами («шумами») [249].

Более того, можно сказать, что такого рода подход противоположен издавна бытующему в психологии редукционизму. Хотя это понятие неоднозначно (К. Пратт – замена психических явлений – физиологическими [222], Ж. Пиаже – «Замена сложного – простым» или «психологического – внепсихологическим» [106], нам важно подчеркнуть в нем главное – самый факт замены сложного чем-то более простым (аналогично, как и при моделировании), подмену хотя бы временную труднообъяснимого чем-то более объяснимым. Разработка факторного типа эксперимента – это плодотворная попытка преодоления редукционизма старой психологии.

Заканчивая перечень пунктов, побуждающих исследователей проводить эксперимент, подчеркнем также, что нельзя рассчитывать на то, что одно какое-нибудь экспериментальное исследование подтвердит или, наоборот, опровергнет ту или иную теорию (хотя тенденция к «критическому эксперименту» очень чувствовалась, как мы уже отмечали, например, в гештальтпсихологии). В явно утрированной форме это было выра-

жено в словах Д. Конанта: «Опровергнуть теорию может только другая теория, но никогда противоречащие ей факты» [145].

Хотя в этом высказывании есть доля правды, оно в целом ложно. Как уже указывалось, если не один критический эксперимент, то целая серия экспериментов, несомненно, могут служить основой для опровержения старой, не оправдавшей себя психологической теории; к сказанному следует добавить, что современные эксперименты обычно так и осуществляются, а если учесть полноту информации (библиографии, реферативные издания, обзорные статьи, справочники и т.д.) и быстроту, с которой развиваются и продолжают новые направления в экспериментальной психологии (пример – та же теория обнаружения сигнала), то во многих случаях мы можем расценить в качестве «серий» работы, выполненные разными исследователями. Появление концепции о том, что «теория опровергается лишь теорией», объясняется, по-видимому, характерным для современной психологии экспериментальным Исследованием, в котором различия между ответами (по шкале зависимой переменной) невелики и могут быть объяснены в плане различных гипотез [74].

2.7.3. Коротко о видах эксперимента

Если вспомнить, что психология – это очень сложная и разветвленная наука, имеющая множество областей, и что она занимается, по существу, всеми областями человеческой деятельности, то, естественно, возникает представление о том, что психологический эксперимент должен быть очень разнообразен. Так оно и есть. К этому следует добавить, что это же многообразие создает возможность классифицировать эксперимент с самых различных точек зрения: по содержанию по «жесткости» – эксперимент лабораторный и эксперимент, приближенный к реальной деятельности; эксперименты, отличающиеся числом переменных, групп испытуемых и их общему числу, различными степенями контроля, по задачам (раскрытие внутренних причинных механизмов, диагноз и т.д.), и, – одно из главных особенностей – по семантико-логической структуре или схеме планирования. Отнесенность эксперимента к той или иной области уже в какой-то мере определяет его особенности: так эксперимент в области психофизики обычно интенсивный, т.е. длительный или многократный, с небольшим числом испытуемых, эксперименты же на обучаемость, навыки и т.п. – охватывают путем непродолжительных срезов гораздо большее число испытуемых, т.е. являются экспериментом скорее экстенсивного типа.

Какова бы ни была классификация видов эксперимента, особое место в ней занимать будет патопсихологический эксперимент с характерными для него чертами: соответствие его внеэкспериментальным клиническим критериям, ограничение степени трудности и длительности по времени и т.д.

Поскольку достаточно подробно на видах эксперимента останавливаться не будем, сошлемся на подробное рассмотрение этого вопроса в книге Готтсданкера [100]. Правда, этот вопрос разбросан здесь по всем главам, по больше сосредоточен в гл. 7, а на стр. 448–449 дается сравнительная таблица с указанием преимуществ различных видов эксперимента и некоторых факторов, нарушающих их внутреннюю валидность.

Пока отметим два, с нашей точки зрения, принципиальных подхода к выделению видов эксперимента. Первый – как это и сделано у Готтсданкера, выделить какую-то частную особенность и строить на этом классификацию. Второй, который мы предлагаем, основан на степени изоморфизма между изменением независимой и зависимой переменных. Действительно, соотношения между динамикой НП и ЗП чрезвычайно многообразны и во многом определяются методикой эксперимента. Представим себе ось, на одном конце которой стоит лабораторный эксперимент, где изменения НП и ЗП изоморфны, скажем, определение чувствительности органа чувств в зависимости от интенсивности стимуляции. На противоположном конце оси – эксперименты, стимуляция в которых служит лишь как бы «запалом», можем назвать такой эксперимент конторзионным (*contorsio* – лат. толчок).

В зависимости от этого соотношения переменных определенные типы экспериментов займут определенные положения на общей оси. Так эксперимент на формирование понятий займет позицию если не крайнюю, то, во всяком случае, близкую к систематическому наблюдению; то же касается эксперимента, направленного на выявление типов представлений [25]. С другой стороны, эксперимент, скажем, на отношение к эмоционально значимым стимулам – ближе к противоположному концу шкалы.

2.7.4. Ограничения эксперимента как метода психологического исследования

В предшествовавшем изложении, когда мы стремились построить систему методов, само собой получалось так, что акцентировались положительные стороны эксперимента как метода исследования, завершаю-

щего эту систему. Безусловно, главное преимущество эксперимента – в его возможностях раскрытия причинно-следственных (каузальных) связей и возможность решать эту главнейшую задачу исследования с минимальным числом гипотез. Однако ни один метод познания не свободен от ограничений, и эксперимент в этом отношении – не исключение.

К числу ограничений эксперимента следует, прежде всего, отнести то, что не всякая проблема допускает постановку эксперимента. Например, центральная проблема современной психиатрии – происхождение шизофрении, или же вопроса типа предельных интенсивностей стрессовых воздействий, или же влияния субъективного опыта самого раннего детства на ту или иную черту характера взрослого – все эти проблемы, поставленные в такой общей форме и не конкретизированные в отношении более узких проблем, вообще не подлежат экспериментальной проверке.

Второе серьезное возражение – то, что эксперимент (здесь имеется в виду эксперимент лабораторного типа) создает искусственную ситуацию, связан со стимуляцией, не имеющей непосредственного представительства в реальной жизни. Готтсданкер называет это экспериментами, которые «улучшают» реальный мир, что следует понимать лишь как улучшение для целей эксперимента. Есть исследователи, которые, наоборот, всячески акцентируют познавательную ограниченность лабораторного, манипулируемого эксперимента, в этом контексте термин «манипуляция» принимает даже, в известной мере, отрицательное значение; особенно это относится к экспериментам в области генетической психологии. Это возражение об «искусственности» эксперимента влечет за собой целый ряд дополнительных вопросов, усложняющих теорию эксперимента. Пожалуй, главный здесь вопрос о том, как достоверно и обоснованно переходить от лабораторных данных к закономерностям реальной жизни, т.е. вопрос внешней валидности. Как правило, этот вопрос решается не по схеме: от лаборатории – к реальной жизненной ситуации, а по схеме: эксперимент № 1 → эксперимент № 2 → эксперимент № 3 и т.д., а «заземление» лабораторных данных на реальную ситуацию может быть сделано многократно, и оно изменяется по мере получения новой информации. При этом обычно каждый эксперимент отличается от предыдущих введением некоторых новых условий (новые контингенты, иные варианты заданий и инструкций, другие уровни научения и т.д.) с тем, чтобы постепенно повышать внешнюю валидность или обнаружить ее границы.

Другой путь перехода от лаборатории к жизни – разработка таких форм планирования эксперимента, которые не обязательно требуют того,

чтобы изменялась только лишь одна независимая переменная, а все остальное оставалось бы без изменения (идеальный эксперимент). Многие исследования следуют по пути того, чтобы различные посторонние переменные уравниво влияли бы на различные значения ЗП. Возможно, например, что заучивание пар слов (на родном и иностранном языках) в лабораторных условиях четко фиксирует зависимость запоминания от частоты встречаемости того или иного иностранного слова в парах, но в условиях обучения в классе этот эффект не проявится. Возможно далее, что в основе расхождения могут лежать разные уровни НП, в лаборатории, скажем, высокий, а в классе он ниже потому, что какие-то неучтенные обстоятельства отвлекали учащихся.

Далее, в лабораториях нередко изучаются малые эффекты, не влияющие на наше поведение в жизни. Это не такое серьезное возражение. Сильные эффекты могут быть изучены без того, чтобы прибегать к лабораторным методам. Не нужен эксперимент для сравнения результатов обучения длительностью в 15 минут и 3 часа в обычных условиях реальной деятельности, но иное дело, если вопрос ставится уже в чисто научной плоскости. Каков, скажем, закон, связывающий объем заученного материала с длительностью процесса заучивания? Или, как показывают современные исследования, есть некоторые случаи, когда время вообще не играет роли в усвоении определенного вида информации: представители гештальтпсихологии говорили об «инсайте», а этологической школы – о «запечатлении» или «импринтинге». Временной фактор, по существу, не играет никакой роли, например, при обнаружении врачом-рентгенологом грубой патологии. Эксперименты показали, что последняя замечается даже при тахистоскопическом предъявлении, т.е. в течение сотых долей секунды.

Кроме того, стимуляция малой интенсивности может иметь влияние по путям, которые мы не можем обнаружить в реальной жизни. Имеется в виду, что стимул малой интенсивности может вступить во взаимодействие с другими стимулами и стать совоздействующей переменной. В этих случаях говорят об «эффekte айсберга». Таким образом, только после тщательного лабораторного изучения можно сказать, является та или иная переменная потенциально воздействующей и в реальных жизненных условиях.

2.7.5. Теоретические и практические пути развития эксперимента

В статье «Изменения семантико-логической структуры психологических исследований» [74] были, хотя и очень кратко и схематично, нами

были показаны те пути развития психологического исследования, где теоретический и практический аспекты идут вместе. Их совместное развитие яснее всего проявляется во все новых многочисленных типах эксперимента. Можно, однако, выделить как теоретически обусловленные понятия об эксперименте, так и то, что обусловлено практикой, и для психолога есть необходимость различать эти несовпадающие аспекты методологии эксперимента.

В плане теории отметим здесь понятия «идеального» и «бесконечно-го» экспериментов, и эксперимента «полного соответствия». Ни того, ни другого в реальности не существует, но эти понятия нужны для разработки и планирования эксперимента. Это теоретические понятия, вырастающие из теории наряду с понятием «семантико-логической структуры» психологического эксперимента [74].

В идеальном эксперименте допускается изменение лишь одной НП и связанной с ней ЗП. В принципе это очень трудная задача, и на практике правильнее говорить об известном приближении (различном для различных условий) к идеальному эксперименту; поэтому значительная часть того, что называется планированием эксперимента или его семантико-логическая структура разрабатываются таким образом, чтобы приблизить реальный эксперимент к идеальному.

Бесконечный эксперимент – также абстракция; если мысленно бесконечно продолжать эксперимент (с бесконечным количеством проб и испытуемых и т.п.) то это позволит усреднить результаты неизбежных изменений всех побочных факторов, влияющих на ЗП.

Эксперимент полного соответствия – это эксперимент с привлечением таких значений участвующих в эксперименте переменных, которые совпадают со значениями переменных в реальной ситуации. Ясно, что такое требование может быть удовлетворено лишь в некотором приближении.

С иными понятиями мы сталкиваемся при анализе того развития, которое имеет место с экспериментом на практике. Это, прежде всего – редукция экспериментального психологического исследования.

Признавая все преимущества эксперимента в качестве метода познания, нельзя в то же время не признать, что в некоторых случаях выполнять все требования эксперимента, тем более идеального, чрезвычайно трудно, а то и невозможно. Поэтому возникает стремление пожертвовать какими-то из строгих методологических правил ради того, чтобы и в условиях неполной строгости и категоричности, все же иметь достаточно оснований для того, чтобы расценить результаты такого исследования в

качестве достоверного. В современной методологии психологического исследования такая процедура называется квазиэкспериментом.

От строгого или «настоящего» эксперимента квазиэксперимент отличается, во-первых, тем, что экспериментатор не имеет возможности рандомизированно отбирать испытуемых в экспериментальную и контрольную группы. Иначе говоря, ситуация такая: экспериментатор имеет возможность исследовать определенную группу испытуемых, которой он в ходе исследования предъявляет некоторую НП, и он подбирает другую группу испытуемых, которая не подвергается экспериментальному воздействию. Контрольная группа должна в принципе отличаться от экспериментальной лишь в этом пункте: она не подвергается воздействию. Как это усиленно подчеркивается в методологии психологического исследования, в этом случае значительно возрастает риск того, что на каждую из групп могут действовать какие-то неучтенные переменные, которые могут исказить результат. Конечно, квазиэксперименты могут еще различаться между собой: Кендалл и Стенли насчитывают 16 видов квазиэксперимента. В принципе в квазиэксперименте всегда имеет место смещение НП с той переменной, на основе которой сформировалась каждая из групп. Иначе говоря, при квазиэксперименте всегда налицо угроза внутренней валидности.

Указанные особенности квазиэксперимента делают его особенно пригодным главным образом в педагогической психологии, но не только там; он применяется и в социальной, индустриальной, клинической психологии. Все статистические методы, применимые к «истинному» эксперименту приложимы и к квазиэксперименту. «Мощность» того или иного квазиэксперимента зависит от того, в какой степени сходны между собой экспериментальная и контрольная группы. Если это сходство велико – квазиэксперимент приближается к «истинному» эксперименту. Возникающие угрозы внутренней валидности могут быть в значительной мере Устранены путем применения нескольких контрольных групп [74]. Такие группы, с помощью которых удается в какой-то мере выправить присущие семантико-логической структуре квазиэксперимента недостатки, Кэмпбелл и Стенли обозначают как «залатывающие» контрольные группы (patched-up control groups).

Недостаток квазиэксперимента может оборачиваться его достоинством: исследователь получает возможность по проведению эксперимента судить именно о той переменной, влияние которой длится уже достаточно долго, но которая сама по себе не была объектом исследования (фор-

мирование классов школы или других учебных групп, групп психотерапии, спортивных команд, функционирования каких-либо учреждений, опорные пункты: по установлению соматического, неврологического или психиатрического диагноза и т.д.). В этой связи целесообразно напомнить об упоминавшейся работе Прайса и Эриксона [223], а также принять во внимание патопсихологические исследования в рамках определенной нозологии.

Помимо квазиэксперимента мы можем рассматривать как редукцию эксперимента, в качестве нестрогих экспериментов еще две категории психологических методов: тесты и клинические пробы или патопсихологические методики.

В отношении тестов отметим только, что важнейшие их особенности обусловлены необходимостью обследовать большие контингенты испытуемых; главное для них – стандартизация, возможности сопоставления получаемых данных с некоторым заранее определенным критерием («нормой»). Так, одним из преимуществ тестов Векслера считается следующее: он добился того, что при среднем балле 100 квадратическом отклонении 15 тест характеризуется нормальным распределением и дает возможность учесть возрастные изменения. В отношении тестов существует целая своя методология, исходящая из указанных выше требований стандартизации и обозначаемая нередко как «конструирование» тестов.

Третий вид редукции эксперимента – клинические и патопсихологические пробы, не столько стандартизированные, сколько строящиеся на принципе «сенситивности», т.е. направленные на те особенности психики, которые особенно нарушаются у той или иной категории больных. Эти методики есть обычно результат продуманной репрезентации более широких клинических данных в, как правило, однократных психологических пробах; они также могут быть продуктом отдельных эмпирических находок.

Напомним, что если здесь вновь упоминаются тесты и клинические пробы – и теперь определяются они как редукция полного, строгого эксперимента, то это лишь потому, что оцениваются они с точки зрения методологии эксперимента, т.е. с сугубо системных позиций. От времени их введения они, однако, развивались вполне самостоятельно, в значительной мере независимо от эксперимента в общей психологии, хотя в какой-то мере с ним и пересекались. На современном этапе развития психологии общеметодологические требования к психологическому исследованию в целом распространяются и на эти более или менее обособленные методы.

В заключение этого раздела еще раз подчеркнем основное, хотя и не всегда явное, теоретическое следствие развития экспериментальных исследований психического – изменение системы понятий, их непрерывная дифференциация и интеграция во все новые сочетания. В конечном итоге, изменения в понятийной структуре любой пауки представляют собой отражение тех изменений, которые претерпевает самое исследование вместе с изменением тематики, объектов, технического оснащения, применяемых методик и теоретических конструктов. Как отмечалось выше, в психологии этому способствуют два, хотя и несовпадающие, но идущие в общем направлении процесса – интенсивное и экстенсивное развитие психологического эксперимента и развитие общей методологии психологического исследования.

Сравнительный анализ психологической литературы, в первую очередь литературы методологического плана, показывает, что, хотя, в общем и целом, дефиниции основных понятий в этой области, в основном, совпадают, все же нередки определенные расхождения, как это видно особенно ясно на примере важнейшего понятия как «обоснованность», «валидность» и предлагаемых видов валидности. Следует помнить, что в конечном итоге все эти понятия возникают индуктивным путем, и, следовательно, процесс формирования из них системы может идти в том темпе, который определяется практическими потребностями самого исследования.

Отсюда понятно, что вполне закономерно возникают попытки ускорить этот процесс на пути дедуктивного подхода, подобно тому, как сорок лет тому назад – на том большом подъеме, на котором находилась психология научения, были сделаны попытки придать теоретическим понятиям этой области исследования более строгую логическую форму [106].

Априорно ясно, что необходимость построения логически связанных, порождаемых экспериментальным исследованием понятий обусловлена тем, что ни один в отдельности взятый эксперимент не может дать полного как по объему, так и по содержанию картины реальности, и поэтому неизбежно возникает проблема не просто определить адекватность его результатов, но и возможности заранее это прогнозировать на основе его семантико-логической структуры. Только создание логически последовательной системы понятий может привести к решению этой проблемы.

Среди попыток дать такую систему следует отметить как в немалой степени успешную работу Р. Готтсданкера. При том, что основное содержание его работы [100] – это практика экспериментирования и рас-

смотрение различных видов психологического эксперимента, его логическое членение обусловлено «тесной взаимосвязью понятий валидности и безупречного эксперимента», «систематизацией различий внутренней и внешней валидности», «применением более строгих определений», построенных на иерархической схеме, вершину которой составляют понятия – мысленные образцы (standarts) экспериментов – «идеальный», «бесконечный», «эксперимент полного соответствия», «чистый эксперимент» и «безупречный эксперимент».

3. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОРМЫ И ПСИХИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ

3.1. Понятия нормы и патологии как объективные характеристики индивидуальной психики

Начнем с объективных понятий, в значительной мере определяющих сущность клинического метода. Среди них наиболее важными для определения клинического метода являются такие понятия, как этиология (причины), патогенез (развития болезненного процесса), структуры, течения, стереотипа развития, исхода и т.д. В этом же ряду, но уже в плане дифференциации, следует рассматривать понятия патологической структуры личности (психопатии) и ее изменений, стабильных и динамических (на этом, как известно, особенно настаивал Курт Шнейдер). При диагностике каждого отдельного случая совокупность всех проявлений расстройства укладывается в образуемую этими понятиями логическую схему и, таким образом, те отдельные значения, которые в каждом конкретном случае принимают основные психопатологические понятия, и есть фактический критерий оценки существа и степени психической патологии.

Система клинических понятий в первую очередь отражает наличие или отсутствие у больного тех или иных признаков (симптомов), и нередко поэтому клинические понятия выступают в виде альтернативных пар, а решение о доминировании одной из альтернатив может предрешать и самое диагностическое суждение. Это процесс или дефект (уже результат болезненного процесса, «рубец» с практически отсутствием динамики или с иной, чем у процесса, заторможенной динамикой), болезненный процесс или патологическое развитие личности, ремиссия (временная приостановка процесса) или Дефект, ремиссия в противо-

поставлении экзоцербаии, вялотекущий процесс в противопоставлении латентному, фазы – приступам и т.д. Взаимоотношения всех этих моментов очень важны при квалификации расстройства. Большое значение имеет возраст начала патологического процесса. Как правило, чем раньше он начинается, тем последствия его тяжелее (но этот пункт должен быть конкретизирован). Важна и временная последовательность появления той или иной симптоматики: так, о нарастающей глубине расстройства свидетельствуют смена навязчивостей – дереализацией (П. Жане), паранояльного бреда – параноидным, а затем парафренным (А.В. Снежневский). Очень важны и особенности изменения личности; так П.Б. Ганнушкин, говоря об особенностях личности больных шизофренией, и ее дисгармоничности, использовал образное выражение «дерево и стекло».

История психопатологии имеет немало ярких примеров того, как введение нового понятия, адекватно отражающего широкий круг патологических явлений, приводит затем и к выделению новой нозологической формы. Понятие «диссоциации» было предложено П. Жане для обозначения существа истерических расстройств, затем оно было переосмыслено Э. Блейлером и положено им в основу его понимания шизофрении. Из него выросло его известное определение этого расстройства, обусловленное «большой или меньшей степенью расщепления психических функций; если заболевание зашло далеко, личность теряет свое единство, и то один, то другой психический комплекс становится репрезентантом всей личности, а их взаимное влияние... явно недостаточно или отсутствует совсем». Эти комплексы не сливаются воедино, как у здоровых, давая некоторый единообразный результат, но тот или иной из них временно подавляет личность, «отщепляя остальные комплексы и стремления и лишая их силы воздействия. Так же и мысли нередко не додумываются до конца, и отрывки их неправильно объединяются в некоторую новую идею. Даже понятия теряют свой целостный характер, свою завершенность, и им не хватает многих, иногда очень многих, иногда очень важных комплексов; в некоторых случаях они репрезентируются лишь частичными отрывками представлений» [129].

В качестве иллюстрации не только к этому определению, но и к данным, полученным с помощью самого клинического метода, с помощью которого были установлены особенности психики, может быть приведен наблюдавшийся нами случай из клиники детской шизофрении (описание дается в сильно сокращенном виде). Больная И. 7 лет, наследственность

по мужской линии явно патологическая (отец вегетарианец, эгоист, в семье садист и деспот, исключительно жадный, не носит новую одежду, отдельные паранойяльные мысли). Ранее развитие нормальное, фразовая речь с одного года. Изменилась в 4 с половиной года, резко нарушился контакт с окружением, в том числе с матерью, игры стали аутическими, занималась только одной игрушкой. Появилась повышенная избирательность в еде, бездеятельность, с годами эти изменения нарастали. Не хотелось идти в школу. Не нравились ни имя, ни фамилия; хотела носить имя и фамилию той единственной девочки, к которой она привязана. Отмечаются суточные колебания настроения. При обследовании контакт формальный, есть явления негативизма, страха. Интеллект формально сохранен, любознательна, внимательно смотрит на окружающих, что сочетается, однако, с почти полной бездеятельностью. С 4 лет повышенный интерес к животным. Девочка довольно много (на фоне этой бездеятельности) рисует и здесь отчетливо проявляется расщепление, есть четко три темы: люди, пейзажи и животные. Первые две выполняются формально, схематично, опустошенно, типичные рисунки больных шизофренией; третья – животные мягкие, с тонким вкусом, динамичные, даже лирические.

Клинический метод не только обусловлен системой объективных понятий, но и служит дальнейшему развитию и усовершенствованию ее как в целом, так и каждого из ее компонентов в отдельности. Применяя всю эту систему понятий, следует помнить о том, что широко понимаемый прошлый опыт (биография, воспитание, уровень интеллекта, профессиональная деятельность, привычки, склонности и т.д.) может, как способствовать развитию патологического процесса или психопатических черт личности, так и наоборот, тормозить, сглаживать, интериоризировать их, и в этом случае они, естественно, выявляются с большим трудом. На разных больных одна и та же внешняя обстановка действует по-разному. Некоторые авторы указывают, что стационарирование в психиатрическую больницу одними больными воспринимается как прекращение в необходимости сдерживать себя, и тогда их психотическая симптоматика раскрывается вовне; состояние же других может улучшиться потому, что для них хотя бы временно отпадает необходимость борьбы с жизненными трудностями.

Все факторы, влияющие на протекание болезненного процесса и, в той или иной степени, определяющие его внешнее проявление (симптоматику), объединяются понятием патоморфоза. Как отмечает Л.К. Хохлов, «причиной патоморфоза могут быть и социальные (в частности де-

мографические влияния – социогенный патоморфоз), и конституционально-генетические, возрастные изменения (возрастной патоморфоз) и интерконкурентные заболевания (инфекция, соматогении, интоксикации, травмы-экзогенный патоморфоз) и терапевтическое вмешательство» [94. С. 29]. Очень демонстративные данные в плане возрастного фактора патоморфоза были получены в работе Э. Дейтч [147]. Если у женщин невроз наступает за несколько лет до менопаузы, он по большей части истерический, а неврозы климактерического или постклимактерического периода имеют сильные депрессивные или параноидные включения.

От понятия патоморфоза естественным представляется переход к основной задаче клинического метода не в общей медицине, а в психопатологии. Это установление соотношения между личностью, преморбидом и особенностью психической патологии. Начало патологического процесса (особенно при эндогенных психозах) – почти всегда проявляются через изменения личности, личность становится иной. К. Ясперс был прав, подчеркивая значение такого параметра, как патологическое развитие личности, которое он противопоставлял собственно болезненному процессу, при котором возможны ремиссии и выздоровление. Известно также, что при малой вредности психическое расстройство проявляется заострением преморбидных (прежде всего характерологических) особенностей, а реакции обычно имеют личностный характер. С другой стороны, такие состояния, как депрессии, могут нивелировать все личностные особенности; то же, но в меньшей степени, относится к шизофреническим или органическим дефектам, где уже гаснет позитивная симптоматика и почти полностью доминирует негативная. Особым и очень важным вопросом внутри проблемы соотношения личности и патологического процесса является характер личностной реакции на заболевание (этому, как известно, придавал большое значение П.Б. Ганнушкин).

Особую интегрирующую роль среди объективных клинических понятий играет понятие «единства болезни»; это сложное научное понятие, которое должно быть не столько поставлено в соответствие донаучному понятию болезни, сколько противопоставлено ему. Справедливо мнение о том, что историю медицины можно было бы написать как смену содержаний понятия болезни. Идеалом применения клинического метода является объединение в ходе исследования причины, клинических проявлений, течения, исхода и анатомо-морфологических данных (все это и входит в понятие «единства болезни»). Как известно, стремление установить это единство в отношении психических расстройств было направляющей иде-

ей главных трудов Э. Крепелина. Хотя они и составили эпоху в истории психиатрии, в собственно клинической своей части их оказалось недостаточно для того, чтобы обосновать самую идею единства болезни для основных видов психических расстройств, в первую очередь так называемых эндогенных психозов (шизофрении, маниакально-депрессивного психоза).

Содержание объективных понятий определяется специфическими особенностями отражаемого объекта, а совокупность этих понятий определяет специфику данной науки (медицины, психопатологии), в отличие от других наук. Как было уже подчеркнуто в начале этой работы, обобщенно эти особенности объекта клинического исследования можно логически вывести из факта сложности и целостности объекта клинического «исследования». Подход к явлениям патологии осуществляется при ведущей роли наук естественных, но нельзя упрощать те сложные взаимозависимости, которые возникают при необходимости совмещать его с подходом и с иных точек зрения, и с общими задачами клинического метода. В этой связи указывают даже, что многие из широко используемых лабораторных проб направлены па получение немедленного результата, вследствие Чего из поля зрения уходят собственно клинические аспекты исследования – такие, как диагноз или прогноз. Отмечается далее, что подключение к исследованиям представителей многих естественных наук имеет не только положительные, но и отрицательные следствия, поскольку их либо полная, либо частичная неосведомленность в области психиатрической клиники обуславливает проведение экспериментов по образцу того, как это делается в физике или химии. Как правило, результатом таких исследований являются многочисленные, в том числе и математически выраженные данные, которые затем не находят никакого приложения в клинике. В отличие от объектов физики организм, а уж особенно психика человека, – это сложнейшее целостное образование, структура, где познание того или иного ее аспекта, части функции определяется со стороны целостности, но не есть сумма аналитически выделяемых фрагментов.

Целостность и сложность объекта имеют своим и прямым, и косвенным следствием чрезвычайную ограниченность исследовательских возможностей, которые, как подчеркивает А.В. Снежневский сводятся к расспросу, наблюдению, анамнезу, и что за вычетом небольшого числа специальных проб, принимаемых главным образом при органических и соматически обусловленных расстройствах, их роль в общем незначительна [87. С. 179].

Другим, не менее важным следствием сложности объекта психопатологического исследования, является то, что психиатр или патопсихолог в ходе исследования почти всегда имеет дело с неполной о нем информацией. Неполнота информации создает неопределенность воспринимаемой и интерпретируемой картины расстройства. Неопределенность постоянно усиливается вследствие действия по меньшей мере трех факторов. Первый из них можно было бы обозначить как «структурный»: характер общефизиологической закономерности дает тот факт, что число реакций, которыми организм отвечает на те или иные раздражения, гораздо меньше, чем число этих раздражителей (Ч. Шеррингтон); то же касается и клинических типов экзогенных реакций (К. Бонгеффер). Второй усиливающий неопределенность фактор может быть обозначен как «процессуальный» в том смысле, что обуславливающий данную психическую патологию процесс в своем развитии проходит через промежуточные, по выражению Э. Крепелина, «регистры»; вовне это проявляется как манифестация иного по своей этиологии, но всегда менее глубокого процесса (так, начинающаяся шизофрения проявляется невротической симптоматикой). Третий определяющий неопределенность фактор может быть назван «динамическим», поскольку самая симптоматика меняется и от индивида к индивиду, и в зависимости от социальных, этнических и других детерминант; венгерский психиатр Э. Варга написал об этом даже целую книгу [253].

Кроме того, как правило, не все или даже далеко не все симптомы, свойственные тому или иному заболеванию, могут реально проявиться у того или иного больного, так что врач, психолог должен постоянно соотносить наличную картину с иерархизованным и (с точки зрения их важности и неотъемлемости) признаками различных заболеваний. Ясно, что здесь подключаются многие и очень разнородные обстоятельства. Достаточно наличия депрессии, чтобы она «перекрыла» любую иную симптоматику. С другой стороны, если для конкретного расстройства есть понятие типа диссоциации для шизофрении, то вся иерархия строится на его основании. При создании такой концептуальной иерархии опытные клиницисты особое внимание обращают на негативную симптоматику; так Э. Крепелин чуть ли не единственным диагностически безошибочным признаком считал нарастающее слабоумие.

Следующая особенность клинического метода, также детерминированная со стороны объекта, – это то, что нередко не только вынужденно, но и вполне преднамеренно приходится не доводить обследование до

теоретически полного уяснения, но ограничить его практически необходимыми пределами, дальше которых это и не нужно больному, или когда усилия и затраты начинают давать все меньший эффект. Об этом неоднократно говорил И.П. Павлов, об этом пишут авторы руководств по психиатрической диагностике; по словам А.В. Снежневского, «медицина не может ждать».

Рассмотренные особенности клинического познания, детерминированные особенностями объекта, неизбежно ведут к признанию двойственной природы клинического метода. Она проявляется в непосредственной природе клинического метода, в непосредственно-практической и научной деятельности врача или патопсихолога, когда на основе имеющейся картины расстройства (статуса) исследователь реконструирует его генезис, т.е. выявляет возможные обуславливающие его факторы. Наряду с этим, опираясь на известные, уже установленные в научном познании достоверные факторы (этиологии патогенеза, конституциональных особенностей и т.д.) исследователь логически выводит статус; в ходе этого вывода и с учетом взаимовлияния факторы должны быть мысленно взвешены и ограничены таким образом, чтобы их сочетание соответствовало бы устанавливаемой при обследовании «картине болезни». В рамках этой непосредственно воспринимаемой картины они уже выступают не как самостоятельные, имеющие глубинное измерение, факторы, а как проекция на плоскость, как элементы симультанной структуры.

3.2. Структурно-уровневый анализ и установление психологических механизмов патологии

Изменения ряда психических функций и процессов – неотъемлемая часть психической патологии. По мере углубления патопсихологического анализа выявляются внутри ее не только ранее неизвестные взаимосвязи и зависимости, но и обнаруживается необходимость дальнейшей дифференциации связанных с этим понятий, а также необходимость уточнения их содержания. В рамках клинического метода²⁹ критериями патологии

²⁹ Как мы уже отмечали, сущность клинического метода в узком значении термина – как метода психологического исследования внутри более широкого общемедицинского метода определяется не отдельными вспомогательными схемами, но особенностями используемой при этом системы понятий. Последняя, по нашему мнению, определяется изменениями уровневой структуры целей и средств, которая в норме порождается деятельностью (акциональные структуры), а в случаях патологии претерпевает определенные изменения, обусловленные конкретной ее природой.

служат обычно снижение продуктивности, наряду с особыми, не свойственными норме отклонениями в протекании психических процессов. Если представить себе самые начальные этапы анализа, то характерные для данного больного изменения психики найдут свое отражение в феноменологическом описании психопатологической картины, а факт снижения, естественно, ведет сразу же к стремлению отразить его с точки зрения уровней этого процесса. Так, хорошо известно, что у больных-травматиков глубоко могут быть нарушены высшие проявления памяти, в то время как сохранными остаются более низкие уровни – память при условии, что есть «опорные пункты», а также произвольное воспроизведение; в этих случаях воспроизведение, сведено, по существу к узнаванию [95]. Хорошо известны факты перехода мышления к отдельным ассоциативным реакциям при маниакальных состояниях, подмена логического мышления – кататимным, *pensee concrete* французских авторов, прелогическое мышление у дебилов, слияния и «соскальзывания» у больных шизофренией и т.д. Логическим недостатком использования понятия «снижения» в рамках феноменологического описания патологии заключается в том, что оно понимается как выражение некоторого по меньшей мере единообразного процесса, в то время как его критерии достаточно широко варьируют от одного вида патологии – к другому.

Факт снижения естественно порождает стремление не только глубже понять его, но и отработать определенные методы, критерии и классификационные схемы для обоснованного использования понятия «снижения». Этим вопросам будет ниже отведен специальный раздел; пока же отметим только, что в теоретическом плане мы считаем возможным не только использовать общее представление о том, что снижение при патологии проходит различные уровни, но и приложить к областям психопатологии и патопсихологии положения структурно-уровневой теории (1.8). В плане же методики безусловно важнейшим и общепризнанным инструментом здесь является патопсихологический эксперимент. Как показывает дальнейший анализ Данных, эти два момента оказались логически взаимосвязанными, поскольку эксперимент предполагает анализ ответных действий испытуемого, и результаты этого анализа будут представлять собой изменения Уже общего для различных видов патологии критерия.

Наряду с пока что констатацией роли структурно-уровневой теории и патопсихологического эксперимента возникает необходимость дифференцировать понятие Психологического снижения функции с понятием психологического механизма. Более того, по логике использования кли-

нического метода эта дифференциация должна предшествовать более детальному изложению как структурно-уровневой теории, так и самого патопсихологического эксперимента. Дело в том, что при констатации фактов снижения той или иной психической функции перед клиницистами всегда возникает проблема более точной детерминации того, обусловлено ли это снижение общим ухудшением состояния больного, обусловленное патологией *per se* или же оно есть результат какой-то определенной патологии, отнесенностью к определенной нозологии, специфичной именно для нее. В своем стремлении ответить на этот вопрос (сделать это нередко бывает совсем не просто) клиницисты используют в качестве рабочего инструмента понятие «психологического механизма».

Несмотря на то, что понятием «механизмов» широко пользуются в психопатологии, в понимании существа того, что есть патогенные механизмы, имеются различия, которые были рассмотрены нами в предыдущей работе [71] и на которых мы уже не будем останавливаться, поскольку здесь наша главная задача – анализ не предметного, но методологического знания. В качестве рабочего определения психологического механизма будем придерживаться того, которое было дано в самом конце части первой (1.10), а затем посмотрим, как это общее определение преломляется в области патологии. С анализом психологических механизмов патологии мы нередко встречаемся в сочинениях старых авторов, обращавших большое внимание на феноменологическую сторону психологического исследования, но в то же время еще не располагавших достаточными экспериментальными данными. Так, в классической монографии Э. Блейлера «Dementia praecox или группа шизофрении», которая никогда не утратит своего значения, вся теоретическая часть представляет собой, по существу, указания на различные механизмы. То же относится, например, к работам Е.К. Краснушкина о неврозах. Э. Блейлер, говоря о манерности больных шизофренией (важном, хотя и внешне не всегда достаточно ясно воспринимаемом симптоме, который он рассматривает в одном ряду со стереотипиями, в более широком плане – с кататоническими явлениями), утверждает, что лежащий в его основе механизм – не отщепления, но длительные воздействия эмоциональных комплексов. Механизм, который срабатывает уже у наблюдателя – это, по мнению Э. Блейлера, бессознательно фиксируемое им расхождение между внутренней сущностью и внешним обликом (горделивая походка гордого человека есть часть общей структуры личности, горделивая походка человека, для которого она лишь результат действия комплекса – это противоречие внутри структуры личности, оно воспринимается наблю-

дателем как диссонанс и поэтому «режет глаз»). Следует думать, что в дополнение к этому, отмечаемому Э. Блейлером механизму, в основе складывающегося у наблюдателя впечатления лежит и то, что выразительные движения этих больных недостаточно связаны между собой, плохо скоординированы, абортивны, отрывочны.

В прошлом было осуществлено и теперь проводится множество исследований с целью углубить наше понимание существа психологических механизмов патологии, связав их с фактом снижения функциональных возможностей. Например, в работе Б.С. Братуся [10], посвящен поп психологическому анализу таких качеств личности эпилептика, как педантизм, утрированная аккуратность, отмечается, что деятельность этих больных нередко упрощается до уровня действий, в норме являющихся вспомогательными. У этих больных выполнение действий-средств превращается в самоцель, которая фиксируется в результате тугоподвижности процессов мышления. В работе У. Брона [135] констатируется следующее: при непараноидных формах шизофрении резко уменьшается число воспринимаемых ключевых признаков, особенно если последние заданы в различных модальностях. Согласно автору, здесь имеет место не просто негативное отношение к стимуляции или к процедуре эксперимента, а сужение диапазона чувствительности к стимуляции, доказательством чему, по его мнению, может служить малая отвлекаемость таких больных (безусловно, такого рода положения нуждаются в проверке).

Говоря о соотношении понятий уровневой структуры патологии и ее психологических механизмов, следует считать его далеко неоднозначным. Снижение уровня может быть специфическим по отношению к данному расстройству, но оно может иметь и неспецифическую природу. Механизм всегда специфичен для данного расстройства. Следовательно, не всякое снижение выявляет соответствующий психологический механизм, но о всяком механизме, в той мере, в какой он выявляется вовне, можно сказать, что он по сравнению с тем действием, которое им обуславливается, есть снижение, поскольку в общей структуре целей и средств действия он занимает иерархически подчиненное положение.

Поскольку существует теснейшая зависимость для установления снижения и психологических механизмов от патопсихологического эксперимента, более детальное соотношение понятий уровневой структуры патологии и ее психологических механизмов может быть показано лишь вместе с рассмотрением того, как применяется патопсихологический экс-

перимент (на чем мы специально остановимся в параграфе 3.4). Пока в плане содержания участвующих в этом анализе понятий отметим, что для целей патопсихологического исследования важно установить степень различий и общности понятий «урвневой структуры действий» и «урвневой структуры психики» (или личности). Исходные точки для оценки каждой из них находятся, как сказал бы К. Левин, в различных психологических пространствах. При наличии психической патологии понятие деятельности в том смысле, как оно прилагается к норме, вследствие изменения высших урвней действия – урвневой цели – теряет реальный психологический смысл и должно быть заменено понятием урвней актуализации патологически измененной личности.

Однако между двумя рядами понятий урвневой структуры действия и урвневой структуры личности есть и важные точки соприкосновения. В обоих случаях имеет место снижение с патологически измененного урвня цели на урвнь средств. Поэтому снижение урвней актуализации личности в своих внешне выявляемых формах частично совпадает с изменениями урвневой структуры действий (в нашей терминологии – акциональных структур), хотя по своей психологической природе и механизмам они принципиально отличны друг от друга. Факты частичной общности двух структур, их динамики важны при проведении патопсихологического эксперимента. Патопсихолог, на основе изменений характера действий (фиксируя снижение урвня действий), судит об изменении урвневой структуры личности. Более того, в некоторых патопсихологических методах, в частности, в ассоциативном эксперименте, испытуемый заведомо должен реагировать на низшем урвне, чем при повседневном общении. Как показывает практика, именно это обстоятельство дает исследователю ценную в диагностическом отношении информацию.

Рассматривая пути анализа патологии в значениях изменения урвневой структуры, следует особо выделить роль такого критерия, как изменения речи. Как будет ясно из приводимых ниже примеров, последнее особенно важно при исследовании шизофрении. Совершенно уникальная роль речи для психопатологии определяется надындивидуальной природой языка (речь как язык в действии), с одной стороны, и тем фактом, что речь занимает определенное место внутри иерархической структуры действий – с другой³⁰.

³⁵ На проблеме взаимосвязи этих двух параметров мы здесь останавливаемся, поскольку вопросы природы языка не входят тему методологии психологического исследования. Об этом несколько больше сказано в одной из наших работ [71].

Говоря о роли языка и речи в формировании структур психической патологии, следует помнить о том, что язык есть важнейший фактор патоморфоза, и самое соотношение патологии психики и степени речевых нарушений зависит от ряда иных патоморфологических факторов, особенно возраста и уровня развития. В самом общем виде можно наметить три типа нарушений этого соотношения. Первый – когда речь еще недостаточно сформирована, речевые навыки мало закреплены, и тогда изменения психики непосредственно обуславливают и степень деструкции речи. Второй – когда речь сформирована, ее связь с мышлением представляет диалектическое единство; в этих случаях утрата функции речи есть нарушение типа утраты орудийной функции, лишение средства, а изменения психики носят уже вторичный характер. Для обоих этих видов изменение патологии носит грубый характер и демонстрирует не только изменение структуры речи, но и непосредственно обуславливает общее снижение уровня Действий. Третий тип нарушения связи, соотношения психики и речи имеют менее грубую природу, и при обследовании больных, особенно с применением экспериментально-психологических методов, обнаруживается возможность судить о степени патологии, не выходя за Пределы собственно языковых структур. Рассмотрим каждый из таких типов в отдельности.

Первый особенно отчетливо выступает при психических расстройствах раннего возраста, в частности при шизофрении. Так, у одного больного (случай К.) после начала процесса в 3 года появились следующие особенности: повторял слова вопроса, произносил фразы из прочитанных взрослыми книг или отдаленно связанные с содержанием вопроса, речь во 2-м и 3-м лице, позднее речь, ни к кому не обращенная, бес-связная речь, отдельные слова.

Другой случай. Больная Л., 4 года, вслед за началом шизофренического процесса заболела корью. После этого почти перестала разговаривать, появилась картавость, свойственные более раннему возрасту интонации, удвоение слогов, лепетная речь, смещение ударений, смягчение окончаний слов, перестала отвечать на вопросы.

Примерами второго типа нарушений могут быть расстройства органического характера, прежде всего афазии; в этих случаях первична утрата средства выражения психического, сами же изменения психики, как это показал В.М. Коган [31], сводятся, главным образом, к резкому ослаблению возможностей актуализировать представления и оперировать ими, не имея в своем арсенале средств языка. Органические расстройства другого типа уже более глубоко и в различных планах поражают психи-

ку, и, как правило, их можно истолковать в плане изменений уровневой структуры речи. В своей работе «Фиксированные формы поведения» [21] мы показали, что те случаи глубоких нарушений речи и мышления при болезни Пика, которые Л.С. Выготский с сотрудниками [83] интерпретировали как «соскальзывание на смежные смысловые поля», с большим логическим основанием могут быть истолкованы как нарушения уровней речи³¹, прежде всего ее ведущего сигнификативного уровня, что влечет за собой распад всей ее семантической структуры. При распаде высшего уровня на его месте выступает один из низших речевых уровней, как это видно на примере болезни Пика: у одного больного место ведущего сигнификативного уровня занял индикативный уровень (предметная отнесенность слова – индикативная функция речи), у другого больного – экспрессивный уровень (суть экспрессивной функции речи в том, что она выражает, в основном, аффективные состояния субъекта, и ей недоступны ни описание объективной реальности, ни суждения о ней). Снижение уровня означает, что речь теряет свой статус средства достижения целей коммуникации. Не являясь в подобных случаях уже средством в рамках более сложной структуры деятельности, в которую она включена, речь в своей новой, искаженной функции обуславливает нарушение этой более сложной структуры, что выражается в появлении так называемых застойных симптомов – многократных повторений одной и той же фразы с различным аффективным тоном, обычно усиливающимся, а также в направлении высказываний и действий больного случайно сказанными или услышанными словами. Больные эти оказываются неспособными достичь требуемой цели действия, так как сама цель как бы переходит на уровень своего средства – речи, которая становится самоцелью. Такое описание в терминах структурно-урвневой концепции, по нашему мнению, более приемлемо хотя бы потому, что не нуждается в постулировании особой сущности типа «напряженности внутри психологического поля», но рассматривает речь и ее расстройства в рамках более общей структуры

³¹ Сказанное не означает, что мы не признаем понятий «связанности» или «несвязанности с полем». Они получили значительное развитие в современной психологии – теоретической и экспериментальной, общей и патологической (см., например, М.С. Роговин [53]). Больной Г. Хэда не был в состоянии сказать «нет» вне конкретного отрицательного контекста, а после многих настоятельных требований со стороны экспериментатора воскликнул: «Нет, я не могу этого сделать». Больная К. Гольдштейна также вне контекста не могла привести названия животных. Больной, которого наблюдал Э. Кассирер, не мог ни о чем говорить, чего он непосредственно не наблюдал бы. Так, он никак не мог сказать «сегодня плохая погода», если день стоял солнечный, ясный.

взаимоотношения субъекта и окружающей его реальности при осуществлении им функции интерпретации и регуляции.

Если, повторяем, оба рассмотренных типа патологии носят достаточно грубый характер и явно выходят за рамки самих языковых структур, третий тип патологии выражен в меньшей степени и обусловлен тем, что при использовании языка как самодовлеющей системы, заключающей в себе совокупность целей и средств, Должны выявляться и более тонкие изменения психики внутри самой этой системы. Язык – не только средство формирования, с одной стороны, абстрактных, с другой, как это видно на примере К. Аллена³², патологических значений. Степень изменения языковых структур есть критерий особенностей и глубины психических изменений. Как видно из предыдущего, это изменение структур всегда направлено от высшего уровня цели (семантики) к уровням средств. Но поскольку это снижение уровней владения языком следует собственным законам, наиболее частое его проявление – подмена лингвистически оформленного и целенаправленного высказывания ассоциативными связями. Так, в наших экспериментах больные хроническим алкоголизмом подменяли ассоциациями необходимые по инструкции простые аналогии. Вот еще примеры выражаемого в речи снижения уровня. Так, у больного М. (давний шизофренический процесс, осложненный алкоголизмом) связанная речь низводится на уровень ассоциаций, а в пробе на свободные ассоциации у него доминирует еще более низкий уровень отдельных разрозненных слов. В другой серии экспериментов (проба классификации) больной шизофренией (случай Н.) объединяет «ботинки» и «карандаш» на том основании, что их «чинят». Другой больной О. (с тем же диагнозом, но не резко выраженным бредом преследования) видит ноги своих врагов на верхней площадке лестницы, но как только он их называет, ноги исчезают.

Ясно, что здесь вербальное выступает на место предметного, вытесняет этот более высокий уровень отношения к реальности (правда, по отношению к галлюцинации выступает в корригирующей роли). Вместе с тем, как об этом свидетельствуют более общие психологические данные, снижение уровня есть по большей части не только изоляция его от контекста деятельности и общения, но и его стагнация – превращение в фиксированную форму поведения [21]. Отсюда логично предположить утра-

³² Убольной с сильным вербальным галлюцинозом, после того, как имел место тромбоз центральной мозговой артерии с последующей афазией, полностью исчезли все галлюцинации; по выходе из состояния афазии больная отмечала точное совпадение по времени между началом афазии и прекращением «голосов» [116]. На аналогичный факт указывают биографы, но выражению Э. Канга, духовидца Э. Сведенборга.

ту или хотя бы резкое снижение присущей языку метафоричности. Действительно, в речи больных часто наблюдаются именно такие сдвиги, когда утрачиваются различия между прямыми и переносными значениями слов.

Один больной шизофренией (случай П.) рассказывает о том, как он не смог в каком-то учреждении решить один вопрос: «Там была приоткрыта дверь, и вопрос остался открытым». Другой больной Р. (шизофрения, простая форма) говорит: «У нас конфликтная ситуация, мать хочет ввести брата в право наследования, а всего-то две комнаты, 12 и 7 метров, куда же его вводить».

Вполне можно предположить, что хорошо известные трудности больных шизофренией в понимании переносного смысла пословиц являются уже вторичными и обусловлены первичным, более фундаментальным изменением владения языком, а именно утратой метафорического свойства слов.

Конечно, во всех этих сдвигах большую роль играет и эмоциональный момент, причем важно отметить, что последний, особенно эмоция страха, проявляется при глубине патологии гораздо меньшей, чем мы рассматривали до сих пор, в частности, еще на невротическом уровне. В этой связи С.Н. Давиденков писал, что «навязчивый страх, связанный с болезненными представлениями, прокладывает себе путь по каким-либо ассоциациям, например, распространяется на одни только названия объекта фобии или даже на различные слова по созвучию. Так, одна больная, испытывавшая страх перед змеями, вскрикивала или начинала дрожать, если случайно слышала слово «змея», а один больной, боявшийся заболеть раком, очень волновался, если слышал слова, похожие на слова «рак» («краб», «брак», «раковина» и т.д.) [15. С. 98].

Таким образом, поскольку при активном использовании языка и других знаковых систем в качестве средств широко понимаемой интерпретации последняя нередко выступает как самостоятельная, в значительной степени уже отделившаяся от общей жизнедеятельности организма функция, она на известных этапах патологического процесса может быть гипертрофирована. Действительно, помимо специальных видов бреда (знакового, интерпретационного), по существу в каждом виде бреда встречается эта гипертрофированная патологическая интерпретация. Аналогично в качестве гипертрофии уровня речи следует рассматривать такие симптомы шизофренического процесса, как резонерство, «философскую интоксикацию». Сопоставим это с экспериментально установ-

ленной закономерностью, согласно которой приписывание смысла незнакомому слову у больных шизофренией идет по пути идентификации его с общим смыслом той фразы, в которую это незнакомое слово включено, т.е. по пути фактически дублирования смысла фразы, а не формирования конкретного значения данного слова внутри данного контекста. Это свидетельствует об ослаблении структурных характеристик речи наряду с тем, что в плане структурно-уровневых представлений есть и большее, чем для нормы, «сближение» различных компонентов функционирования речи при общем доминировании тенденции к диффузному обозначению словом (в этом плане были получены данные, значимо различавшиеся на уровне 0,01 [262]).

Шизофреническое расстройство психики, начинающееся с дезорганизации смысловых связей индивидуального сознания больного, совокупности, в большей мере детерминированной системой значений, выражаемых с помощью языка, при дальнейшем углублении процесса, при утяжелении состояния больного имеет своей следующей ступенью распад значений отдельных слов, место которых заступают частичные значения, «соприкасающиеся с основным где-то в одной точке» (явление «тангенциальности»); это выявляется и в даваемых больными определениях типа «отдаленной связи». А затем идет следующая стадия углубления процесса, когда он захватывает и языковые средства как таковые, т.е. систему речевых навыков, «носителей» смысла, прямо соотнесенных с материальным его выражением. И тогда врачи-психиатры и патопсихологи фиксируют различные по степени выраженности, но все же типичные по своему характеру изменения речи («неоглоссии»).

Все высказанное относительно регуляторной функции экзогенных факторов и о роли в этом языка и речи реализуется внутри такого важнейшего психопатологического параметра, как соотношения «Я» и окружения. Действительно, по меньшей мере, по нескольким фундаментальной важности значениям этого параметра (за каждым из которых стоят конкретные обуславливающие определенную динамику симптомов механизмы) можно проследить регуляторную и структурообразующую роль не только самой внешней реальности в формировании психической патологии, но и ее вербального кодирования. Это присвоение и отчуждение (как известно, сдвиги этих значений особенно отчетливо проявляются при бреде: отчуждение собственных чувств, мыслей и актов поведения наряду с доступностью внешним воздействиям, «открытостью всем ветрам»); далее, опредмечивание (реализация собственных психических

возможностей в процессе предметной деятельности, использование в целях этой деятельности объективно существующих наличных материальных и духовных продуктов, репрезентирующих уровень общественного развития); и, наконец, распрямление (превращение этих продуктов в процесс реализации своего психического потенциала); можно также указать, на непосредственно обусловленный функционированием системы языка процесс придания смысла и значения (означение) и обратный процесс десемантизации.

Под углом зрения изменения уровней структур актуализации личности и действий (как ее индикаторов в психологическом эксперименте, см. 3.4) возможное доминирование вербального в психопатологической симптоматике есть не что иное, как снижение акционального уровня на низшую ступень, представляемую языком (в норме это лишь подчиненный уровень средства). Конечно, процесс распада может затронуть и более глубокие уровни, и тогда такого типа симптоматика отойдет на задний план. Раз сдвиги в вербальной сфере – это лишь частный случай, следует указать и на имеющие место при снижении уровней реальных действий на регулирующие их механизмы восприятия, внимания, памяти. По-видимому, снижение уровня актуализации личности может идти различными путями и затрагивать различные психические функции, однако, возможности фиксировать эти изменения в эксперименте или даже выразить их в научных понятиях не одинаково для различных функций.

Пожалуй, наиболее наглядным примером патологического снижения уровня является распад соотношения Целого и части (в норме часть и целое воспринимаются как осмысленное единство при доминировании целого) и обособление отдельных частей. М.С. Лебединский указывал, что восприятие больных шизофренией характеризуется следующим. Многие детали как бы выделяются из целого и принимают самодовлеющее от целого значение, преобразуя и самое целое; то же самое нарушение соотношения части и целого, содержания и формы отмечается и в восприятии наглядных изображений. М.С. Лебединский подчеркивал, что существует явная аналогия практической деятельности больных шизофренией, когда «задача деятельности отступает на задний план перед частными операциями». И здесь отдельная операция, не порывая целиком с действием, в которое она входит, в «исходе его оказывается недостаточно определенной задачей этого действия» [36]. Как бы развивая приведенный выше тезис Л.С. Выготского о речевых расстройствах как прототипе патологических изменений более широкого круга, М.С. Лебединский

писал об «обесмысливании», «полисемантизме», которые характеризуют речь больных шизофренией. Именно десемантизация, нарастающая при прогрессе заболевания, независимость отдельной операции от единого общего смысла действия обуславливают и высокую лабильность, неустойчивость выработанных в прошлом опыте индивида структур. По-видимому, существует явная аналогия к многочисленным современным исследованиям константности величины при шизофренией. Вопрос о том, как меняется при этом константность воспринимаемых физических величин, остается пока неясным, но, принимая во внимание все своеобразие функционирования речевых связей при шизофренией, можно думать о нарушениях семантической константности. Отсюда – прямые логические связи с такими центральными для всей психопатологии понятиями, как «дезинтеграция», «диссоциация», «отщепление», «амбивалентность»³³.

Если изменения речи – это показатель какого-то определенного снижения акционального уровня, то изменения на иных уровнях могут служить указанием на иное протекание патологического процесса (естественно, мы не должны думать о каких-то жестких стабильных последовательностях уровней, по образцу пространственных уровней; ведь вся идея их структуры остается интрапсихической, т.е. существующей лишь по отношению к уровню цели). В связи с изменением иных, кроме речевого, акциональных уровней отметим факт транзиторных, не просто дезинтеграционного типа расстройств, которые выделяются А.В. Снежневским [87], в качестве достаточно типично. Они проявляются на ранних этапах развития шизофренического расстройства в виде явлений типа навязчивого счета и выступают наряду с другими невротоподобными симптомами, но в более выраженных случаях обретают характер распада восприятия. Такие больные, например, видят не дерево целиком, а очень четко, с очерченными контурами воспринимают отдельно ствол, листья, ветви; не видят стены, а четко видят трещины, какие-то штрихи; или в виде точек и линий контурируется лицо собеседника; видят не стол целиком, а четко, отдельно ножки стола. Остальные предметы вокруг в такие периоды как бы расплываются, не фиксируются.

Автор известной методики, построенной на принципах гештальтпсихологии, Л. Бендер настаивает на том, что шизофренические расстрой-

³³ Если можно рассматривать невроты в плане проблемы средств (прототипом для которых является структура речи), то не представляет ли собой полиморфизм шизофренической симптоматики, связанной со снижением уровня действия, дальнейшее их развитие в психопатологическом плане (углубление патологии, изменение роли сознания и т.д.)? Это «средства», которые выбирает уже не человек, но патологический процесс.

ства распространяются на область формирования и функционирования гештальтов. Она указывает в этой связи на беспорядочные и диспропорциональные рисунки больных, особенно в остром состоянии, с примитивными записями. Среди же личностно сохранных больных с параноидной формой шизофрении она отмечает преувеличенную педантичность, детализацию, а также значительные отступления от размеров, пропорций и расположений. Она указывает также на тенденцию некоторых больных использовать для изображения деталей предъявлявшейся картинке отдельные листы бумаги. Л. Бендер видит во всем этом диссоциацию между стремлением к самовыражению и возможностью для этих больных формировать перцептивные гештальты, а также трудности внутреннего расчленения близких функций, в результате чего самовыражение больных принимает форму неуклюжих нагромождений³⁴.

Хотя, как свидетельствуют специальные исследования, между органикой и шизофренией непосредственно в области восприятия трудно провести жесткую грань, все же общая тенденция к диссоциации с одновременным снижением уровня действия более характерна для шизофрении (не исключено, что при органических по своей этиологии расстройствах такого типа симптоматика «перекрывается» со стороны общего снижения, обеднения психики, т.е. симптоматикой, типичной для собственно органики). У больных шизофренией диссоциативная симптоматика, проявляющаяся в восприятии, является, по-видимому, естественным продолжением имеющего место на более высоких уровнях распада смыслообразования. В результате этого процесса объект либо теряет свою целостность, и ослабляется его вычленение из окружения, или оно становится в большей степени обусловленным полем: так, величина рисунка, выполняемого больными шизофренией, нередко оказывается зависимой от величины листа; либо целостный объект распадается, и один из его фрагментов, один какой-либо аспект становится репрезентантом всего объекта, причем, как это хорошо известно, очень часто этот фрагмент, или аспект, оказывается объективно незначимым. Так, один больной со сложной этиологией расстройства (шизофрения под вопросом, травма, психопатизация личности) выполняет пробу классификации, ориентируясь на цвет рисунка.

Процесс семантического распада объекта, как мы видели на примерах, приведенных С.П. Давиденковым, начинается еще па относительно не-

³⁴ Хотя автор и склонна распространить диапазон своей, направленной на акт гештальтообразования, методики и на шизофрению, наилучшие ее результаты, как и следовало ожидать, – в области органически обусловленных расстройств психики [122].

большой глубине расстройств (на невротическом уровне), но достигает своего пика при шизофрении. При этом ведущие в невротическом синдроме эмоциональные компоненты налицо, хотя и уже в трансформированном виде, и при шизофрении. Центром приложения эмоционального заряда становится какой-либо один и притом незначимый фрагмент объекта. Болгарский психиатр К. Займов приводит пример больного параноидной формой шизофрении, который, считая, что ему изменяет жена, обосновывает это следующим рассуждением: жена любит синий цвет – и подозреваемый в качестве ее любовника мужчина носит синий костюм. Паралогизм подобных отклонений мышления заключается по существу в том, что последнее оказывается сведенным к низшему уровню ассоциативных связей. Отчетливо поддается интерпретации в плане уровневой структуры при неврозах и особенно при шизофрении ухудшение селективности вместе со снижением порогов, в результате чего не только распадаются автоматизированные в прошлом опыте навыки, но и возникают либо противоборствующие эмоциональные импульсы, либо импульсы, парализующие реальные предметные действия, либо имеет место извращение самого действия.

Явным примером снижения уровней действия при шизофрении, выражающимся в сдвиге с цели деятельности на вспомогательные операции при семантическом выхолащивании уровня цели, является нередко встречающееся при этом заболевании карикатурное, нелепое коллекционирование. Так, один больной коллекционировал собственные экскременты, другой – экскременты различных видов животных и т.д.

В клинике практически наиболее часто встречаются снижения реального действия на разнообразные и различные по своему клиническому значению формы вербации (вербальные галлюцинации, эхо мыслей, резонерство, бред). П. Жане во многом связывал эту симптоматику с конституциональными особенностями психастеников и объяснял ее неспособностью этих больных преодолевать реальные жизненные трудности, что в свою очередь, обусловлено «снижением психического напряжения». С точки зрения П. Жане, дивергенция между «реальным» и «вербальным» поведением является наиболее демонстративным примером снижения уровня действия. Он приводит много случаев, где речь выступает как самоцель (при этом и немало аналогий между речью детей и случаями патологии, т.е. П. Жане стремится дать эволюционное, генетическое объяснение патологии). В приводимых им случаях речь является заменой реального действия, а потому нередко представляющейся бессмысленной при на-

блюдении. П. Жане выделяет в качестве особого симптома «беспочвенную речь» (*langage inconsistant*), относящуюся к несуществующим и несбыточным событиям, которую он тем не менее отличает от бреда; по мнению П. Жане, здесь нет типичной для бреда извращенной интерпретации, а лишь снижение на тот уровень, который предшествует вере, обусловленный использованием языка (подробнее об этом см. [51]).

Конечно, наивно было бы представлять складывающуюся в результате болезненного процесса психическую патологию в духе линейного эволюционизма³⁵ и считать обязательным снижение на строго последовательные ступени фило- и онтогенеза. В действительности дело обстоит иначе. Структура индивидуальной психики – это результат взаимодействия множества врожденных и прижизненных факторов, а характер и стабильность той или иной подструктуры чрезвычайно вариативны. То, что развивается как функция, то распадается как структура, по своим аутохтонным законам, и здесь, казалось бы, «ближайшие» к патологическому процессу уровни функционирования могут остаться интактными, а пораженными – уровни «отдаленные». Иначе говоря, по-видимому, возможны «скачки» через многие промежуточные уровни. Возможно, что с этих позиций можно подойти к объяснению феномена бреда, что, по словам Г. Груле, есть самая большая загадка психиатрии. Вспомним в этой связи, что Э. Крепелин (1920) видел в бреде оживление филогенетически раннего этапа развития, как бы первичной биологической настороженности. Сопоставив это с так называемой личностной сохранностью параноидных больных, можно заключить, что здесь имеет место именно такое выпадение из вовлеченности в патологический процесс многих промежуточных уровней. Аналогично, трактовка с точки зрения лакунарной уровневой структуры («замыкания» сразу на низшие уровни) возможна таких явлений, как сенестопатии, соматизированные психозы К. Вернике, соматизация психического при шизофрении, на чем, в частности, делает упор Е.Н. Каменева [27]. Так, у одной больной (диагноз шизофрения с приступообразным течением и аффективными колебаниями) отмечались следующие особенности. Личность сохранна: больная стенична, работоспособна, целеустремленна. Личность шизоидная (больная рационалистка, аутична). На период обследования выявляются два вида бреда: преследование и любовный бред, последний сочетается с сенестопатиями сексуального содержания.

³⁵ Эволюционно-биологическому подходу к пониманию психической патологии посвящена коллективная монография [23].

В общей динамике понятий психопатологического исследования понятия уровневой структуры и своеобразия ее распада не составляют еще полного объяснения рассматриваемых явлений, поскольку относятся в этом смысле к числу промежуточных; однако они позволяют нам рассматривать фиксируемые ими явления в их взаимоотношениях и в качестве результата действия определенных психологических механизмов.

Структурно-уровневый анализ патологии как объекта может быть полезен и в том, что помогает исследователю осознать, что его собственное суждение о ней как косвенное отражение этой структуры в его системе понятий также есть иерархическая уровневая структура. Поэтому ошибка, допущенная на одном уровне может вызвать «цепную реакцию» – ошибки и на других уровнях. В целом, мышление врача или патопсихолога имеет своей отправной точкой неполную, многозначную и неопределенную информацию, и, это, в конечном итоге, обусловлено самим объектом познания. Его специфика определяет те границы, в которых протекает процесс вынесения диагностического и прогностического суждений. Мышление в рамках клинического метода можно сравнить с движением исследовательского судна вверх по незнакомой реке в поисках ее верховья; на пути этого движения вверх встречаются многие притоки, их следует заметить, занести на карту, но не сворачивать в них, ибо конечная цель экспедиции – найти настоящие истоки – причину патологии.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что использование клинического метода помимо обусловленности со стороны объекта и системы объектных понятий, в значительной степени адсорбирует все ранее рассмотренные методы, особенно наблюдение и герменевтический метод, но также и самонаблюдение и биографический метод. Вместе с этим клинический метод может включать в себя эксперимент, точнее его патопсихологический вариант, данные которого включаются в клинический метод в качестве его составной части наряду с другими функциональными пробами [50].

3.3. Патопсихологический эксперимент

3.3.1. Соотношение психиатрического (медицинского) и экспериментального патопсихологического исследования

В отличие от первых попыток в этом направлении, применение на сегодняшний день психологического эксперимента в клинике предполагает

предварительное решение ряда теоретических вопросов. В отношении видов патопсихологического эксперимента ограничимся тем, что в контексте нашего изложения выделим на основе назначения три вида: 1) поисковый собственно научный эксперимент, направленный на выявление неизвестных или недостаточно известных патологических закономерностей; 2) диагностический эксперимент (при уже достаточно изученной патологии он должен подтвердить или опровергнуть гипотезу об отнесении данного больного к определенной нозологической категории, различая при этом нозографический этап применения диагностического эксперимента, а затем и уточнение внутри этой категории фазы, ремиссии, дефекта и т.д. – динамический этап применения диагностического патопсихологического эксперимента); 3) контрольный патопсихологический эксперимент, направленный на установление надежности и обоснованности самой методики³⁶. С другими теоретическими проблемами дело обстоит сложнее. Многие из них еще и сегодня являются дискуссионными. Все, что относится к общим проблемам методологии экспериментального исследования, не обходит стороной и патопсихологический эксперимент, но к этим общим проблемам присоединяется и то, что обусловлено непосредственно условиями клиники. Вопросы теории патопсихологического эксперимента в равной мере могут рассматриваться как в рамках клинического метода (патопсихологический эксперимент как компонент клинического метода), так, при анализе самого экспериментального метода в целом.

Такое промежуточное положение патопсихологического эксперимента уже само по себе объясняет следующий хорошо известный из литературы факт: полемический накал в обсуждении ряда спорных теоретических вопросов общей методологии исследования значительно усиливается, как только эти вопросы переносятся в область психопатологии. Отмечая самые, по-видимому, важные из них, Ж. Делей и П. Пишо говорят о дискуссии вокруг таких вопросов как: не принесет ли с собой применение экспериментального метода в клинике необходимость жертвовать индивидуальным ради общего, абстрактного; каковы разумные границы обобщения получаемых в эксперименте данных (как известно, Г. Олпорт настаивает на том, что эти границы нельзя раздвигать за пределы лишь того индивида, который подвергся исследованию); далеко ли простира-

³⁶ В принципе возможны различные классификации патопсихологического эксперимента и на разных основаниях. Прежде всего можно построить ее по образцам, применяемым как классификации эксперимента в общей психологии. Широко применяется разделение на собственно эксперимент и тесты (где в основу положены «нормы»), а последние подразделяются на «объективные», «проективные» и т.д.

ются объяснительные возможности законов в патопсихологии; каковы соотношения общих определений и индивидуальных вариантов; в результате применения эксперимента в клинике не приносятся ли также в жертву объективному – субъективное, целостное – аналитически расчлененному и т.д. [146].

Поскольку мы стремимся подчеркнуть внутреннее единство всех наук о психике, правильным будет – по прямой аналогией с общей патопсихологией – утверждение, что и в патопсихологии стержневая проблема – это соотношение общего и частного. Трудности ее решения усугубляются уже выходящими за рамки собственно психологии проблемами нозологического порядка, поскольку при установлении валидности и надежности патопсихологического эксперимента необходимо соотносить его данные с определенными нозологическими единицами как с внешними критериями.

При анализе всех этих не только теоретических, но и вполне реальных практических задач следует иметь в виду ту сложную историю гипотез, подтверждений, опровержений и модификаций, которыми характеризуется применение психологического эксперимента в клинике³⁷. Уже столетие тому назад Э. Крепелин в своем стремлении поставить изучение душевных расстройств на экспериментальную почву, начал применять в клинике те экспериментальные методы, которые разрабатывались в лаборатории В. Вундта. С современных позиций мы можем объяснить весьма ограниченные и спорные данные, полученные на ранних этапах применения экспериментально-психологического метода, тем, что их тематика (например, активно проводившееся исследование порогов) не была репрезентативна по отношению к структуре психических расстройств³⁸, а также тем, что была допущена гипергенерализация данных, но отнюдь не тем, что принципиально ложной была сама идея. Все последующее развитие патопсихологического эксперимента в клинике оказывается связанным с общетеоретическими и теоретико-медицинскими установками

³⁷ Литература по развитию патопсихологического эксперимента и обусловленных этим развитием теоретических проблем весьма немногочисленна (см. [63, 75]).

³⁸ Есть все основания полагать, что из всей совокупности разрабатывавшихся уже тогда вопросов, в основном проблема ассоциативных связей и направленный на их изучение ассоциативный эксперимент относились к самому существу многих видов психических расстройств. В значительно меньшей степени это относится к таким темам, как простые реакции и реакции с выбором, объем внимания и запоминания. Как видно на примере порогов, ряд областей общей экспериментальной психологии вообще не получил дальнейшего развития в клинике.

отдельных психопатологических течений и школ, которые, расходясь в понимании природы психической патологии и путей ее изучения, так или иначе должны были принять определенную позицию и в отношении патопсихологического эксперимента. В американской психопатологии, где большое влияние имеют антиклинические тенденции, неоднократно предпринимались попытки представить область психической патологии через призму экспериментально-психологических данных. По-видимому, наиболее полной и последовательной такой попыткой следует считать известный труд Д. Рапапорта с сотр. [226], но в целом это теоретическое направление наталкивается на ряд непреодолимых препятствий – начиная от многозначности получаемых данных, сложности дифференциации общего, частного и индивидуального в патологии, и вплоть до необходимости последовательного сопоставления систем психологических и собственно клинических понятий при интерпретации этих данных.

Противоположными, в целом столь же неприемлемыми для нашей психологии можно считать направления феноменологически и антропологически ориентированной психопатологии, которые в принципе не принимают экспериментального метода. Так, К. Ясперс в своей фундаментальной «Общей психопатологии» уделяет ему всего несколько скупых слов, и даже приводит замечание П. Мебиуса о том, что результаты патопсихологического эксперимента – «это мелочь». Подобные заключения, безусловно, расходятся с истинным положением в этой области, и они целиком обусловлены исходными теоретическими установками их авторов.

Современная патопсихология – как синтетическая картина проведенного огромного числа конкретных патопсихологических экспериментов, уже с вполне достаточной четкостью определяет свою теорию, возможности и ограничительные условия патопсихологического метода, пути интерпретации его данных и свое отношение к медицине, к таким ее разделам, как клиническая психопатология, психиатрия, неврология, эндокринология и разные области соматических расстройств. В отличие от необходимости обсуждать в значительной мере априорные установки о целесообразности или нецелесообразности психологического эксперимента в клинике, современная наука уже ведет этот диспут не только на уровне абстракций, но и в рамках конкретных проблем, соотносимых с определенными видами психических расстройств.

Можно считать общепринятым в настоящее время тезис, согласно которому, собственно психопатологическое (медицинское) и патопсихологическое исследование, имеющие, по существу, один и тот же объект,

совпадают не полностью; по крайней мере, результаты патопсихологического эксперимента не могут быть непосредственно выражены в медико-диагностических значениях и интерпретироваться лишь в этом плане [227]. Что же касается существа этих расхождений, то здесь отмечается довольно широкий диапазон различий во мнениях, отражающий различные уже не только специальные психопатологические, но и общие, гносеологические, теоретические подходы. Остановимся на этом несколько более подробно.

Такие известные авторы, как Д. Хант [175] или Г.Ю. Айзенк подчеркивают, что задачей экспериментального патопсихологического исследования не является разработка вопроса о «наличии групп людей, страдающих от обусловленных определенными «причинами» психических расстройств, и в значениях дефектов функционирования определенных психологических систем» [155]. Айзенк считает, что 1) патопсихология как одна из «наук о поведении» (behavior science) противопоставляется психиатрии как медицине; 2) если последняя ищет «причины» нарушений (причем и это для него не есть истина, и не случайно, что он берет это слово в кавычки), то для патопсихологии не существует «той единой причины нарушения, которую ищет медицина» [155]; истинно научным является подход патопсихологический, т.к. он объективен (допускает количественное выражение своих результатов, верификацию и т.д.), в то время как множественные объяснения в психиатрии «субъективны» и поэтому недостоверны; 4) ту патологию, которую в традиционной психиатрии обозначают так эндогенные психозы, но которые в американской психиатрии считаются «функциональными расстройствами», следует изучать и оценивать лишь с помощью патопсихологии, но не психиатрии.

Нет смысла опровергать здесь каждое из выдвигаемых Айзенком положений, поскольку в них явно проступает рассмотренное выше неадекватное понимание системы наук, да и критика таких взглядов уже неоднократно была дана в нашей отечественной литературе [71]; отметим только, что общей основой для этих всех пунктов является переоценка экспериментального метода, недостаточное понимание его гносеологической природы, а также и то, что связь между всеми пунктами рассуждения не столько логически обоснована, сколько зиждется на некоторых, далеко еще не доказанных допущениях.

Взгляды, в некоторых аспектах близкие Айзенку и представляемому им направлению (Р. Кеттелл, Г. Тойбер, У. Холстед и др.), но все же отли-

чающиеся от них в других аспектах, высказывает по рассматриваемой проблеме П. Кершбаум [187]. По мнению этого автора, медицинское исследование действительно направлено на установление причинно-следственных связей (болезнь – изменение поведения); целью экспериментального психологического исследования, исходящего из знания структуры нормальной личности, являются своеобразия интрапсихических взаимосвязей и взаимовлияний, возрастные и иные – в том числе и социально-культурные изменения, т.е. структура психики, ее функции, ее динамика, в конкретных, экспериментально обусловленных действиях. Далее, по мнению Кершбаума, в экспериментальном психологическом исследовании выявляются два различных обуславливающих особенности патологии фактора: непосредственно причинные в отношении к действию и факторы, влияющие на действие, динамические (установки, эмоциональные и волевые компоненты и т.п.). Поскольку функциональные изменения при патологии могут быть весьма разнообразными, также разнообразным должен быть и патопсихологический эксперимент. Его основные цели – дифференциация и квалификация непосредственно выявляемых особенностей поведения (выражающихся через снижение знаний, отказов памяти, флуктуации внимания, ригидности, сложности принятия решений и т.д.), но могущий иметь различную психологическую природу. Отсюда анализ выполнения того или иного тестового задания вовсе не идентичен анализу, включающему в себя и сферу мотивации. Все это можно обозначить как проведение эксперимента на различных личностных уровнях, хотя сам автор этого термина и не употребляет.

По мнению Кершбаума, экспериментальное патопсихологическое исследование должно в первую очередь дифференцировать непосредственно причинные факторы измененного поведения (как следствие мозговой патологии), так и психогенно обусловленные влияющие факторы; не случайно при этом используются введенные К. Бирнбаумом собственно психиатрические термины «патогенные» и «патопластические», что не согласуется с исходным пунктом о достаточно жестком разграничении медицинского и психологического подходов в исследовании патологии. Говоря о развитии патопсихологического эксперимента, Кершбаум отмечает два направления в этом процессе: разработку т.п. тестов личности в аспекте вычленения из них результатов показателей патологии, и разработку психометрических средств для измерения таких переменных, как чувство страха, тревожность, ригидность с помощью анкет, опросников и тестов, обычно обозначаемых как объективные.

По нашему мнению, анализу соотношения психиатрического и патопсихологического исследования должно предшествовать указание на те, обусловленные самой природой психической патологии ограничения, которые изначально накладываются на патопсихологический эксперимент. Иначе говоря, следует начать с указания на те случаи, когда патопсихологический эксперимент применять нельзя. Здесь мы не можем, конечно, дать исчерпывающий их перечень, укажем лишь важнейшие. Например, нельзя использовать экспериментально-психологический метод с больными в остром состоянии или в состоянии неясного сознания, одним словом, всегда, когда нет уверенности в том, что больной правильно усвоит существо задания. Особо осторожно следует подойти к экспериментированию с параноидными больными, при исследовании которых целесообразность патопсихологического эксперимента может быть поставлена под сомнение по двум совершенно разным причинам. Первая – практика показывает, что личностно сохранные параноидные больные хорошо выполняют психологические задания, и патопсихолог может ничего не обнаружить, тем более, что эти больные настроены по отношению к обследованию, и определенное время они могут концентрировать усилия и не проявлять признаков расстройства; исключение (но важное!) могут здесь составить те случаи, когда – и обычно это бывает при применении проективных методов – будет «задета» имеющаяся у больного система бреда. Вторая причина необходимости осторожно подходить к применению патопсихологического эксперимента с параноидными больными в известной мере обратна первой: больной может по-бредовому расценить всю ситуацию исследования, и тогда, подтвердив, в целом, факт бредовой настроенности больного, патопсихологу ничего не остается, как только пренебречь всеми конкретными данными экспериментов.

Уже даже по принципу рассуждения от противного, можно вывести те случаи, когда применение психологического эксперимента в клинике наиболее целесообразно. В общем, оно дает наилучшие результаты в случаях «стертой», не выраженной симптоматики, вялотекущих процессов, в инициальные периоды расстройства, особенно сосудистого генеза, или в выявлении отдаленных последствий психических расстройств, например, черепно-мозговых травм. Именно в таких случаях, которые, в общем, можно обозначить как характеризующиеся адистингтной симптоматикой, патопсихологический эксперимент предоставляет наибольшие возможности установить не поддающуюся выявлению с помощью других методов латентную патологию (так, например, В.М. Коган пока-

зал роль психологического эксперимента в установлении инициальных стадий при сосудистых расстройствах). В целом, патопсихологический эксперимент в указанных случаях позволяет выразить в объективных значениях и характер психической патологии, и индивидуальные особенности больного, степень сохранности профессионального опыта, проконтролировать динамику расстройства и изменений всей личности в целом, выявить компенсаторные его возможности и, наконец, применять его в качестве действенного средства по уточнению диагноза.

Ограничив, таким образом, область применения патопсихологического эксперимента, мы можем продолжить анализ, как существа патопсихологического экспериментального исследования, так и соотношения его с исследованием психиатрическим. Поскольку в оценке этих вопросов имеются противоречия, прежде всего, в плане различных оценок направленности и возможностей применяемых методов, мы неизбежно должны вернуться к понятию структуры исследования (1.8). Психиатрическое и патопсихологическое исследования, хотя в большинстве случаев имеют общий для них объект, представляют собой разные исследования, и, таким образом, вопрос сводится к установлению тех компонентов, какие у них различны, а какие являются общими. Говоря о различии структур психиатрического и патопсихологического исследований, мы имеем в виду, что различны их как внешние, так и внутренние (понятийные) структуры. В то же время, как это следует из анализа клинического метода (2.6), эти различия не абсолютны, и имеются определенные зоны пересечения.

Безусловно, глубоко различны исходные пункты психиатрического и патопсихологического исследований. В первом основой суждения врача являются факты изменения поведения, действий в условиях повседневной жизни, в обычных жизненных ситуациях, во втором патопсихолог исходит из результатов специально разработанных в той или иной мере качественно и количественно нормированных заданий; исходной здесь является искусственная ситуация эксперимента.

Для иллюстрации того, как мы понимаем взаимоотношение медицинского и психологического исследования, воспользуемся простейшей наглядной схемой. По обе стороны от прозрачного объекта располагаются два источника света; каждый из них представляет один из видов исследования. Лучи пересекаются в некоторой точке внутри объекта; это точка, где результаты каждого из исследований в наибольшей степени совмещены. Таким образом, исходные пункты обоих исследований разные, но далее они во многом совпадают. Действительно, как об этом свидетель-

ствуется практика, применяется не одна какая-то методика, а множество, их результаты сравниваются, дополняются данными наблюдения и беседы, в ходе исследования повышается уровень исследования благодаря тому, что сами испытуемые объясняют и оценивают условия задания и свои действия по его выполнению. Даже уже при таком повышении уровня исследования нередко удается выявить бредовую интерпретацию, оставшуюся скрытой при выполнении исходного задания. Выходя за рамки результатов одной психологической методики, исследование неизбежно протекает в дальнейшем в границах определенных клинических гипотез (например, «невроз», «психоз», «олигофрения», «патологическое развитие личности» или уже: «шизофрения», «дебильность», «остаточные явления травматической болезни» и т.д.).

После временного объединения собственно клиническое и психологическое исследование вновь идут каждое своим путем подобно тому, как расходятся световые лучи после их пересечения внутри объекта. Это расхождение проявляется, прежде всего, в оценке полученной каждым из методов информации. При психологическом эксперименте, который, как указывалось выше, обычно проводится с привлечением контрольных групп, даже в тех случаях, когда между экспериментальной и контрольными группами по результатам эксперимента обнаруживаются статистически значимые различия, необходимы многократные клинические проверки, поскольку в психологическом эксперименте почти невозможно строго выполнять требование рандомизации (т.е. фактически имеет место квазиэксперимент), а группы могут различаться по клинически иррелевантному признаку.

Далее, результаты применения обоих методов расходятся в отношении путей оценки веса тех данных, которые выше были обозначены как адистингтные. С точки зрения общей теории научного познания в подобных случаях мы имеем дело с ситуацией, отражаемой парадигмой Спинозы – *definitio est negatio* т.е. это случай, когда не ясна грань между признаками «относящимися» («положительным, по аналогии с гештальт-образованием – «фигура») и признаками «не относящимися» («отрицательным», «фоновыми»). Оба рассматриваемых метода фактически обнаруживают разные выходы из этой ситуации неопределенности.

Как мог в этом убедиться один из авторов, многократно присутствуя на клинических разборах выдающихся специалистов в области неврологии (Н.В. Коновалов) и психиатрии (А.В. Снежневский), вынесение клинического суждения редко представляет собой «суммирование» адистингтных признаков, но прежде всего есть констатация некоторой внут-

ренной его структуры, не только даже актуальных, но и имплицитных взаимосвязей: уже после такой констатации часть признаков принимается, другая – отбрасывается как иррелевантная, а главное – указывается путь поиска недостающих до явной картины признаков.

Иным будет тот ход рассуждения, который основывается на патопсихологическом эксперименте, который, как на этом был сделан особый акцент, специально предназначен для ситуации с адистингтной симптоматикой. По сравнению с клиническими данные патопсихологического эксперимента изначально более аналитичны, т.е. допускающие суммацию. Но эти данные могут быть действительной основой диагностического суждения лишь при том, что их будет немало, что они будут представлять собой совокупность, массовый, коллективный феномен. Поэтому и при отсутствии сколько-нибудь выраженной симптоматики (дистингтных признаков, позитивных значений, «фигуры») следует коммулировать признаки, которые, взятые порознь, не могут быть расценены как свидетельствующие о патологии. В этих случаях целесообразно построить исследование на по-отдельности взятых максимально упрощенных, но относительно легко суммируемых ответных реакциях с тем, чтобы различия между группами были бы не только статистически, но и диагностически значимыми. Некоторую близость такому подходу представляет собой известная клиническая методика ММРІ, хотя разработана она была не на теоретических, а на эмпирических основаниях [261]. Попытка реализовать принцип адистингтного эксперимента для целей психопатологической диагностики была предпринята нами на материале исследования ассоциативной памяти [72], психической ригидности [19, 20].

Помимо этих различий в оценке данных, клиническое и патопсихологическое исследование имеет выход в разные системы понятий и сферы реальных жизненных связей. Медицина устанавливает причинные зависимости между патологическим процессом и его внешними проявлениями, а патопсихология выходит в область структуры личности, ее взаимоотношений с ближайшим окружением, ее социальный status, компенсационные и реабилитационные возможности и т.д.

3.3.2. Репрезентативность патопсихологического эксперимента

Все сказанное до сих пор о патопсихологическом эксперименте относится к вопросу о соотношении психологического и медицинского подходов к нарушениям психики различного генеза, а также к целевому на-

значению этого эксперимента. Но такие вопросы как сущность патопсихологического эксперимента, и то, почему он оказывается полезным в клиническом исследовании, требуют особого рассмотрения. По нашему мнению, ключом к их уяснению должно быть понимание тех специфических модификаций для общих положений о структуре психологического исследования, которые обязательно оказываются необходимыми при переходе этого исследования в область клиники. Если при исследовании нормы мы констатировали, что внутренняя структура экспериментально-психологического исследования есть косвенное отражение структуры объектов, т.е. всего многообразия реальности, которое может быть выделено в процессе взаимодействия субъекта и его окружения, при переходе в клинику имеет место, прежде всего, соотнесение этого взаимодействия с понятием патологии вообще и ее конкретных проявлений, в частности. Как в теории, так и в практике это общее положение о воспроизведении структуры объекта в методике эксперимента, фактически реализуется в более конкретном содержании как понятие репрезентативности эксперимента по отношению к более широкой, внеэкспериментальной клинической реальности; это понятие позволяет уже непосредственно перейти к оценке информативности и действенности той или иной экспериментальной методики. Несмотря на простоту формулировки, проблема репрезентативности патопсихологического эксперимента представляется весьма сложной. Идея репрезентативности прошла следующие этапы в своем развитии. На первом этапе патопсихологическое исследование выступает как прямое и непосредственное продолжение определенных клинических данных. Результаты применения патопсихологических методов обозначаются как нарушения «соображения», «комбинирования», «сопоставления», «быстроты словесных реакций», «критичности», «счетных способностей», «подражательной способности», «узнавания», «конструктивного праксиса», «живости представления» и т.д. Первый этап развития патопсихологического эксперимента – это конец XIX в. и до начала 20-х гг. XX в.

Второй этап приходится, в общем, на период 20-х– 40-х гг. XX в. Пожалуй, именно в этот период возлагавшиеся на экспериментальные методы патопсихологии надежды были наибольшими. Их цель и назначение виделись в том, чтобы путем систематического применения получить представительные выборки «вербального, перцептуального и моторного поведения» в заранее разработанных стандартизованных ситуациях. Вместе с усложнением патопсихологического эксперимента формируются системы взаимодополняющих методик (батареи тестов), все шире приме-

няются статистические приемы обработки результатов; вместе с тем уже в этот период возникает сомнение в правомочности трактовать данные патопсихологических исследований как прямое указание на определенную нозологическую принадлежность.

Третий этап – это примерно период с середины 1940-х и вплоть до начала 1960-х гг. На этом этапе центральной становится проблема репрезентативности данных патопсихологического эксперимента по отношению к той или иной нозологии. Помимо детальной разработки этого вопроса преимущественно в рамках статистически понимаемой репрезентативности, на протяжении третьего этапа развития патопсихологического эксперимента были проведены всесторонние и перекрестные проверки многих патопсихологических методик. Их результатом явился дальнейший отход от представлений о непосредственной обусловленности данных патопсихологического эксперимента со стороны нозологической принадлежности больного. Сами же экспериментальные данные начинают выступать не в своем непосредственном конкретном значении, а – после применения сложных способов обработки – как указание на скрытую структуру (факторы). К числу такого рода методов следует отнести привлекающую к себе теперь большое внимание методику личностных конструкторов по Дж. Келли [185].

Четвертый – уже собственно современный – этап следует, по видимому, считать с середины 1960-х гг., когда теория экспериментального исследования (к тому времени уже детально разработанная для общей психологии) начинает прилагаться и к патопсихологическому эксперименту. Как определенный раздел общей теории патопсихологического эксперимента особое значение приобретает на современном этапе разработка проблем, связанных с самим процессом исследования и с индивидуально-психологическими особенностями проводящего эксперимент врача или психолога.

На ранних этапах экспериментальной патопсихологии (по нашей периодизации – на первом и втором этапах) исследователи исходили из молчаливого допущения, согласно которому каждой хорошо известной в жизненной практике психической функции – восприятию, памяти, мышлению или же качествам индивидуальности и личности – способностям, темпераменту, характеру – более или менее однозначно соответствует в эксперименте некоторое определенное «измерение» – будь то какой-нибудь психофизиологический показатель (время реакции, пульс, частота дыхания, величина кожно-гальванической реакции, ЭЭГ и т.д.), или же ответное действие испытуемого. Со временем, однако, было установлено,

что все эти показатели очень мало коррелируют друг с другом. Отсюда и вывод, что «пи одна единичная мера не может служить показателем других мер и тем более общего состояния» [199]. Так, в известной работе Н. Миллера [213] о витально обусловленных побуждениях в качестве «меры» ощущения жажды использовались три разные, но (взятые каждый в отдельности), казалось бы, однозначные показатели; корреляция между ними была очень низкой, и выводы, которые можно было сделать на основе первых двух, резко расходились с выводами, сделанными на основе третьего показателя. В других исследованиях, выполненных в развитие известного эксперимента Д. Олдса и П. Милнера о самостимуляции «центров удовольствия» головного мозга, было установлено, что ни темп саморегуляции не является однозначным показателем «удовольствия» [170], ни действия по поддержанию этого состояния не представляют собой прямой противоположности действия избегания [224]. В собственно патопсихологических экспериментах при том условии, что в эксперименте участвует не одна, а несколько контрольных групп, различающихся по возрасту, уровню образования и т.д. [134], было показано путем применения дисперсионного анализа, что частота многих ответных реакций в экспериментальной и контрольных группах существенно не отличаются друг от друга; отсюда и неправомочность заключения о патологическом характере ответных действий только лишь на основании критерия частоты их появления в экспериментальной группе.

Свойство репрезентативности патопсихологического эксперимента структуре расстройства очень важно, более того, оно является, по нашему мнению, главным для понимания сущности патопсихологического эксперимента. Оно, однако, не выступает изолированно, но в сочетании с другими особенностями патопсихологического эксперимента, делающего его действенным инструментом познания в клинике. Вернее говоря, остальные особенности патопсихологического эксперимента обеспечивают, в конечном итоге, его репрезентативность. Среди таких дополнительных, но важных характеристик патопсихологического эксперимента выделим прежде всего свойство сенсibilизации. Под этим термином имеется в виду следующее: рассматривавшаяся до сих пор как в известной мере мешающая исследованию искусственность психологического эксперимента может в ряде случаев обернуться положительной стороной, ибо снижает пороги реагирования и тем самым способствует выявлению патологии. В значительной мере это может осуществляться потому, что патопсихологический эксперимент служит еще одной цели. В обыденном

поведении и общении, и даже в ответах на вопросы врача-психиатра значительна доля зафиксированных функций, навыков, которые маскируют патологию. Ситуация патопсихологического эксперимента – одно из действенных средств устранения такого рода автоматизмов. Обратный счет, зеркальное рисование, многие пробы Г. Хэда служат цели снятия автоматизмов, скрывающих патологию; ассоциативный эксперимент создает условия деавтоматизации нередко скрывающих патологию речевых навыков; он помогает воспроизвести связи и отношения, не только отражающие динамику эмоциональной сферы, но и не контролируемые сознанием.

Из того, что было сказано в отношении репрезентативности патопсихологического эксперимента, ясно, что полное его осуществление не только практически трудно достижимо, но и теоретически весьма сложно. На практике это преодолевается на пути использования патопсихологами не одной, а множества взаимодополняющих методик (реализация принципа дополнительности), и, таким образом, дело оказывается не в репрезентативности одной какой-то методики, а целого их комплекса. С другой стороны, репрезентативность повышается, если мы оперируем не отдельными признаками и особенностями, а обобщенными категориями, типизирующими группами. Так, В.М. Коган, рассматривая роль патопсихологического эксперимента в неврологической и психиатрической клиниках отдаленных последствий ЧМТ выделяет группы измененной активности без нарушения познавательных процессов, изменения психомоторной сферы, замедления психических процессов при суженном объеме восприятия, изменения психической деятельности по органическому типу со снижением интеллекта, нарушение целенаправленности [34]. Именно при таком обобщенном представлении внеэкспериментальной клинической реальности сам патопсихологический эксперимент оказывается наиболее информативным и действенным. Это – прямая аналогия повышению согласованности психиатрических диагнозов при переходе от специфических нозологических категорий – к более общим [173].

Указанные теоретические трудности вовсе не исключают большого значения многих, не столь уж редких в патопсихологии эмпирических находок, оправдывающих себя на практике. Взяв за исходное основные нозологические категории, можно привести перечень (далеко не полный) тех экспериментальных патопсихологических методик, которые являются по отношению к ним в большей или меньшей степени репрезентативными³⁹.

³⁹ Следует иметь в виду, что данные о степени репрезентативности той или иной методики настолько многочисленны, разнообразны и предполагают такое углубление в область патоло-

Для шизофренических расстройств характерен широкий разброс показателей и относительная независимость результатов от трудности задания в комплексных тестах типа Векслера, что само по себе отражает «мозаичность» психики больных шизофренией. Побочная вербализация, «странные», нетипичные решения нередко сочетаются с ослаблением концентрации внимания и падением энергетического потенциала. Для исследования психики при шизофрении пытаются широко использовать метод Роршаха, но «привязать» особенности шизофренической психики к какому-то одному показателю не удается, и считается, что здесь большая роль должна быть отведена преморбидным особенностям испытуемого. Тем не менее, эмпирически некоторые исследователи приходят к тому, что высокий процент F-реакций (30%) в сочетании с «оригинальными» ответами, при отсутствии ответов типа FF в, множественность ответов типа дефекта, грубые сексуальные или агрессивные интерпетации могут служить указанием на изменения психики по шизофреническому типу. Нередки и интерпетации символического типа (буквы, цифры, геометрические фигуры), ответы типа DG, персеверации, необычное комбинирование и «логизирующие» обоснования своих ответов, – все это, варьируясь в зависимости от особенностей личности, тяжести и стадии заболевания, сочетается с ответами, свидетельствующими об ослаблении адаптационных и познавательных возможностей, о дезинтеграции психических функций, о снижении общей психической продуктивности. Методика ТАТ свидетельствует нередко об изоляции от окружения, выявляет отдельные реакции агрессивного сексуального и символического содержания; представляемые больными интерпетации свидетельствуют об их настороженности, о недостаточной генерализации. Результаты тестов на рисование говорят о дезинтеграции психики, об оставляющем впечатление «странности» сочетании выхолощенных, формальных элементов с сохранными и выразительными. В отличие от процессуальной шизофрении, у шизоидных личностей с психопатическими реакциями отмечается меньший разброс показателей, меньшая степень девиантности и «оригинальности» ответов; интерпетация остается в рамках понятного, реакции сексуального содержания мотивированы и нередко имеют характер нарциссизма. При интерпетации ТАТ они ближе к реальности, чем процессуальные больные, и контролируют этот процесс. Все это может служить дифференциально-диагностическим целям.

гии, которое не может быть представлено в этой работе, имеющей в целом Методологический характер. Поэтому мы даем лишь краткий и обобщенный очерк по этой важной проблеме.

При симптоматических психозах, естественно, по минованию острого периода, с помощью патопсихологических методик можно исследовать в случаях необходимости, в сомнительных случаях степень имеющейся эмоциональной и интеллектуальной дефицитарности. Здесь могут отмечаться общие изменения структуры интеллекта, его ослабление, снижение мнестической функции; дефекты практического интеллекта нередко предшествуют нарушениям интеллекта формального. При высоком преморбидном интеллекте этот процесс может быть в известной мере заторможен. Деструкция отчетливо следует по пути от наиболее тонких функций, действий и эмоций – к более грубым и примитивным. Такие функции как «примечание» (термин В.М. Бехтерева), время реакции, темп при решении визуально-моторных заданий, концентрация внимания, возможности симультанного совмещения действий доступны психометрическим методикам и нередко дают четко дифференцируемые результаты. Применение теста Роршаха и аналогичных методик в их неспецифической роли нередко лучше, чем тесты на запас знаний, дифференцируют нарушения как тонких, так и более примитивных функций. Вообще в проективных тестах у этих больных отмечаются отсутствие нешаблонных решений, стереотипии, отдельные случаи колебаний качества интерпретации и самоконтроля, в тестах на рисование – утрата соразмерности отдельных частей целого.

При эпилепсии надежды на то, что с помощью патопсихологического эксперимента удастся дифференцировать генуинную и симптоматическую формы этого заболевания, пока не оправдались. Здесь также используются психометрические методики для общей характеристики дефицита, как в психомоторных, так и сенсорных реакциях, качественных и количественных нарушений действий, снижения смысловозначительных функций, социальной адаптации и межличностного общения. Попытки с помощью психометрических методик выйти за пределы простой констатации общего замедления психических процессов, отдельных тормозных реакций, резкого снижения пластичности и адаптивности поведения, патологически усиленного процесса возбуждения и обусловленной этим эффективности и эксклюзивности, не прекращаются и на сегодняшний день. В этом плане отмечаются утрата смысла действий в тестах на понятийное мышление, импульсивные решения наряду с ослаблением внимания, общего обозрения ситуации и формирования понятий, что парадоксально сочетается с тенденцией к максимальной точности. При применении методики Роршаха отмечается высокий процент ответов типа Dd,

процент F – свыше 30, повышение времени реагирования, акцентуирование ответов типа FbF, HdF, Fb, Hd. Увеличенное число персеверативных ответов, а также дефектных интерпретаций, агрессивных тенденций и неожиданных ответов высоко коррелирует с неблагоприятным прогнозом. При использовании ТАТ обращает на себя внимание разнообразие сочетаний результатов жизненных наблюдений и критических замечаний по содержанию экспозиций с ригидностью представлений, агрессивными и кверулянтскими тенденциями в их интерпретации. Нередка массовая психогенно обусловленная динамика представлений, затрудняющая отграничение эпилепсии от органических психосиндромов.

При травматической болезни считается целесообразным применение патопсихологических, особенно психометрических методик не только (и не столько) для диагностики, но и для установления глубины нарушения, адаптационных возможностей и в экспертных целях, несмотря на многозначность и лабильность основной патологической симптоматики. Подчеркивается чрезвычайно большой удельный вес индивидуальных особенностей преморбиды, перекрывающих не только локальное звучание, а также подчеркивается значение таких факторов как социальный status, возраст, активность межличностных контактов. С этой категорией больных используется широкий диапазон тестов на достижение (в областях сенсорики, психомоторики, перцепции, речемыслительных и особенно мнестических функции) обычно с постепенным сужением этого диапазона до «проблемного фокусирования» на основной симптоматике, сочетающей нозологическое и индивидуальное. Наряду с дифференциацией патогенного и патопластического определение сохранности профессионального опыта является одним из обязательных задач при проведении такого рода обследования. Особое внимание должно быть уделено не только тому, в какой мере сохранен прежний опыт, но и способность к усвоению нового. Последний, в свою очередь, должен быть дифференцирован в отношении вербальных и невербальных, продуктивных и автоматизированных функций, преимущественно логической и ассоциативной форм усвоения новой информации. Поскольку эта категория больных в клиническом плане характеризуется значительной эмоциональной лабильностью, в патопсихологическом обследовании широко используются тесты с дозируемой эмоциональной нагрузкой.

При расстройствах невротического типа одной из важнейших целей применения патопсихологических экспериментальных методов является определение того, представляют ли они собой действительно невротиче-

ские проявления, или же они сопутствуют более глубокой патологии, «наслаиваются» на нее, или же, что диагностически еще сложнее, это есть неврозоподобные симптомы, манифестирующие лишь определенную фазу в развитии иного заболевания типа эндогенного психоза или же расстройства органического генеза. Собственно невроты манифестируют в патопсихологическом эксперименте общим снижением активности, сужением круга потребностей и интересов, в более выраженных случаях переходящим в нарушения отдельных сторон познавательной деятельности. При выполнении заданий отмечается повышенная избирательность, в отношении отдельных функций – не находящая себе объяснения в объективном состоянии больного дивергенция. Изменения памяти и внимания, проявляющиеся при применении методик низшего исследовательского уровня (т.е. направляющих исключительно на эти функции), при использовании методик более высокого уровня (т.е. исследующих данную функцию уже в структуре личности) оказываются личностно мотивированными. Отмечается резкое расхождение между интенсивностью внешней стимуляции и интенсивностью реагирования, трудности длительных усилий, поддержания стабильного рабочего темпа, вегетативные реакции; отвлечения, сочетающиеся с ригидностью установок, или наоборот, лабильность установок при затруднениях выполнения заданий, легко наступающая, хотя и кратковременная общая дезорганизация действий. Оправдавшие себя в клинической практике репрезентативные по отношению к расстройствам невротического генеза методики – это ассоциативные пробы, пробы на длительные однообразные действия (счет по Крепелину, шифровки, проба Пьерона – Рузера, работа по таблицам Шульце, проба «Круг В.М. Когана», пробы свободного и заданного темпа и т.д.).

3.3.3. Эксперимент в изучении психологических механизмов патологии

Выше были рассмотрены основные задачи использования патопсихологического эксперимента, задачи, порождаемые непосредственно клинической практикой. По самой своей природе, по особому переплетению в области психической патологии общего, частного и индивидуального, применение любой практической психологической методики выливается в исследование. Именно поэтому патопсихологические методики имеют совершенно определенный общий теоретический аспект: они раскрывают характер и динамику тех внутренних психологических механизмов, из-

менения в функционировании которых ведут к патологии; несмотря на это, анализ литературы свидетельствует об обоснованности выделения научного, поискового вида эксперимента, специально направленного на раскрытие психологических механизмов патологии (в том значении термина, которое дано ниже, см. 3.4).

Практика патопсихологического исследования показывает, что собственно научная, поисковая задача установления специфических психологических механизмов той или иной конкретной патологии, во-первых, неотделима от задачи дифференциации этой патологии от общих изменений психики, которые могут быть обусловлены разной патологией (впрочем, та же задача постоянно давит и над психиатрическим исследованием); во-вторых, осуществлению такой дифференциации способствует самая природа патопсихологических экспериментальных методик, их структура. Поскольку патопсихологический эксперимент в идеале структурно воспроизводит определенную патологию, логически следует ожидать, что и его данные могут быть интерпретированы таким образом, чтобы вызвать как общие, так и специфические изменения психики (еще точнее было бы сказать – общие, специфические и индивидуальные особенности патологии).

В действительности так оно и есть: в зависимости от того, будет ли экспериментальное исследование выступать в своей упрощенной или детализированной структуре, акцент придется либо на общее, либо на специфическое, либо на индивидуальное. Так, методики, суть которых – в решении некоторой задачи, относительно независимо от своего содержания выявляют степень сохранности знаний и навыков, дают информацию об уровне интеллекта. Методика Роршаха – в диагностическом плане – есть, прежде всего, воздействие на испытуемого неопределенной, неструктурированной стимуляции, что в ряде случаев обуславливает спонтанные ответы, а именно такого рода ответы, характер которых не определяется структурой внешней стимуляции, представляют наибольшую диагностическую ценность. Даже если бы Роршах не был бы так детально расписан, и не было бы имеющегося перечня признаков, все равно был бы смысл применять такого типа эксперимент в психиатрической клинике. Если бы не было методики рисования человеческой фигуры, также с его перечнем признаков (а как известно, в этих перечнях очень многое спорно, еще больше недоказанного и трудно поддающегося интерпретации), то все равно справедливо утверждение, что любой рисунок психически больного дает информацию о его состоянии.

Как уже было видно даже из краткого перечня репрезентации патопсихологических методик нозологически очерчиваемым формам; патологии, выполнением задачи общего указания на патологию роль патопсихологических методов не ограничивается. Клиника всегда заинтересована в выявлении признаков, имеющих дифференциально-диагностическое значение. Ясно также, что возможности отдельных методик в этом отношении далеко не одинаковы. Случай ассоциативного эксперимента (особенно в варианте свободного ассоциирования), дающий настолько пластические результаты, что они представляются репрезентативными в отношении почти любой патологии, является скорее исключением. Поэтому важно знать, при каких условиях такая репрезентативность в высокой степени обоснована, когда она есть результат эмпирической находки, а когда она остается пока что недостижимым идеалом.

Безусловно, высокая степень репрезентативности достигается в результате тщательного психологического анализа, с одной стороны, особенностей нарушения, и таким построением экспериментальной методики, чтобы ее внутренняя структура максимально соответствовала бы структуре расстройства – с другой. Особенно важно установление экспериментальных критериев для выявления специфических изменений психики при шизофрении. В главе о клиническом методе мы полностью привели определение шизофрении, данное Э. Блейлером [129]. Известно, что как сторонники, так и критики Э. Блейлера сразу же признали, что это определение не клиническое, но психологическое. В этом есть своя положительная и своя отрицательная стороны. Теперь можно добавить, что концепция шизофрении Э. Блейлера, разработанная на основе собственно клинических внеэкспериментальных критериев, находит в значительной мере свое подтверждение в современных экспериментально-психологических исследованиях, например, в работах Д. Жакова, посвятившему этой проблеме уже более пятидесяти лет. Для больных шизофренией, по мнению Д. Жакова, «общая установка» подменяется многими «сегментарными установками», которые проявляют себя как отсутствие внутреннего единства ответов или как несовместимое объединение когнитивных, аффективных и волевых компонентов... Сегментарная установка включает в себя и подготовительную адаптивную фазу реакции, специально направленную на отдельные или даже малозначимые аспекты целостной ситуации «стимул-реакция», а в экстремальных случаях – на что-то, что вообще с этой ситуацией никак не связано» [241. С. 13].

Описать противоположную ситуацию, т.е. случаи, когда применяемые патопсихологические методики оказываются недостаточно репрезентативными, идентично указанию на ограниченность патопсихологических методик как инструмента познания. Как и во многих ранее рассмотренных проблемах, здесь также нет единства мнений, а также, как мы на этом уже останавливались, когда рассматривали развитие взглядов на репрезентативность, со временем они претерпевают определенные изменения. Так, если из всех доступных патопсихологическому эксперименту областей исследования – локальным нарушениям – в недавнем прошлом приписывалось наиболее четкое соответствие между анатомией поражения, глубиной функционального расстройства и данными психологических тестов, то теперь от этой точки зрения большинство исследователей практически отошло. Вели же расчлнить весь процесс применения патопсихологических экспериментальных методик, выделив его основные этапы, то, без сомнения, на интерпретацию результатов придется центр противоречий почти любой дискуссии.

Выше было показано, какие сложности привносит в теорию медицинской диагностики и в понимание существа клинического метода многозначность патологической симптоматики, причем это обстоятельство с особой силой проявляется именно в психиатрии. Патопсихология тоже имеет дело с многозначностью своих данных, которая, во всяком случае, не меньшая, чем многозначность симптомов, из которых исходит психиатрия. Отмечается, в этой связи, неправомотность мнения, согласно которому «получение даже множества показателей отклонений, как в личностных тестах, так и в методиках типа анкет и опросников может непосредственно свидетельствовать о какой-либо тенденции или о манифестном поведении индивида. Переносить нормативные вероятности на каждый отдельный случай – значит допускать методологическую ошибку. Она означает, что упустили из поля зрения большую или меньшую идеографичность каждого отдельного экспериментального результата, уникальной его актуализации, в крайних случаях имеющую спонтанный, произвольный или установочный характер» [187. С. 117]. Обычно трудности в определении того, что репрезентируют результаты теста – структуру личности или состояния, находится ли полученный результат в пределах «нормальной» индивидуально обусловленной вариативности, имеем ли мы дело с патологическим процессом или с заострением черт психопатической личности, с процессом или дефектом и т.д.

Экспериментальные результаты сами по себе ответа на эти вопросы не дают. Никогда нельзя исключить решающего влияния на появление того или иного экспериментального результата стрессовых или во всяком случае патопластических воздействий. Как пишет один из видных теоретиков по этим вопросам Д. Зубин, «мы должны признать, что не удастся настолько усовершенствовать статистические методы, чтобы можно было устанавливать такие симптомокомплексы, которые были бы полностью свободны от сторонних воздействий» [267. С. 376].

Признавая справедливость многих из приведенных положений, можно, тем не менее, констатировать, что применение патопсихологического эксперимента имеет своим результатом более четкое установление психологических механизмов патологии, уже хотя бы в силу общего принципа экспериментального исследования, направленного на существенное уменьшение числа имеющихся у психолога доэкспериментальных гипотез. Это общетеоретическое положение усиливается в клинике тщательным выбором методик, многократным сопоставлением результатов и непрерывным теоретическим анализом, что в совокупности в значительной мере преодолевает имеющиеся здесь трудности и, в конечном итоге, может засвидетельствовать истинную репрезентацию патопсихологических данных⁴⁰.

Как видно из примера Блейлера – Жакова, исследования психологических механизмов шизофрении – одни из наиболее в этом плане демонстративных. К этой экспериментальной серии можно еще добавить хорошо известные патопсихологам методики, направленные на выявление так называемой «гипервключаемости понятий» (Н. Камерон), которые также структурно хорошо воспроизводят клинически заданную структуру этого расстройства. Иначе говоря, экспериментальные показатели типа «сегментарности установок» или «тангенциальности» или же «гипервключаемости» являются, согласно полученным до сих пор данным, в высокой степени репрезентативными в отношении шизофрении – как нозологического единства. Аналогично с помощью таких также хорошо известных методик, как «исключение понятий», «определение понятий» или «понимания переносного смысла», также получают явно репрезентативные результаты. Один больной, рассматривая карточку с изображением шка-

⁴⁰ Пожалуй, наиболее отчетливым примером такого рода комплексного подхода, на основе которого можно составить представление о том, насколько сложны соотношения медико-клинических и экспериментальных клинико-психологических данных и в какой мере они адекватны, казалось бы, простейшей из клинических задач – разработать классификацию в пределах одной из нозологических категорий, является шизофрения; см. [53].

фа, этажерки-комода и кровати, говорит: «Тут кровать лишняя, туда кладутся одушевленные предметы, а шкафы – неодушевленные», что явно указывает на то, что здесь относительно сохранен процесс формирования понятий (раскрытие содержания понятия идет по линии выделения лишь одного, но достаточно существенного признака, т.е. «тангенциальность» еще не выражена), но уже изменен механизм соотнесения части задачи и задачи в целом, что находит свое отражение в диффузном использовании глагола «класть». При объяснении переносного смысла поговорки «мягко стелет – жестко спать» больной говорит: «снег идет, а спать на нем неприятно... стелет природа». И здесь вступает в действие второй патологический механизм, когда неоправданно широкое («гипервключающее» по Н.К. Камерону) понятие (стелет) дает начало боковой линии ассоциаций. Третий механизм – контаминации – еще не выявляемый в вербальной форме, обнаруживается в пиктограмме: при задании нарисовать «старую учительницу» больной начинает изображением человеческой фигуры, а заканчивает глобусом. Сочетание действия этих и аналогичных возможных механизмов и создает в своей совокупности ту типичную картину изменений мышления по типу снижения уровня использования языка у больных шизофренией, которая существенно отличается от того, что имеет место при поражениях речемыслительной сферы другой этиологии. Так, если больной хроническим алкоголизмом, с глубокими изменениями личности, определяя понятие «каменное сердце», говорит, что это «сердце без нервов», то, хотя и здесь на поверхности непонимание переносного значения, это результат действия совсем иных, чем при шизофрении, психологических механизмов (интеллектуального снижения, конкретизации).

Если диагностическая ценность такого рода данных во многих случаях бесспорна, а их соответствие теоретическим положениям повышает ее, то в объяснительном плане они не могут считаться «последней инстанцией». Поскольку, однако, объяснение в науках о психике – это всегда цепь умозаключений, эти данные представляют в ней необходимое звено.

3.4. Психологический анализ процесса сравнительного изучения нормы и психической патологии

Все приведенные выше данные о логике клинического метода (2.6.2) есть в значительной мере идеализированная схема, определяемая, главным образом, особенностями патологии как таковой и конкретных форм

ее проявления. Очерчивая те гносеологические рамки, внутри которых выносятся клиническое суждение о сущности патологии, они еще ничего не говорят о том, как реально протекает процесс клинического познания. Между тем, в связи с вторжением в клинику все большего числа не свойственных ей ранее методик исследования, лабораторных анализов и ряда измерений, аппаратуры и вообще технических средств, этот вопрос приобретает все большее значение. Перед современной клинической психологией, безусловно, стоит задача психологического анализа самого клинического метода, и всего того, что входит в эту общую задачу: роль индивидуальных особенностей субъекта психологического исследования, типов субъектно-объектных отношений, взаимодействий, обучения психологическому исследованию, путей сопоставления используемых в клиническом суждении разнородных данных и т.д. На современном этапе развития клинической психологии уже нельзя, как прежде, ограничиваться общим указанием на то, что в работе одного клинициста доминируют рациональные факторы, что, выдвигая ту или иную клиническую гипотезу, он идет дискурсивным путем, в то время как другой «действует по наитию», следует путем интуиции. Правда, как мы на этом уже останавливались в параграфе 1.9, такая типизация имеет под собой реальные жизненные и психологические основания, однако на сегодняшний день ее явно недостаточно.

Безусловно, этот вопрос имеет свою и притом в немалой степени поучительную историю, показывающую, как развивалось методологическое знание в науках о психике. Первые попытки проанализировать и найти научно обоснованные пути улучшения процесса вынесения диагностического суждения, представляющего собой результат применения клинического метода, относятся к концу XIX – началу XX в. Далеко не случайным представляется при этом, что в общеклиническом плане к анализу диагностического процесса обратились прежде всего психиатры. В своей книге «Методология диагноза» известный отечественный психиатр В.Ф. Чиж представил исключительно полный для того времени обзор по вопросу о том, какими закономерностями направляется процесс постановки диагноза [96]. Как врач-психиатр В.Ф. Чиж оказался более «чувствительным» к общим проблемам диагностики, чем врачи общего профиля, и он со всей очевидностью выделил ее собственно деятельностный аспект.

В.Ф. Чиж обратил при этом особое внимание на то, что предлагаемый такими авторитетными учеными как А. Бэн, В. Вундт и некоторыми другими анализ процесса постановки диагноза как логического процесса [9,

96, 119, 125, 266] оказались совершенно не убедительными. Пожалуй, что с этого времени и как раз с тезиса о тщетности подчинить диагностический прогноз формальной логике открывается возможность проследить все последующее развитие проблемы психологического анализа постановки диагноза.

Первым отправным пунктом для анализа процесса установления диагноза следует считать дифференциацию психологического и логического подхода к нему. Для периода второй половины XIX в. было вообще характерно недостаточное различие психологического и логического. Как указывал в этой связи Ж. Пиаже, «в XIX в., пока Буль, Де-Морган, Джевонс и другие не создали алгебру логики и пока экспериментальная психология не стала наукой, конфликта между логикой и психологией не существовало. Классическая логика верила, что она в состоянии раскрыть Действиям тельную структуру процессов мышления, общие структуры, лежащие в основе внешнего мира, равно как и нормативные законы разума. Классическая философская психология, в свою очередь, считала, что законы логики и законы этики находят выражение в умственном функционировании каждого нормального индивида. В таких условиях логика и психология не имели оснований для разногласий» [107. С. 218–219].

К настоящему времени, если в теории познания и в общей теории психологического исследования области логики и психологии разграничены достаточно четко, то о такой прикладной области, как психологический анализ процесса медицинской диагностики, этого сказать нельзя. В литературе, объединяемой общими понятиями методологии и теории диагноза, и по сей день продолжают попытки трактовать этот процесс с формально-логической точки зрения. В иных случаях на место формально-логических построений ставятся модели других, так называемых формальных логик⁴¹ или же логические модели заменяются стохастическими (в частности, с позиций теоремы Байеса) моделями, дающими выход на применение ЭВМ [103]. Пока что нет никаких подтверждений тому, что эти модели, могущие быть полезными для развития

⁴¹ Так, например, современный автор П. Биеркенс выдвигает тезис о том, что наиболее эффективной для целей анализа диагностического процесса является логическая система, разработанная Д.Г. Ньюменом (см. далее). Попытки логизации диагностического процесса связаны со стремлением опереться на «систему постулатов, что имеет явную аналогию в общепсихологической теории» [107].

⁴⁸ Более подробно см.: Психиатрический диагноз и проблема диагностики // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1979. Т. 79, вып. 2. С. 224–235; вып. 3. С. 359–366.

иных аспектов медицины, отражают реальный ход мышления врача при постановке им диагноза.

Но вернемся к нашему отправному пункту для оценки последующего развития всей рассматриваемой проблемы. Поясняя далее свою мысль о «неубедительности» чисто логических построений в анализе процесса диагностики, В.Ф. Чиж в указанной работе писал, что «приводимые сведения из логики ничего врачу не объясняют». Он был прав, выражая мнение о том, что гораздо важнее здесь логика, непосредственно вырастающая из самого понимания существа медицины, особенно в ее естественнонаучном, экспериментально-физиологическом аспекте, а лучшим положением этой непривносимой извне, а внутренней логики медицины был, по мнению В.Ф. Чижа, основополагающий труд К. Бернара [124]. Более того, В.Ф. Чиж считал, что в раскрытии содержания этого аспекта большую роль должны сыграть данные экспериментальной психологии. Именно от нее он ждал ответа на вопрос о том, по каким же психологическим характеристикам отличается хороший клиницист от посредственного или «клиницист» от «ученого». Но он понимал, что психология того времени еще не могла удовлетворительно ответить на этот вопрос; ошибкой была, по-видимому, переоценка автором возможностей экспериментальной психологии («раскрыть человеческую душу»), ибо те данные о крупных врачах-клиницистах, тонких диагностах (Н.И. Пирогове, Ж. Шарко, Бенедикте, Бильроте и др.), которые он приводит, не имеют отношения к экспериментальной психологии.

В.Ф. Чиж прав, когда стремится установить отличия медицины как науки (и, следовательно, отличия используемых в ней приемов мышления исследователя) от естественных наук, хотя и считает медицину всего лишь одной из «глав естествознания». Он справедливо не идентифицирует диагноз с оценкой состояния и подчеркивает, что «диагностика имеет свою методологию». Однако, с ним вряд ли можно согласиться, когда он видит эту специфическую особенность лишь в использовании анамнеза и в стремлении к индивидуализации. Справедливо, что методология устанавливает пределы исследования. Справедливо и замечание, что «достоверность признаков... весьма неодинакова, и талант клинициста состоит, главным образом, в его умении определять степень достоверности отдельных признаков», но не оправдалась мысль автора о том, что все дело – в чувствительности, в величине порогов, и что их изучению, столь широко распространенному в экспериментальной психологии того времени, суждено сыграть большую роль в общей и психиатрической диагностике.

Вторым отправным пунктом для анализа процесса установления диагноза является то, что в конце XIX – начале XX в. речь шла о диагностических суждениях в медицине вообще, и вопрос об особом исследовании этого процесса в психиатрической клинике еще не рассматривался. Стремление рассматривать процесс постановки диагноза в общемедицинском плане вполне естественно для того периода, и, надо думать, стоит в прямой связи с развитием нозологических концепций в психиатрии, идущим от работ Э. Крепелина. Однако, с течением времени, как показывает изучение литературы, в анализе процесса постановки диагноза начинает доминировать иная тенденция, а именно, тенденция осуществлять этот анализ в рамках конкретных областей медицины, выделяя тем самым специфику деятельности врача в каждой из них. Следует полагать, что такой подход обусловлен и тем, что теперь анализ проводится на основе экспериментально-психологических данных, полученных при изучении процесса установления диагноза непосредственно в ходе осуществления деятельности врача⁴². Тенденция проводить анализ процесса установления диагноза для разных областей медицины неизбежно приводит к попыткам сформулировать специфические особенности диагностики и при психической патологии и наметить пути – опять же специфические для психической патологии ее дальнейшего изучения и усовершенствования⁴³.

История психиатрии и клинической психологии в XX в. свидетельствуют о том, что интерес к изучению самого процесса установления диагноза развивается на определенном фоне, т.е. при исторически обусловленных пересечениях целого ряда обстоятельств. К их числу следует отнести, во-первых, изменения – в сторону усиления критических суждений – отношения к системе Э. Крепелина в нозологии в целом, столь характерные для современной зарубежной психиатрии. Эта критическая тенденция проявляется определенным скепсисом и в отношении традиционной клинической психиатрической диагностики, которая объявляется «субъективной». Однако и попытки строить диагностику – пусть не нозологическую, то хотя бы «многомерную» (Э. Кречмер) на какой-то иной основе, в первую очередь, экспериментально-психологической – в

⁴² Ряд работ, который был осуществлен нами совместно с Л.П. Урванцевым, Ш.Ш. Шотемором, А.В. Соловьевым, Н.И. Курочкиным, Л.М. Ивановым, был направлен на изучение диагностического процесса у врачей рентгенологов [64, 69, 73, 77].

⁴³ Более подробно см.: Роговин М.С. Психиатрический диагноз и проблема диагностики. Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1979. Т. 79, вып. 2. С. 224–235; вып. 3. С. 359–366.

свою очередь приводят к немалым разочарованиям⁴⁴. Во-вторых, возникший в первой четверти XX в. интерес к методологическим проблемам психопатологии не только не снижается от констатации этих диагностических трудностей, но, наоборот, усиливается. В-третьих, развитие экспериментальной психологии с ее разветвленным статистическим аппаратом позволяет увидеть в разрабатываемых ею методиках действенный инструмент контроля даже самых сложных форм познавательной, в том числе профессиональной деятельности. Кроме того, на сегодняшний день ни одна из областей психологии не может не считаться с новейшими данными о мышлении, особенно в том, что касается перехода от наглядных чувственных образов к понятиям, а это, по существу, и составляет «лабораторную модель» клинического (диагностического) вывода. Все указанные обстоятельства представляют вполне объективные причины того отчетливого интереса к изучению процесса диагностического вывода, который характерен для современного состояния наук о психике.

Ошибочно было бы, однако, считать, что все эти обстоятельства прямо и непосредственно определяют собой область изучения процесса психиатрической диагностики. Опыт психологического исследования учит тому, что даже при наличии самых благоприятных предпосылок преждевременно говорить о раскрытии психологических закономерностей того или иного процесса, феномена до тех пор, пока он не станет объектом непосредственного изучения. Между тем, в виду своей сложности и, главное, в виду особых условий работы психиатра при его непосредственном общении с больным, психиатрическое обследование как таковое еще не стало (за редким исключением) объектом психологического исследования, тем более экспериментального⁴⁵.

Совокупность как способствующих изучению психодиагностической деятельности обстоятельств, так и тормозящих ее объясняет нам те особенности этой области исследования, как они предстают на сегодняшний день. К уже сказанному следует добавить еще один характерный момент.

⁴⁴ В современной психиатрической литературе много обзорно-обобщающих работ по вопросам диагностических расхождений, иными словами, надежности диагностических суждений. Авторы этих работ не ограничиваются, конечно, констатацией самого факта расхождения, но и стремятся вскрыть лежащие за ним причины [24, 154, 159, 186, 151, 251].

⁴⁵ Всякое исследование, направленное на установление закономерностей диагностической деятельности врача, сложно, но, имея в качестве испытуемых рентгенологов, мы изучили их работу со снимками как со стабильным, зафиксированным материалом; такого облегчения задачи при изучении работы врача-психиатра ждать не приходится. Известны интересные попытки объединить усилия при решении этой задачи психиатра и психолога [24].

Как показывает пересмотр литературы, вовсе не всякая работа о вынесении психиатрического диагноза направлена на раскрытие общих закономерностей этого процесса. Последний настолько многогранен, что достаточно малейшего изменения исходной установки автора, чтобы на первый план вышел бы какой-то иной аспект проблемы.

Изучение уже приведенных в этой области работ показывает далее, что имеется несколько путей, следуя по которым идет психологический анализ диагностического процесса. Один из них – самоотчеты психиатров или клинических психологов о бывших в их практике примечательных случаях диагностики, как об этом пишет, например, Т. Рейк [232]. Но помимо того, что этот жанр не получил сколько-нибудь заметного распространения, у некоторых зарубежных авторов отмечается стремление не столько показать общие закономерности процесса вынесения диагностического суждения, сколько, исходя из фрейдистских концепций, произвести самопсихоанализ, раскрыть коренящиеся главным образом в личной биографии самого психопатолога тормозные механизмы, препятствующие установлению правильного диагноза, – следствие ранее вытесненных импульсов [152].

По мнению Д. Биери с сотрудниками [126], вторым путем изучения процесса диагностики в психиатрии и клинической психологии является изучение надежности (reliability) и обоснованности (validity) диагностических суждений; авторы добавляют, что развитие такого рода работ было обусловлено широким внедрением в клиническую практику проективных методик. Хотя последние, в целом, рассматриваются как один из вариантов патопсихологического эксперимента (см. 3.3), строящиеся на их данных работы по проверке надежности и обоснованности клинических суждений не являются экспериментальными в прямом смысле слова; здесь о применении этого метода познания можно говорить лишь в весьма ограниченном смысле, ибо работы этого типа относятся к категории *ex post factum*, в то время как для «истинного» эксперимента обязательным является манипулирование (контроль) независимой переменной (см. 2.7). В рассматриваемых же исследованиях эта важнейшая характеристика эксперимента опускается, и имеют место предваряющие самый эксперимент исследовательские приемы (разбиение па группы как испытуемых, так и «судей», осуществляются рандомизация, планирование и т.д.), а также применяются используемые в эксперименте приемы статистической обработки результатов.

Третий путь изучения диагностических суждений представлен некоторыми монографическими работами, в которых делается попытка соз-

дать теорию того, как формируются диагностические суждения и какие факторы влияют на их адекватность, или, по меньшей мере, выделить некоторые аспекты такой теории. С нашей точки зрения, такого рода работы, хотя и относятся к клиническому методу, но своему внутреннему строению репрезентируют герменевтический метод, поскольку основное в них – интерпретация уже имеющихся данных для того, чтобы перевести всю проблему с уровня эмпирии к теоретически более высокому уровню. В то же время в них естественно находят свое продолжение пути самоотчета и проверки надежности и обоснованности клинического метода, о которых только что говорилось.

Наиболее известной работой здесь является обладающая всеми перечисленными характеристиками книга П. Мила [210], в которой сравниваются и противопоставляются два основных, по мнению автора, подхода в рамках клинического метода: подход собственно клинический, традиционный, и подход статистический. Для осуществления этого сравнения автор сводит все сложное содержание диагностического суждения лишь к одному его аспекту – прогностическому. Под статистическим подходом имеется в виду применение, главным образом, регрессионного анализа тестовых данных. Помимо анализа системы клинических и статистических понятий, автор рассматривает такие обуславливающие клинические суждения факторы, как отнесение к клинической категории (логическое «членство класса»), характер деятельности клинициста, логику клинического исследования, роль интуиции и практического опыта в осуществлении клинического и статистического прогноза, проблема квантификации. Книга П. Мила с наибольшей детализацией раскрывает давно назревшее в клинической психологии противоречие между двумя указанными подходами [210]; противоречие это было зафиксировано еще в относящейся к сороковым годам работе Т.Р. Сарбина [236]. По мнению П. Мила, в клиническом прогнозе последнее слово всегда за математическими выкладками (хотя он и оговаривается, что математике еще остается сделать многое для разработки соответствующих критериев). Тень статистика, продолжает он, всегда нависает над работой клиницистов, поскольку обычный их довод о практической ценности той или иной патопсихологической методики является, по существу, бездоказательным. По мнению П. Мила, результат клинического суждения принадлежит не сфере научных, а «творческих» понятий. Несмотря на широкий охват важных для уяснения диагностического процесса вопросов, проблема его общих психологических закономерностей остается за кадром. В более

поздней работе П. Мил, являющийся одним из ведущих теоретиков патопсихологии в США, говорит о том, что определяемое внутренней логикой клинического исследования взвешивание отдельных признаков является важным аспектом познавательной деятельности клинициста [208].

Второй работой этого плана, на которой мы остановимся, является книга Т.Р. Сарбина, Р. Тафта, Д.Э. Бейли «Клиническое суждение и когнитивная теория» [237], вызвавшая большой отклик среди зарубежных патопсихологов. В отличие от распространенного мнения о гетерогенности двух форм клинического вывода (собственно клинического и статистического), авторы этой книги отстаивают тезис о том, что в основе обоих лежит один и тот же процесс, имеющий «на выходе» характер дедуктивного силлогизма. С внутренней стороны этот процесс есть синтез исходного, имеющегося у клинициста знания («системы постулатов»), из которого формируется «большая посылка» – с новым знанием, причем последнее предварительно обобщается через его отнесение к определенному классу («малая посылка»). Таким образом, в отличие от рассмотренных здесь ранее работ, в этой книге сразу же ставится задача установления общих закономерностей мышления в ходе диагностического процесса. При этом авторы не считают, что так сформулированная суть процесса диагносцирования представляет собой формальнологическую модель, поскольку, как они утверждают, клинический вывод привязан к конкретной ситуации и к конкретным, включенным в эту ситуацию людям, осуществляется в условиях «взаимной перцепции» (interpersonal perception) и взаимного общения. «Система постулатов», согласно авторам, частично осознаваема, частично неосознаваема; она состоит из мыслительных конструкций типа индуктивных выводов на эмпирической основе, «теоретических конструкций», заключений по аналогии и на основе авторитета. Познаваемая реальность («экологическое пространство») организовано по измеряемым признакам; самое свойство «измеряемости» культурно обусловлено. Когнитивная структура индивида строится по типу персональных конструкций Дж. Келли и поляризации значений по Ч. Осгуду.

Система постулатов – это основа большой посылки. Малая посылка становится пропозицией, когда осуществляется связь модулей. Важнейший момент клинического вывода – категоризация – установление связи между модулями когнитивной организации и экологического пространства, причем собственно сенсорные впечатления играют при этом лишь опосредующую роль. Следовательно, категоризация, т.е. когнитивная

репрезентация экологических феноменов может иметь место лишь тогда, когда между модулярными внешней и внутренней организациями существует соответствие. Это соответствие обеспечивает, якобы, единство собственно клинической и статистической основ клинического вывода, притом, что основополагающей является статистическая оценка. Большая посылка базируется на вероятностном заключении, которое уже заложено в системе постулатов. Такая посылка доминирует над собственно клиническими заключениями еще и потому, что она допускает эмпирическую проверку, в то время как собственно клиническое заключение – это либо заключение по аналогии, либо чисто теоретическое «конструирование». В упрощенном виде эта теория воплощается в следующем силлогизме:

Большая посылка: 80% относятся к категории Y (посылка, основанная на индукции).

Малая посылка: Джон есть X с вероятностью 0.7.

Вывод: Вероятность того, что Джон есть Y равна 0.56 [237. С. 227].

Иначе говоря, суть диагностического вывода, согласно авторам, в каждом конкретном случае исследования конкретного больного может быть сведена к вероятности соотношений, содержащихся в исходной «системе постулатов» и вероятностной оценки выявляемых при этом признаков патологии.

Как было сказано, работа Сарбина, Тафта и Бейли вызвала оживленные отклики, но большинство их было отрицательными. Хотя стремление максимально широко использовать современные общепсихологические и логические теории является положительным моментом, в данном случае они используются лишь с целью построения собственной догматической, искусственной и надуманной теоретической схемы. Книга критиковалась за отрыв от реальной клинической практики, за логицизм, схоластический подход, за смешение логических и психологических понятий и проблем, за то, что авторы свели весь диагностический процесс к силлогизму, не раскрыв при этом его фактического содержания, за то, что их сложная, абстрактная и громоздкая теоретическая система имела своим результатом столь тривиальное заключение – гора родила мышь. П. Мил специально отметил опасность того, что авторы преуменьшают роль процесса сбора информации и ее обобщения, а также ложность их постулатов о том, что каждый адекватный клинический вывод может быть сведен к категорическому силлогизму, а каждое недедуктивное заключение – к индукции [211].

Третьей работой рассматриваемого направления в изучении психодиагностического процесса является монография голландского автора П.Б. Биеркенса, также направленная на анализ мышления клинициста [127]. Она имеет обзорно-обобщающий характер, не претендует на выдвижение, как до этого рассмотренная работа, универсальной гипотезы о природе диагностического процесса, и автор явно стремится в большей степени опереться на клиническую практику, проанализировать ее методические приемы, возможности, достижения и границы, проследить ход развития понимания существа диагностики в науках о психике наряду с поисками логической системы, не столь жестко регламентированной, как формальная логика. Последняя тенденция находит свое отражение в том, что в центре монографии оказывается разбор логической системы Д.Г. Ньюмена [216], которую автор считает наиболее адекватной для понимания существа диагностического процесса.

И, наконец, последнее направление в психологическом анализе психодиагностического процесса представлено коллективной монографией, авторами которой являются Д. Биери с сотрудниками [126]. Отличие от до нее рассмотренных работ в том, что в ней делается упор на привлечение данных общей психологии, современной когнитивной психологии для анализа клинического суждения, которое справедливо оценивается как завершающий момент многих различной сложности и различного уровня познавательных процессов. Уже в рамках этих данных предпринимается попытка разработать несколько теоретических моделей изучаемого процесса (психофизических, информационных и т.д.), что в настоящее время представляет одну из основных тенденций в развитии теории клинического метода. Так, одна из наиболее известных – «психофизическая модель» У. Хаита [174] основана на соображениях, согласно которым ошибки клинических суждений, подобно отклонениям в суждениях об эталонной величине стимула в психофизических экспериментах, контекстуально обусловлены и указывают на факторы (уровень квалификации, степень знакомства с заданиями этого типа и т.д.), которые противодействуют такого рода ошибкам. Согласно этой модели, между особенностями стимуляции и диапазоном концептуальных измерений, с одной стороны, и особенностями и диапазоном ответа – с другой, устанавливается закономерная, статистически выражаемая связь, и изучение особенностей ответа не только имеет некоторый прямой результат – раскрытие психологической природы формирования клинического суждения, но и результат косвенный – возможность на этой основе судить о характере патологии.

В монографии Д. Биери с сотрудниками делается далее попытка вскрыть все многообразие воздействующих на процесс вынесения клинического суждения факторов, причем в отличие от, скажем, позиции Сарбина с сотрудниками, здесь гораздо больше внимания уделяется сенсорно-перцептивным компонентам, лежащим в основе клинического суждения, в частности, такому интересному эффекту, каким является «якорный» (anchoring effects).

К этому направлению психологического анализа диагностического процесса можно, видимо, отнести и наше исследование диагностических ошибок врача-психиатра [24].

Такого рода подход вновь возвращает проблемы психодиагностики к их общемедицинским основам, ибо общепсихологические данные оказываются ценными для понимания диагностического процесса не только в психиатрии и патопсихологии, но и раскрывают сущность его как определенного вида познавательной деятельности, свойственной медицине вообще. В такого рода направленности исследования можно видеть косвенное подтверждение представленной в нашей работе точки зрения на существо клинического метода и на закономерности его практического применения. Учитывая такой поворот дела, следует по-иному оценить соотношение исследований диагностического процесса в психиатрии или в клинической патопсихологии с данными исследований диагностического процесса в других областях медицины: начав с того, что методически легче, как например, с диагностической деятельности рентгенолога, диагностическое суждение которого опирается на стабильное изображение (рентгено снимок), затем выяснять, какие закономерности этого процесса не являются специфическими для рентгенологии, а отсюда переходить уже к тому, что действительно и для наиболее сложного вида диагностики – оценке психической патологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложение теоретических основ психологического исследования связано с необходимостью преодолеть немалое число трудностей, как содержательных, так и формальных, и сохранить баланс между нередко противоречивыми тенденциями в характере используемого при этом материала. Первое и наиболее общее такое противоречие – между субъектом и объектом познания, между своим психическим миром и психикой

другого человека (это противоречие обретает конкретную форму в противопоставлении метода самонаблюдения остальным методам психологического исследования). Такое противоречие разрешается на пути выхода психологического исследования в области деятельности (практической, предметной, познавательной) и взаимоотношения индивида и среды, взаимоотношения, при котором вычлняются определенные, необходимые с точки зрения поставленных целей, стороны и особенности психического как объекта исследования [39].

Второе, имплицитно содержащееся в работе противоречие заключается в том, что такое изложение есть поперечный срез, отражающий состояние наук о психике на определенный период; развитие науки не останавливается ни на один день, и какой бы период мы ни пытались отразить с помощью временного среза, он обязательно будет содержать в себе и результаты исследований, выполненных на предшествующих периодах развития психологии, и предпосылки для формирования последующих. Как отмечалось на протяжении всего предшествующего изложения, это противоречие решается на пути сочетания систематического и исторического подходов.

Третье, постоянно присутствующее здесь имплицитное противоречие, заключается в необходимости сочетать отрицательное и положительное знание. И то и другое знание есть результат, как специальных исследований, так и жизненного опыта в широком смысле слова, но баланс всей системы психологических знаний с течением времени меняется по своим сложным закономерностям, и для современного периода, когда на первый план выходит изучение феноменов все более слабой выявляемое и более усиленной неопределенности, характерно особое развитие исследований, имеющих своим результатом установление «не относящегося». Это есть знание, определенное через ограничение; повторяя слова Спинозы, характер такого знания определяется ограничением через отрицание (*determinatio negatio est*) [90. С. 568]. Именно получение в основном этого вида знания обеспечивается сложным аппаратом современного экспериментального планирования с применением статистических методов и оценок.

В качестве следующего – четвертого противоречия – можно рассматривать то, что процесс психологического исследования есть также постоянное балансирование между опирающимся па прежние знания формированием суждений и охватывающими их теориями (в современной терминологии это процесс «конструирования»), и теми данными, которые привносит каждое новое исследование. Это противоречие решается на

пути постоянного анализа системы рабочих понятий психологии и психопатологии.

Пятое, внутренне содержащееся в материале работы, противоречие – заключено в необходимости оперировать как единичными, так и массовыми данными, а также данными, допускающими разную степень обобщения (от так называемых сырых данных до констатации общих закономерностей, т.е. от идеографического до номотетического в терминах теории познания). Это противоречие есть следствие сложной и неоднородной системы понятий, находящейся в распоряжении наук о психике, а также семантическими различиями в используемых ими методов и исследовательских приемов. Оно снимается за счет разработки общей методологии исследования, установления валидности результатов конкретных работ, прежде всего экспериментальных.

Шестое – традиционное для психологии противоречие – между искусственностью лабораторного эксперимента и исследования в естественных условиях. В ходе развития самой психологии это противоречие решается на «встречных курсах»; это означает, что в сложные жизненные условия постепенно вводится эксперимент, в лабораторный эксперимент, благодаря введению сложных форм планирования, усложнению его семантико-логической структуры, приближается к исследованию во внелабораторных условиях. Именно эту тенденцию мы стремились выделить и акцентировать, говоря о развитии теоретических основ в науках о психике.

И, наконец, седьмое противоречие есть следствие характера самой работы, необходимости сочетать изложение особенностей исследования нормы и для случаев патологии. Это противоречие разрешается с помощью многих средств, главным из которых следует считать разработку общей методологии всех наук о психике, учет содержания понятий «нормы» и «патологии», установление специфики клинического исследования. Все изложенное в тексте ясно свидетельствует о большой близости двух этих наук; психология и медицины имеют не только множество точек соприкосновения (психопатология, психиатрия, психотерапия), не только промежуточные области исследовательской работы и практики (патопсихология, клинический метод). По налицо и явное сходство путей формирования знаний и особенностей семантико-логических структур исследования в обеих науках. Поэтому, к наукам о психике вполне подходят слова о медицине, сказанные еще средневековым философом-рационалистом Маймонидам, что теоретическая сторона относится к науке, а практическая – к искусству.

Действительно, проявляющаяся в результате методологического анализа не только сложность понятийных связей различных форм и приемов психологического исследования, но и их опосредованность самой исследовательской деятельностью представляется нам как характерные особенности наук о психике. Какие бы жестко фиксируемые последовательности действий не требовались согласно правилам методологии, выбор единиц исследования, кода и интерпретация результатов в конечном итоге остается за субъектом познания. Современное состояние наук о психике характеризуется комплексным использованием многих методов, сочетанием описания и анализа, эксперимента и теории, строго научного, составляющего часть гносеологии определения системы понятия и граничащего с искусством применения конкретных методик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. О душе. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 369–448.
2. *Акинищикова Г.И.* Соматическая и психофизиологическая организация человека. М. : ЛГУ, 1977.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л. : ЛГУ, 1968.
4. *Басов М.Я.* Методика объективного наблюдения. Л., 1926.
5. *Башина В.М.* Ранняя детская шизофрения. М. : Медицина, 1980.
6. *Бернштейн А.Н.* Клинические приемы психологического исследования душевнобольных. М., 1911.
7. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М. : Медицина, 1966. С. 226–267.
8. *Боголепов Д.* Законы и правила мышления и общая врачебная диагностика. М., 1899.
9. *Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. Л. : ЛГУ, 1965. С. 112.
10. *Братусь Б.С.* К проблеме исследования патологии личности у больных эпилепсией // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1972. Т. 72. С. 1659–1662.
11. *Василенко В.Х.* Диагноз – диагностики // БМЭ. 2-е изд. Т. 9. С. 180–189.
12. *Галагулидзе С.С.* Влияние эмоционально-интеллектуального направления на динамику словесных ассоциаций // Диагностика психических состояний в норме и патологии / под ред. Ф.И. Случевского. Л. : Медицина, 1980. С. 78–86.
13. *Головахо Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. Киев : Наукова думка, 1984.

14. Горбов Ф.Д. О «помехоустойчивости» оператора // Инженерная психология / под ред. А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Д.Ю. Панова. М. : МГУ, 1964. С. 340–357.
15. Давиденков С.Н. Неврозы. Л. : Гос. изд-во мед. лит-ры, 1963. С. 98.
16. Давыдовский И.В. Патогенез // БМЭ. 2-е изд. С. 433–463. Т. 23.
17. Дьяконов И.М. и др. (ред.). Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М. : Прогресс, 1976. С. 12, 14.
18. Желеско П.С., Роговин М.С. Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности. Кишинев, 1985.
19. Залевский Г.В., Роговин М.С. Фиксированные формы поведения и их значение для психиатрической практики. Ригидность // Невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. Т. 70, вып. 9. С. 1404–1416.
20. Залевский Г.В. Психологические особенности ригидности : дис. ... канд. психол. наук. М., 1971.
21. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976.
22. Залевский Г.В. Проблемы диагностической психологии в трудах Л.С. Выготского // Психологические исследования процесса диагностики. Ярославль : ЯГУ, 1981. С. 60–72.
23. Залевский Г.В., Рицнер М.С., Корнетов Н.А. и др. Генетические и эволюционные проблемы психиатрии. Новосибирск : Наука, 1985.
24. Залевский Г.В., Корнетов Н.А. Элементы фиксированности в диагностическом суждении врача-психиатра // Психологические проблемы диагностики. Ярославль, 1986. С. 30–38.
25. Иванов Л.М., Урванцев Л.П. Проблемы динамики зрительных представлений и их типология по шкале «образное – концептуальное» // Психологические проблемы диагностики. 1985. С. 65–89.
26. Казанская В.М. Исследование «психологического барьера» прошлого опыта при выполнении логических заданий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976.
27. Каменева Е.Н. Теоретические вопросы психопатологии шизофрении. М., 1970.
28. Каннабих Ю. История психиатрии. Л., 1929. С. 369.
29. Кедров Б.М. Классификация наук. М. : Наука, 1965. Т. 2.
30. Ковалевский П.С. Магомет. Психопатологические этюды из истории. М., 1886. С. 228.
31. Коган В.М. Восстановление речи при афазии. М, 1962.
32. Коган В.М. Принципы и методы психологического обследования в практике врачебно-трудовой экспертизы. М. : НИЭТИН, 1967.
33. Корсаков С.С. Курс психиатрии. М., 1901. Т. 1–2. С. 753.
34. Корсаков С.С. Психиатрические экспертизы. М., 1904. Вып. 2.

35. *Лазурский А.Ф.* (ред.). Естественный эксперимент и его школьные применения. Петроград, 1918.
36. *Лебединский М.С.* К вопросу о речевых расстройствах у шизофреников // Советская психоневрология. 1938. № 3. С. 56–64.
37. *Лекторский В.А., Садовский В.Н.* Генезис и строение интеллектуальной деятельности в концепции Ж. Пиаже // Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах / под ред. Е.В. Шороховой. М., 1966. С. 212.
38. *Лекторский В.А.* Объект. Философская энциклопедия. 1967. Т. 4. С. 123.
39. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М. : Наука, 1980.
40. *Лекторский В.А.* (ред.) Гносеология в системе философского мировоззрения. М. : Наука, 1983. С. 273–274.
41. *Орбели Л.А.* Вопросы высшей нервной деятельности. М. ; Л., 1949. С. 30–31.
42. *Павлов И.П.* Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Лекция 18. Полное собрание трудов. М., 1951. Т. 4. С. 317.
43. *Павловский Н.* Классификация наук // Отечественные записки. 1871. № 6; *Грот Н.Я.* К вопросу о классификации наук. М., 1884.
44. *Платонов К.К.* Психологические вопросы теории тренажеров // Вопросы психологии. 1961. № 4. С. 79.
45. *Полывяная М.Ю.* Сравнительный анализ межличностных отношений в группах здоровых и психически больных детей // Психологические проблемы диагностики (Роговин М.С., Урванцев Л.П., ред.). Ярославль : ЯрГУ, 1985.
46. *Потебня А.А.* Мысль и язык // М. : Искусство, 1976. С. 35–220.
47. *Рогов Ю.В.* Формирование понятий в условиях неполной информации // Психологические проблемы диагностики. 1985. С. 127–138.
48. *Роговин М.С.* Международный семинар по вопросу взаимоотношения психологии и психиатрии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 1962. Т. 62, вып. 8. С. 1266–1270.
49. *Роговин М.С.* Руководство по патопсихологии и его теоретические предпосылки. Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 1963. Т. 63, вып. 9. С. 1420–1426.
50. *Роговин М.С.* Экзистенциализм и антропологическое течение в современной зарубежной психиатрии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1964. Т. 64, вып. 9. С. 1418–1426; вып. 10. С. 1578–1585.
51. *Роговин М.С.* Введение в психологию. М. : Высшая школа, 1969.
52. *Роговин М.С.* Проблема экспрессии и ее место в психопатологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. Т. 70, вып. 1. С. 136–143 ; вып. 2. С. 280–289.

53. *Роговин М.С.* Функциональное обоснование форм шизофрении // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1971. Т. 71, вып. 3. С. 454–461 ; вып. 4. С. 617–624 ; вып. 5. С. 765–774.
54. *Роговин М.С.* Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение / под ред. А.В. Брушлинского. М. : Наука, 1982. С. 213–282.
55. *Роговин М.С.* Изменение семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии. 1973. № 11. С. 76–87.
56. *Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. и др.* Психологическая природа неопределенности // Проблемы экспериментальной психологии и ее история. М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1973. С. 37–59.
57. *Роговин М.С.* Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. 1971. М. : Наука, 1974. С. 187–230.
58. *Роговин М.С., Сошникова А.М., Залевский Г.В.* Опыт изучения межличностных отношений в коллективе психически больных детей // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1975. Т. 75, вып. 10. С. 1501–1500.
59. *Роговин М.С., Сошникова А.М., Залевский Г.В.* Межличностные отношения в коллективе психически больных детей // Проблемы экспериментальной психологии и ее история. М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1974. С. 4–31.
60. *Роговин М.С., Соловьев А.В.* Анализ познавательного стиля при психологическом изучении деятельности // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль, 1976. С. 12–22.
61. *Роговин М.С.* Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль : ЯрГУ, 1977.
62. *Роговин М.С.* Предмет и теоретические основы когнитивной психологии // Зарубежные исследования по психологии познания. М. : ИНИОН АН СССР, 1977.
63. *Роговин М.С.* Вопросы методологии патопсихологического исследования на современном этапе // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1977. Т. 77, вып. 4. С. 534–538.
64. *Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П., Шатемор Ш.Ш.* Структура психики и проблема познания // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 75–87.
65. *Роговин М.С.* Уровневая структура психики в учении Аристотеля // Системные исследования. Ежегодник. 1978. М. : Наука, 1978. С. 152–168.
66. *Роговин М.С.* Гносеологические особенности клинического метода // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 48–59.
67. *Роговин М.С.* Психологическое исследование. Ярославль : ЯрГУ, 1979.
68. *Роговин М.С.* Психиатрический диагноз и проблемы диагностики // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1979. Вып. 2. С. 224–235 ; вып. 3. С. 359–366.

69. *Роговин М.С., Урванцев Л.П.* (ред.) Психологические проблемы рационализации деятельности. Вып. 4. Анализ деятельности, связанной с опознаванием образов. Ярославль : ЯрГУ, 1979.
70. *Роговин М.С.* Динамика соотношения понимания и перевода в познании // Вопросы философии. 1981. № 2. С. 132–143.
71. *Роговин М.С.* Научные критерии психической патологии. Ярославль : ЯрГУ, 1981.
72. *Роговин М.С., Умеренкова Н.В., Лысанова Н.В.* Данные экспериментального изучения ассоциативной памяти при различной психической патологии и их диагностическое значение // Психологические исследования процесса диагностики / под ред. М.С. Роговина, Л.П. Урванцева. Ярославль : ЯрГУ, 1981. С. 21–52.
73. *Роговин М.С., Урванцев Л.П.* (ред.) Психологические исследования процесса диагностики. Ярославль : ЯрГУ, 1981.
74. *Роговин М.С.* Изменения семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76–87.
75. *Роговин М.С., Залевский Г.В.* Роль и место патопсихологического эксперимента в психопатологическом исследовании // Актуальные вопросы психиатрии. Томск, 1983. Вып. 1. С. 215–216.
76. *Роговин М.С.* Значение психологической теории понимания в различных видах познавательной деятельности // Психологические проблемы диагностики / под ред. М.С. Роговина, Л.П. Урванцева. Ярославль : ЯрГУ, 1985.
77. *Роговин М.С., Урванцев Л.П., Иванов Л.М.* Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 48–61.
78. *Роговин М.С., Карпова Е.В.* Особенности системы понятий при исследовании проблемы восприятия времени // Вопросы психологии. 1985.
79. *Роговин М.С., Урванцев Л.П.* (ред.) Психологические проблемы диагностики. Ярославль : ЯрГУ, 1986.
80. *Розен Г.Я.* Интроспекция (современное состояние проблемы) // Зарубежные исследования по психологии познания. М. : ИНИОН АН СССР, 1977. С. 215–234.
81. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М. : Учпедгиз, 1946.
82. *Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения в клинике. М. : Медицина, 1970.
83. *Самухин Н.В., Бирнбаум Г.В., Выготский Л.С.* К вопросу о деменции при болезни Пика // Хрестоматия по патопсихологии. М., 1981. С. 114–149.

84. *Сеченов И.М.* О предметном мышлении с физиологической точки зрения // Физиология нервной системы. М. : Гос. изд-во мед. лит-ры, 1952. Т. I. С. 411–417.
85. *Снежневский А.В.* Психопатология // БМЭ. 2-е изд. 1962. Т. 27.
86. *Снежневский А.В.* Симптоматика и нозология // Клиника и патогенез. М. : Медицина, 1969. С. 5–28.
87. *Снежневский А.В.* Общая психопатология. Валдай : Общество невропатологов и психиатров, 1970. С. 9.
88. *Снежневский А.В.* (ред.) Руководство по психиатрии : в 2 т. М. : Медицина, 1983. Т. 1.
89. *Соловьев А.В.* Экспериментальное исследование механизмов формирования понятий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1973.
90. *Спиноза Б.* Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1957. Т. II. С. 568.
91. *Успенский В.А.* Предисловие // Математика в современном мире. М. : Мир, 1967.
92. *Ухтомский А.А.* Физиология двигательного аппарата. Л., 1927. С. 141.
93. *Философские* проблемы современного естествознания. Труды Всесоюзного совещания. 1959. С. 251.
94. *Хохлов Л.К.* Общие вопросы эпидемиологии и патоморфоза психических заболеваний // Эпидемиология и патоморфоз психических заболеваний. Ярославль, 1979. С. 29.
95. *Хромов М.А.* Амнезия и амнестическая афазия // Невропатология и психиатрия. 1949. Т. 18, вып. 3. С. 51–54.
96. *Чиж В.Ф.* Методология диагноза. М., 1903.
97. *Вайнберг Дж., Шумакер Дж.* Статистика. М. : Статистика, 1979. С. 169.
98. *Винер Н.* Кибернетика или управление и связи в животном и машине. М. : Радио, 1968.
99. *Вудвортс Р.* Экспериментальная психология. М. : НИЛ, 1950. С. 627–667.
100. *Готтсданкер Р.* Основы психологического эксперимента. М., МГУ, 1982.
101. *Кэмбелл Д., Стенли Д.К.* Эксперименты и квазиэксперименты // Кэмбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М. : Прогресс, 1980. С. 34–191.
102. *Клаус Г.* Кибернетика и философия. 1965. С.264.
103. *Ластед Л.* Введение в проблемы решений в медицине. М. : Мир, 1971.
104. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М. ; Л, Учпедгиз, 1932.
105. *Пиаже Ж.* Роль действия в формировании мышления // Вопросы психологии. 1965. № 6.

106. *Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Экспериментальная психология. М. : Прогресс, 1966. Вып. 1–2. С. 157–194.
107. *Пиаже Ж.* Логика и психология. Избранные психологические труды. М. : Просвещение, 1969. С. 218–219.
108. *Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук. 1966. С. 36.
109. *Пирьов Г.Д.* Экспериментальная психология. София, 1968.
110. *Планк М.* Единство физической картины мира. М., 1966.
111. *Рок И.* Введение в зрительное восприятие. М. : Педагогика, 1980. Кн. 1. С. 270.
112. *Светс Дж., Таннер В., Бердсолл Т.* Статистическая теория решений и восприятия // Инженерная психология / под ред. Д.Ю. Панова, В.П. Зинченко. М. : МГУ, 1964. С. 269–335.
113. *Фресс П.* Экспериментальный метод // Экспериментальная психология. М. : Прогресс, 1966. Вып. 1. С. 99–156.
114. *Фресс П., Пиаже Ж.* (ред.). Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Экспериментальная психология. М., Прогресс, 1966. Вып. 1. С. 176.
115. *Харман Г.Г.* Современный факторный анализ. М. : Статистика, 1973.
116. *Allen C.* Modern discoveries in medical psychology. London, 1949.
117. *Allport G.W.* The use of personal documents in psychological science. New-York, 1942.
118. *Arrington R.* Interpretation in the behavior of young children. New-York, 1932.
119. *Bain A.* Logic-deductive and inductive. New-York, 1857.
120. *Barber T.X., Silver M.J.* Fact, fiction and the experimenter bias effect. Psychol. Bull. Monograph. 1968. Vol. 70, № 6, pt. 2. P. 1–20.
121. *Bartlett F.C.* Remembering: a study in experimental social psychology. Cambridge, 1932.
122. *Bender L.* Motor gestalt test. Beverly Hills, 1964.
123. *Berkowits L., Guetzkow H.* Manual for overall observers. Univ. of Michigan press, 1949.
124. *Bernard C.* Introduction a l'etude de la medicina experimentale. Paris, 1865.
125. *Biegansky W.* Kritik der arztlichen Erkenntnis. Wiirzburg, 1909.
126. *Bieri J. et al.* Clinical and social judgement. The discrimination of behavioral information. New-York, 1966.
127. *Bierkens P.B.* Die Urteilsbildung in der Psychodiagnostik. Munchen, 1968.
128. *Birnbaum K.* Der Aufbau der Psychose. Berlin, 1923 (1919).
129. *Bleuler E.* Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien. Wien, 1911.

130. *Boring E.G.* History of experimental psychology (2nd ed.). New-York, 1950.
131. *Bower G., Trabasso T.* Reversals prior to solution in concept identification. *J. Exp. Psychol.* 1963. Vol. 66 P. 409–418.
132. *Bransford J.D., Franks J.J.* Abstraction of linguistic ideas // *Cognitive Psychology.* 1971. Vol. 2. P. 331–350.
133. *Brooks L.R.* Spatial and verbal components of the act of recall // *Canadian J. Psychol.* 1968. Vol. 22. P. 349–368.
134. *Brockwey A.L. et al.* The use of a control population in neuropsychiatric research (psychiatric, psychological and EEG evaluation of a heterogenous sample) // *Amer. J. Psychiatry.* 1954. Vol. III. P. 248–262.
135. *Broen W.* Limiting the flood of stimulation: a protective deficit in chronic schizophrenia // *Information processing and cognition* (Solso R.L., ed.). Hillsdale, 1975. P. 145–238.
136. *Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A.* A study of thinking. New-York, 1956.
137. *Brunswik E.* Perception and representative design. Berkeley, 1956.
138. *Buhler C.* Der menschliche Lehenslauf als psychologisches Problem. Göttingen, 1959.
139. *Carus F.A.* Psychologie. Leipzig, 1802. Bd. I–II.
140. *Campbell D.T.* Quasi-experimental design // *International Encyclopedia of Social Sciences* (Gills D.L., ed.). New-York, 1968. Vol. 5. P. 259.
141. *Carter L. et al.* The relation of categorization and ratings in the observation of group behavior. *Human Relations*, 1951. Vol. 4. P. 231–234.
142. *Chapman L.J., Chapman J.P.* Atmosphere effect re-examined // *J. of Experimental Psychology.* 1959. Vol. 58. P. 220–226.
143. *Chassan J.B.* Research design in clinical psychology and psychiatry (2nd ed.). New-York, 1979.
144. *Cline V.B.* Ability to judge personality. Assessed with a stress interview and sound-film technique // *J. of Abnormal and Social Psychology.* 1955. Vol. 55. P. 183–187.
145. *Conant J.B.* On understanding science. Uew-Haven, 1947.
146. *Delay J., Pichot P.* Abrege de psychologie. Paris, 1969.
147. *Deutsch H.* Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktion. Wien, 1925.
148. *Dickman H.R.* The perception of behavioral units // *The stream of behavior* (Barker R.G., ed.). New-York, 1963. P. 40–41.
149. *Drenth P.J.D.* Der psychologische Test. Munchen, 1969.
150. *Ebbesen E.B., Cohen C.E., Lane J.L.* Encoding and cons ruction processes in person perception. Paper presented at the 83-rd annual conference of the Amer. Psychol Association. Chicago, 1975.

151. *Elstein A.S., Shulma L.S., Sprafka S.A.* Medical problem solving. An analysis of clinical reasoning. Cambridge (Mass.), 1978.
152. *Eriksen E.H.* The nature of clinical inference // Evidence and inference (Lerner D., ed.). Glencoe, 1959. P. 73–95.
153. *Estes S.G.* The judgment of personality on the basis of brief records of behavior. Cambridge, 1937.
154. *Eysenck H.J.* Classification and the problem of diagnosis // Handbook of abnormal psychology (Eysenck H.J. ed.). New-York, 1961. P. 1–31.
155. *Eysenck H.J.* Handbook of abnormal psychology. New-York, 1961. P. 22.
156. *Fassnacht G.* Systematische Verhaltensbeobachtung. Munchen, 1979.
157. *Fischer R.* The design of experiments (6th ed.). New-York, 1953. P. 91–92.
158. *Fraguth G.* Die Entwicklung eines kategorialen Beobachtungsschemas // Verhaltensbeobachtung und Verhaltensmodifikation.
159. *Frank G.* Psychiatric diagnosis: a review of research. Oxford, 1975.
160. *Freud S.* Gesammelte Werke. Frankfurt/Main, 1969. Bd. 8.
161. *Friedrich W., Hennig W.* (Hrsg.). Der sozialwissenschaftliche Forschungsprozess. Berlin, 1980.
162. *Gough H.G.* Clinical versus statistical prediction in psychology // Psychology in the making (Postman L. ed). New-York, 1963.
163. *Gross R.* Medizinische Diagnostik. Grundlagen und Praxis Heidelberg, 1969.
164. *Gruhle H.W.* Verstehende Psychologie Stuttgart, 1948.
165. *Gurvitch G.* Dialectic et Sociologie. Paris, 1962.
166. *Hayden T.* Person perception // Asurvey of social psychology (Berkowitz L., ed.). Hilsdale 1975.
167. *Heidegger M.* Ober den Humanismus. Frankfurt a. M., 1947.
168. *Heyns R.W., Lippit R.* Systematic observational technique // Handbook of social psychology (Lindzey G., ed.). Cambridge, 1954. Vol I. P. 370–404.
169. *Hicks C.R.* Fundamental concepts in the design of experimentation. New-York, 1982. P. 2.
170. *Hodos W., Vainenstein E.C.* An evaluation of response rate as a measure of rewarding intracranial stimulation // J. Comp. Physiol. Psychology, 1962. Vol. 55. P. 80–84.
171. *Hoffmann H.F.* Die Schichttheorie. Stuttgart, 1935. ; *Bash K.W.* Lehrbuch der allgemeinen Psychopathologie. Stuttgart, 1955.
172. *Hull C.L.* Principles of behavior. New-York, 1943
173. *Hunt W.A., Wittson C.L., Hunt E.B.* A theoretical and practical analysis of the diagnostic process // Current problems in psychiatric diagnosis (P.H. Hoch, J. Zubin, eds.). New-York, 1953. P. 53–65.
174. *Hunt W.A., Jones N.F.* The empirical investigation of clinical judgment // Experimental Foundations of clinical psychology. New-York, 1962. P. 25–40.

175. *Hunt J. McV.*, ed. *Personality and behavior disorders*. New-York, 1944. Vol. 1–2.
176. *Husserliana*. Haag, 1950. Bd. 3.
177. *Jaspers K.* *Allgemeine Psychopathologie*. Berlin, 1913 (8. Aufl. 1972).
178. *Jaspers K.* *Allgemeine Psychopathologie*. Berlin, 1973 (9. Aufl.).
179. *Jahoda M., Deutsch M., Cook S.W.* Beobachtungs-verfahren // Beobachtung und Experiment in der Socialfor-schung.
180. *Kamiya J.* Conditioned introspection. Paper red at the Institute of Personal-ity Assessment and Research. Berkeley, 1967.
181. *Kantowsky D.* Möglichkeiten und Grenzen der teilneh-menden Beobachtung als Methode der empirischen Socialforschung (Konig R., Hrsg.). Stuttgart, 1967. Bd. I.
182. *Katz D.* Das Erscheinungswesen der Farben und ihre Be-einflufung durch die individuelle Erfahrung. *Z. fur Psychol. Erga-nzungsband*, 1911. Bd. 7.
183. *Katz D.* *Der Aufbau der Farbenwelt*. Leipzig, 1930.
184. *Kazdin A.E.* *Research design in clinical psychology*. New-York, 1980.
185. *Kelly G.A.* *The psychology of personal constructs*. New-York, 1955. Vol. 1–2.
186. *Kendell R.E.* *The role of diagnosis in psychiatry*. Oxford, 1975.
187. *Kerschbaum P.* Psychologische Tests bei Schizophrenic und organischen Psychosyndromes. // *Klinische Psychologie* (Schraml W.J., Baumann U., Hrsg.). Theorie und Praxis Bern, 1973. Bd. I. S. 104–121.
188. *Kinzel W.* Das irreversible psychische Defektsyndrom nach Hirntrauma. *Forsch. Neurol. Psychiat.*, 1972. Bd. 4. S. 169–219.
189. *Kirk R.E.* *Experimental design. Procedures for the behavioral sciences*. Bel-mout, 1968.
190. *Konig R.* (Hrsg.). *Beobachtung und Experiment in der Socialforschung*. Koln, 1966.
191. *Konig R.* *Die Beobachtung // Handbuch der empirischen Socialforschung*. Bd. I (Konig R. Hrsg.). Stuttgart, 1967.
192. *Kleist K.* *Die gegenwartigen Stromungen in der Psychiatrie*. Berlin, 1925.
193. *Knobloch H.* *Graphologie*. Dusseldorf, 1971. S. 9.
194. *Kraepelin E.* Die Erscheinungsformen des Irreseins. *Z.f.d. ges. Neurologie und Psychiatrie*, 1920. Bd. 62. S. 1–29.
195. *Kraepelin E.* *Uber Entwurzelung*. *Z.f.d. ges. Neurologie und Psychiatrie*. 1921. Bd. 63.
196. *Kretschmer E.* *Ober psychocne Wahnbildung bei trau-matischer Hirnschwa-che*. *Z.f.d. ges. Neurologie und Psychiatrie*. 1919. Bd. 45. S. 272–300.
197. *Kronfeld A.* *Psychiatriische Erkenntnis*. Berlin, 1920.
198. *Kuncel R.B.* *Response process and relative location of subject and item*. *Educat. and Psychol. Measurement*, 1973. Vol. 33. P. 545–563.

199. *Lacay J.I., Lacay B.C.* Verification and extension of the principle of automatic response stereotypy // *J. of Psychology*. 1958. Vol. 71. P. 50–73.
200. *Lange-Eichenbaum W., Kurth W.* Genie, Irrsinn und Ruhm. Munchen, 1967.
201. *Lenard F., Forrai-Banlaki E.* Pszichologiai tanulmányok. 1960. Kotet. 3. S. 255–275.
202. *Lersch P.* Aufbau der Person. Munchen, 1951.
203. *Lewin K.* A dynamic theory of personality. New-York, 1935. Principles of topological psychology. New-York, 1936.
204. *Lorenz K.* Ober tierisches und menschliches Verhalten. Gesammelte Abhandlungen. Munchen, 1965. Bd. 2.
205. *Lorenz K.* Studies in human and animal behavior. Cambridge, 1970–1971. Vol. 1–2.
206. *Mahl G.* Sensory factors in the control of expressive behavior // *Acta psychologica*. 1961. Vol. 19. P. 497–498.
207. *McGuigan F.J.* Experimental psychology. Methodological approach (3d ed.). Englewood Cliffs, 1978.
208. *Meehl P.E.* A comparison of clinicians with five statistical methods of identifying psychotic MMPI problems // *J. Consulting Psychology*. 1959. Vol. 6. P. 102–109.
209. *Meehl P.* Logic for the clinician. Contemporary Psychology. 1961. Vol. 6. P. 389–391.
210. *Meehl P.* Clinical versus statistical prediction. Minneapolis, 1963.
211. *Morin R.E., DeRosa D.V., Stultz V.* Recognition memory and reaction time // *Acta Psychologica*. 1967. Vol. 27. P. 298–305.
212. *Meyer A.* Outlines of examination // *Collected papers of Adolf Meyer*. Baltimore, 1951. Vol. 3.
213. *Miller N.E.* Analytical studies of drive and reward // *Amer. Psychologist*. 1961. Vol. 10. P. 739–754.
214. *Minor M.J., Fiske D.W.* Response processes during the description of other. 1976. Vol. 36. P. 829–833.
215. *Moller C.P.* Erfahrungen mit der Anwendung eines psychosomatisches Verstandnisses in der KHnik // *Psychosomatische Probleme in der Gynakologie und Geburtshilfe*. Berlin, 1984. S. 17.
216. *Newman J.H.* An essay in aid of a grammar of assent. London, 1903.
217. *Newton D.* Attribution and unit of perception of ongoing behavior // *J. of Personal Social Psychology*. 1973. Vol. 28. P. 28–38.
218. *Newton D.* Foundation of attribution: the unit of perception of ongoing behavior // *New directions in attribution research* (Harvey J. et al., eds.). New-York, 1976.

219. *Newton D., Egquist G.* The perceptual organization of ongoing behavior // *J. Exp. Soc. Psychol.* 1976. Vol. 12. P. 436–450.
220. *Olson W.G.* The measurement of nervous habits in normal children. New-York, 1929.
221. *Piaget J.* Introduction a l'epistemologie genetique. Paris, 1950. Vol. 1–3.
222. *Pratt C.* The logic of the modern psychology. New-York, 1948.
223. *Price R.H., Erikson C.W.* Size constancy in schizophrenia: a reanalysis // *J. of Clinical Psychology.* 1966, Vol. 71. P. 155–160.
224. *Plutchik R., McFarland W.L., Robinson B.W.* Relationship between current intensity, self-stimulation rates, escape latencies and avoked behavior in the resus monkeys // *J. Comp Physiol. Psychology.* 1966. Vol. 66. P. 181–188.
225. *Ramul L.* The problem of measurement in psychology of the eighteenth century // *American Psychologist.* 1960. Vol. 15. P. 256–265.
226. *Rapaport D., Gill M., Scafer R.* Diagnostic psychological testing. Chicago, 1945–1946 (2nd ed. 1979). Vol. 1–2.
227. *Ray A.* Monographies de psychologie clinique. Neuchatel, 1952.
228. *Reichenbach H.* The theory of probability (2nd ed.) Berkeley, 1949.
229. *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. New-York, 1947.
230. *Reik Th.* Listening with the third ear. New-York, 1948.
231. *Rohracher H.* Kleine Charakterkunde. Wien, 1961. S. 157.
232. *Rosenbluth W.A., Wiener N.* The role of models in science // *Philosophy of Science.* 1949. Vol. 12. P. 316.
233. *Rosenthal R.* Experimental Effects in behavioral research. New-York, 1966.
234. *Rousey C.L., Moriarty A.E.* Diagnostic implications of speech sounds. Springfield, 1965.
235. *Rubin E.* Visuell wahrgenommene Figuren, Studien in psy-chologischen Analyse. Kobenhavn, 1921.
236. *Sarbin T.R.* A contribution to the study of actuarial and individual methods of prediction // *Amer. J. of Sociology.* 1942. Vol. 48. P. 593–602.
237. *Sarbjn T.R., Taft R., Bailey D.E.* Clinical inference and cognitive theory. New-York, 1960.
238. *Scheler M.* Wesen und Formen der Sympathie. Frankfurt a. M., 1948.
239. *Schiller C.H.* (ed.). Instinctive behavior. The development of modern concept. New-York, 1957. P. 11–12.
240. *Schneider K.* Klinische Psychopatholpgie. Stuttgart, 1950.
241. *Shakow D.* Adaptation in schizophrenia: the theory of segmental set. New-York, 1979. P. 13.
242. *Salso R.L.* Cognitive psychology. New-York, 1979.
243. *Stent G.S.* Limits of scientific understanding of man // *Science.* 1975. Vol. 187. P. 1052–1057.

244. *Stoyva J., Kamiya J.* Electrophysiological studies of dreaming as the prototype of a new strategy in the study of consciousness // *Psychological Rev.* 1968. Vol. 75. P. 192–205.
245. *Straub E.* In: *Psychiatrie der Gegenwart.* Gottingen, 1963. Bd. 1/2. S. 926, 928.
246. *Sullwold L.* *Symptome schizophrener Erkrankungen.* New-York, 1977.
247. *Swets J.A., Tanner W.P., Birdsall T.G.* Decision processes in perception // *Psychol. Rev.* 1961. Vol. 68. P. 301–340.
248. *Tellenbach H.* *Melancholie.* Berlin, 1961.
249. *Tellenbach H.* *Geschmack und Atmosphäre.* Salzburg, 1968.
250. *Thomas D.S.* Observational studies of social behavior // *Social behavior patterns.* New-Haven, 1932. Vol. I.
251. *Ullmann L.P., Krasner L.A.* Psychological approach to abnormal behavior. Englewood Cliffs, 1969.
252. *Vandenberg S., Mallisson M.* The interpretation of facial expressions by schizophrenics, normal adults and children // *Acta psychological.* 1961. Vol. 19. P. 495–497.
253. *Varga E.* Changes in the symptomatology of psychotic patterns. Budapest, 1966.
254. *Watson R.J.* *The clinical method in psychology.* New-York, 1951.
255. *Korchin C.J.* *Modern clinical psychology.* New-York, 1976.
256. *Weaver W.* Science and people // *Science,* 1955. Vol. 122, № 3183; idem, *Science and citizen.* 1957. Vol. 126. № 3285.
257. *Weick K.E.* Systematic observational methods // *Handbook of social psychology.*
258. *Weiner I.B.* (ed.). *Clinical methods in psychology.* New-York, 1976.
259. *White R.W.* *The enterprise of living: a growth and organization in personality.* New-York, 1972.
260. *Weizsacker V.* *Arztliche Fragen.* Leipzig, 1938.
261. *Wells G.S., Dahlstrom W.G.* (eds.). *Basic readings on the MMPI in psychology and medicina.* Minneapolis, 1956.
262. *Werner H., Kaplan B.* *Symbol formation. An organismic developmental approach to language and the expression of thought.* New-York, 1963.
263. *Wiedekind,* cit. *Jaspers K,* 1973, E. 397.
264. *Woodworth R.S., Sells S.B.* An atmosphere effect in formal syllogistic reasoning // *J. of Experimental Psychology.* 1935. Vol. 18. P. 451–460.
265. *Woodworth R.S., Sheehan M.* *Contemporary schools in psychology.* New-York, 1964. P. 55.
266. *Wundt W.* *Logik.* Stuttgart, 1895. Bd. 2.
267. *Wundt W.* *Grundrifi der Psychologie (3. Aufl.).* Leipzig, 1898. S. 22.
268. *Zubin J.* Classification of behavior disorders // *Ann. Rev. Psychology.* 1967. Vol. 18. P. 376.

**ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ
И БЕЗГРАНИЧНОСТЬ
ОБЪЯСНЕНИЯ**

История развития психологии – это сложное, нередко зигзагообразное, движение мысли вокруг трех проблем, а именно: предмета психологии, метода или методов его познания и категориального аппарата как производного представлений о предмете и методе. Мы пытаемся дать историко-теоретический анализ объяснения и понимания в их соотношениях как методов наук о психике в контексте декларируемого сегодня очередного кризиса психологической науки. Мы стараемся показать, как сегодня предпринимаются попытки уйти от естественно-научного методологического монизма к монизму гуманитарно-научному, соглашаясь, скорее, с теми, кто выступал и выступает против «циклопной, одноглазой психологии». Поскольку наши научные корни идут от П. Жане и М.С. Роговина, мы в своих суждениях во многом опираемся на их труды, а также на результаты собственных экспериментально-психологических исследований личности в норме и патологии, включая разработку проблемы фиксированных форм поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии) (1976–2004).

Объяснение в науках о психике

Объяснение есть обязательный этап каждого научного исследования, и психологическое научное исследование не является здесь исключением; наряду с общим для всякого научного объяснения, у объяснений в науках о психике имеются собственные специфические моменты. Проблемам исследования, возникающим на этапе объяснения, посвящена обширная литература, которая в настоящее время уже представляет собой органическую часть общей методологии психологического исследования [1–3]. Сложность и объем проблем объяснения велики, а потому мы здесь касаемся лишь вопросов, непосредственно относящихся к структуре психологического исследования, к психологической природе самого объяснения и его отношения с пониманием. Уточним сначала некоторые понятия и термины, начав с дифференциации понятий объяснения и интерпретации. Интерпретация, по существу, тоже объяснение, но, применяя этот термин, мы обычно имеем в виду объяснение, имеющее место непосредственно в ходе исследования (особенно экспериментального) и опирающееся на непосредственно имеющееся наличное знание.

Это – установление связей и зависимостей внутри данного исследования. Собственно объяснение – это привлечение более широкого круга знания, теоретических концепций за рамками только данного исследования. Второе уточнение касается того, что объяснение обычно определяется как завершающий этап исследования. На практике объяснение выступает не только в этой функции, но из-за очень явной множественности объяснения в психологии (об этом подробнее ниже), на уровне современной психологии почти любая тема отражена не в одном, но в серии исследований. Поэтому некоторые из объяснений оказываются не только или не столько окончательным этапом, но и промежуточным, – одним из звеньев всего процесса исследования.

Несколько следующих замечаний относятся к психологической природе объяснения, где на первый план выступает его близость и его противопоставление пониманию [4, 5]. Говоря о психологии объяснения, следует прежде всего различать две стороны – объективную, или собственно объяснение, и субъективную – понимание, в конечном итоге индивидуально обусловленное. И то и другое есть мыслительный акт включения данного изучаемого явления, объекта в ту или иную систему связей. В идеале обе системы должны совпадать в той мере, в какой они отражают реальные связи действительности. Хорошо известно однако, что в жизни мы нередко имеем дело как с неадекватными объяснениями, так и с неадекватным пониманием. При этом ведущие закономерности у них различны. Понимание может быть чисто внутренним, неразвернутым процессом, не нашедшим внешнего словесного выявления, и тогда обычно говорят об интуитивном (не терминологическом значении этого слова) понимании. Понимание есть, главным образом, акт «присвоения» индивидуально-своеобразную систему связей. В отличие от этого объяснение – не внутренний, а всегда развернутый процесс, реализующийся главным образом коммуникативно (даже в тех случаях, когда коммуникация принимает особую форму, например письменную, или даже когда объяснение дается самому себе). Отсюда ясно, что в отличие от понимания объяснение в гораздо большей степени связано с языковой и логической формами выражения, и, следовательно, оно в большей мере характеризуется внепсихологическими закономерностями (логическими, лингвистическими). Однако формальная сторона еще не определяет качества объяснения, поскольку главным для него, как и для понимания, является степень адекватности отражения объективных связей реальности. Не отражающее их

объяснение таковым, по существу, не является. Вместе с тем объяснение, оторванное от понимания, не связанное с внутренней сложившейся системой связей, представляет односторонний и чисто вербальный акт.

Одной из главных особенностей объяснения как акта мышления, отчетливо проявляющаяся на донаучном уровне, является его двусоставность. В процессе объяснения всегда имеет место логическая дифференциация на то, что объясняется, и на то, как и с помощью чего объясняется. С учетом того, что между объясняемым и объясняющим конечно должна быть и внешне выражаемая связь, это подчеркивание двусоставности объяснения сближает его, с одной стороны, с простым предложением и со структурой мысли вообще – с другой, делает его как бы наиболее четким логическим воплощением мысли. Конечно, не всякое простое предложение есть объяснение, но структура простого предложения – это та естественная форма реализации объясняющего мышления, в которой она только может быть сведена в идеале. Ведь еще И.М. Сеченов писал, что научное изучение мышления возможно лишь в том случае, «если все почти бесконечное разнообразие мыслей... подвести под одну или несколько формул, в которых были бы совмещены все существенные элементы мысли. Это есть трехчленное предложение, состоящее из подлежащего, сказуемого и связки... У всех народов всех веков, всех племен и всех ступеней умственного развития словесный образ мыслей в наипростейшем виде сводится на наше трехчленное предложение. Благодаря именно этому мы одинаково легко понимаем мысль древнего человека, оставленную в письменных памятниках, мысль дикаря и мысль современника. Благодаря тому же мы можем утверждать с полной уверенностью, что и те внутренние, скрытые от нас процессы, из которых возникает бессловесная мысль, у всех людей одинаковы и производятся орудиями, которые действуют неизменно, как звенья какой-нибудь машины» [б. С. 411–417].

Помимо того, что понимание – это характеристика обращенного познания внутрь, а объяснение – во вне, между ними есть и еще хотя и менее очевидное, но существенное отличие. Понимание с логической точки зрения есть всегда констатация некоторой связи, утверждение о характере соответствия объективно фиксируемой реальности имеющейся у субъекта системе понятий. Объяснение как указание на причинную связь только по форме есть утверждение (и в этом случае оно выступает в качестве внешнего выражения понимания), имплицитно же оно есть отрицание, ибо цепь причинно-следственных отношений может содержать

множество скрытого от нас. Поэтому, согласно К. Левину [7], задача психолога исчерпывается установлением законов или (что по смыслу, вкладываемому здесь Левиным, идентично сказанному) полным описанием отношений между личностью испытуемого как относительно стабильной системой характеристик и ее окружением.

Другие авторитетные психологи, как, например, Ж. Пиаже, делают упор на то, что в психологии существует множество типов объяснения; более того, жалеет Пиаже, их гораздо больше, чем в таких науках, как физика, химия или биология. «Причину этого не следует искать главным образом в расхождениях психологов в вопросе установления фактов или законов; здесь рано или поздно будет достигнуто согласие, хотя существуют еще достаточно обширные области, где некоторые факты принимаются как таковые и рассматриваются как общие до их экспериментальной проверки (например, в клинической психологии); это согласие, в конечном счете, всегда неизбежно имеет место. Различие объяснений несколько больше зависит от дедуктивной скоординированности законов не потому, что правила дедукции варьируют от одного автора к другому, а потому, что если некоторые школы предпринимают значительные усилия для достижения дедуктивной связанности (например, современные американские теории научения), то другие озабочены этим гораздо меньше. Но главную причину множественности форм объяснения следует искать в разнообразии «моделей» [1. С. 166–167].

Несомненно также, что характер объяснения зависит и от других обстоятельств, в первую очередь от характера проблемы и от объема имеющихся в этой области знаний, – при всем том, что в идеале исследователь всегда стремится вскрыть прямые причинноследственные связи. Своеобразные сдвиги в характере объяснения наметились в современной когнитивной психологии, – изменения, представляющие собой следствие от таких ее особенностей, как: 1) все возрастающей роли эксперимента; 2) ведущей роли в познании внешней реальности информационных процессов и 3) констатации определенной иерархически организованной структуры психического, в которой по-разному кодируется информация о внешней реальности [3]. Когнитивная психология делает некоторый шаг в направлении объяснения сложных психических феноменов, и при этом особое значение приобретает понятие репрезентативности. Репрезентативным является тот член класса, в котором сосредотачиваются основные особенности всего класса изучаемых явлений в целом. В классе, с позиций когнитивной психологии, представлен код или совокупность

кодов, в которых выражается объект в процессе познания. Прогресс методик исследования обеспечивает репрезентативность их результатов тем или иным классам, а прогресс теории – последующее истолкование результатов кодирования. Эксперимент позволяет увеличить наши знания о той или иной психической структуре (классе психических явлений), и в то же время – поскольку результаты исследования репрезентативны – устанавливает их место внутри этих структур, т.е. позволяет рассматривать их как конкретный случай свойственного данному классу способа кодирования.

Таким образом, понятие репрезентативности еще не обладает объяснительным статусом, но оно позволяет повысить эффективность объяснения, хотя и путем внесения в него дополнительных звеньев. Конечно, степень репрезентативности результатов экспериментального исследования может быть различной. Так, в работе Д. Бренсфорда и Д. Франкса [8] испытуемым предъявлялась фраза-прототип (содержащая всю информацию в рамках задания, она предъявлялась лишь для опознания) и фразы, содержащие частичную информацию; последние предъявлялись как для заучивания, так и для опознания. Была отмечена явная тенденция к предпочтительному воспроизведению фразы-прототипа, хотя испытуемые ее и не заучивали. На основании подобных данных делаются выводы как о структуре памяти на визуально предъявляемую стимуляцию, так и о соотношении полного и частичного содержания в процессе запоминания. Здесь фраза-прототип прямо репрезентирует структуру изучаемого класса психических явлений, но даже в случаях, когда суждение о репрезентативности в большей мере косвенное, его использование в целях объяснения все же возможно. Так, о системном характере ретенции можно судить по данным ассоциативного эксперимента в сочетании с хронометрией [9]; предъявление информации в одной какой-то модальности интерферирует с информацией в той же модальности, хранимой в долговременной памяти, но не затрагивает ее содержание в других модальностях [10]; число возможных при решении задач способов действия (стратегий) ограничено, в основном, объемом оперативной памяти и при увеличении трудности задания резко сокращается число используемых испытуемым гипотез [11] и т.д. В тесной связи с отмеченной выше характеристикой объяснения как не только завершающего, но и промежуточного этапа исследования, а также в связи с возможностью множественности объяснения находится еще одна его особенность, на которой следует остановиться особо. Это – структурно-уровневая характеристика объяснения.

П. Фресс формулирует это сжато в следующих словах: «Разумеется, виды объяснения могут быть весьма различными. Можно дать объяснение на уровне переменных ситуаций; можно определить, объясняется ли ряд результатов действием промежуточных переменных, существование которых постулируется (таким характером обладают факторы) и статус которых изменяется в зависимости от их объяснительной ценности и соответствия другим промежуточным переменным. В самом деле, было бы ошибочным считать, что данному результату соответствует лишь один какой-то способ объяснения. Во всех случаях для каждого явления можно пользоваться различными «решетками для чтения шифра». Для всякого, кто ищет объяснения, основная ошибка будет состоять в том, чтобы принять какую-нибудь частную причину за главную причину» [12. С. 151].

Мы хотели сделать особый акцент на то, что объяснение имеет структурно-уровневое строение не случайно, но это есть экстраполяция на самый процесс исследования внутренней логической структуры предмета психологии. В результате проведенных исследований мы, следуя таким мыслителям как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н.А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности их структурно-уровневой организацией [5, 13–21]. Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, т.е. направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании – испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и иную – уже динамическую (в нашей терминологии) акциональную (от франц. action – действие; необходимо отличать акциональные уровневые структуры от уровневых структур личности, хотя между ними есть и много общего), структуру, соответствия самих действий по отношению к идеализированной структуре целей и средств. Уровни этой акциональной структуры определены многими параметрами (адекватность цели, время, наличие или отсутствие ошибок, легкость выполнения, способ кодирования и т.д.) Следует отметить, что наличие акциональных уровней не очевидно, они являются результатом специально проведенного психологического анализа. Важнейшим экспериментальным условием установления характера акциональных уровней в конкретном виде деятельности является введение неопределенности для решающего ту или иную задачу испытуемого. Как было установлено в работе Л.П. Урванцева [22], различные объек-

тивно имеющие место в деятельности рентгенолога виды неопределенности преодолеваются в процессе деятельности рентгенолога определенными действиями: перцептуальная неопределенность – визуальным поиском, неопределенность репрезентации и семантическая неопределенность – описанием, концептуальная неопределенность – выдвижением диагностических предположений и установлением их обоснованности. Было показано также, что эти действия образуют иерархическую структуру с высшим уровнем цели. Низший уровень характеризуется самой высокой вариативностью, а наибольшая степень неопределенности типична для стратегии поиска относительно выделенной и зафиксированной патологии. На уровне описания вариативность значительно меньше, и она еще более уменьшается на уровне диагностических предположений. Связанное с переходом от одного уровня к другому перекодирование последовательно снимает неопределенность, но неполное «исчерпывание» информативности каждого уровня и преждевременный переход на более высокий уровень увеличивают риск ошибки. Более того, меняется характер ошибки суждения рентгенолога; ошибка на более высоком уровне принимает все более детерминированный, обобщенный характер, выражающийся в форме альтернативного выбора, и при этом в какой-то мере изменяются возможности корригирования ее с помощью действий более низкого уровня. Здесь выступает сложная диалектическая зависимость между действием и собственно познанием.

Таким образом, мы констатируем наличие хотя и сложных опосредованных, но все же общих формально-смысловых элементов и их отношений в двух структурах – в предмете и в его объяснении – и поэтому рассматриваем этот способ объяснения как один из наиболее эффективных в современной психологии.

Понимание как метод наук о психике

Понимание как метод наук о (человеческой) психике родился в психологической школе, которая ведет свое начало от немецкого философа и психолога Вильгельма Дильтея (W. Dilthey, 1833–1911) и которая в специальной литературе стала известна под названием «Понимающая психология» или «Научно-духовная / гуманитарная психология». Правда, сам Дильтей не пользовался этими названиями. Вначале он говорил о «реальной психологии», затем об «описательной и аналитической (zergliedernder) психологии» [23] и, наконец, о «структурной психоло-

гии». Кстати, на русском языке известна его книга «Описательная психология», вышедшая в Санкт-Петербурге лишь в 1994 г. «Понимающей психологией» она, как новое учение о душевной жизни, была названа известным немецким философом и психопатологом Карлом Ясперсом в 1913 г. В качестве «гуманитарной психологии» она впервые встречается в работах другого немецкого ученого – Эдуарда Шпрангера [24]. Они и оказались видными представителями первого оппозиционного течения по отношению к классической «элементной или ассоциативной психологии», предметом которой было сознание (рацио), а философской базой был рационализм Декарта (*cogito ergo sum* – мыслю, значит существую; душа – это сознание и ничего более). Среди других сторонников «новой психологии» следует назвать: Александра Пфендера, Ганса Груле и Теодора Эрисмана. Предметом этой психологии стало «*das Erleben*» – «переживание».

Со смещением предмета психологии с рационального сознания на непосредственное и целостное переживание меняется и метод психологии. Дильтей, Шпрангер считали, что только понимание ведет в глубины души, в то время как естественнонаучное объяснение охватывает лишь поверхность, «скорлупу» душевной жизни. Посредством причиной редукции можно объяснить психофизические взаимосвязи, но не достичь собственно психического. Сущность, ядро психического – мотивационные и чувственные взаимосвязи – можно только понять, но не объяснить. Так сказать, в немилость к сторонникам понимающей психологии попали, как принадлежащие к методу объяснения, и эксперимент, и индуктивное движения мысли от фактов к общему, и измерение, и статистика. Они ставили, – говоря жестко, – интуицию выше индукции (индуктивного – рационального способа мышления в процессе познания).

В свою очередь, экспериментальные психологи как приверженцы метода объяснения называли своих гуманитарных коллег «писателями, красиво пишущими», «системными поэтами» и т.д., чтобы показать, что в их глазах метод понимания проходит мимо фактов. Историк психологии Людвиг Понграц [25. С. 263] предлагает оставить этот «спор о рангах», поскольку последний уже в целом относится к прошлому. Но мы не можем это сделать и с этим согласиться, поскольку сегодня являемся свидетелями, мы бы сказали, бурного ренессанса и «понижающей психологии», и «понижающего метода», особенно в отечественной психологии, после нахождения их довольно длительное время в «анабиозе».

Почему имел место анабиоз и почему это возрождение? Прежде чем ответить на эти вопросы, нам следует осуществить историко-

теоретический анализ метода понимания (*das Verstehen, die Verstehensmethode*). И в этой связи следует упомянуть добрым словом немецкого ученого Йогана Дройзена (*Historik, 1937*), который, пожалуй, первым отграничил метод понимания в исторических науках от естественнонаучного объяснения и тем самым обосновал как бы право на самостоятельность гуманитарных (духовнонаучных) наук.

В историю психологии понимание вошло вместе с переживанием. Как они связаны? Дильтей писал, что «понимание предполагает переживание» [23. С. 143]. Тем самым понимание зависит от переживания. Постпереживание, проникновение в мир переживаний другого человека, по мнению Дильтея, зависит от собственного, аналогичного переживания. Но с другой стороны, переживание также зависит от понимания. Понимание делает переживание осознанным, делает его жизненным опытом. Больше того, в понимании переживание выводится из узости субъективности в область целостного и общего. Поскольку понимание ориентировано на общее, то в индивидуальном должно стать транспарентным (увиденным) сверхиндивидуальное, «подобное по форме», «общее». Наконец, по мнению Дильтея, наше собственное переживание через постпережитое понимание чужой жизни содержательно расширяется и обогащается. Переживание и понимание находятся тем самым в отношениях взаимной обусловленности.

Обратимся теперь конкретно к самому пониманию значения слова «понимание». В языках литовском, румынском, таджикском, татарском, финском, шведском, эстонском, японском слово «понимание» указывает на предметную деятельность в значении «уметь», «разбирать», «рассматривать», «упрощать», «находить». В языках венгерском, китайском, турецком его значение соотносится с представлением об «окончании действия», «завершении», «созревании». В некоторых языках «понимание» непосредственно соотнесено с элементарным «чувствованием», «ощущением» (французский, турецкий). Ряд языков, в том числе и русский, выделяют в значении «понимания» идею «овладения», «превращения в свое» [26. С. 38]. В родном для Дильтея немецком языке, как и для нас в русском, глагол «*verstehen*» («понимать») используется в разном значении: мы понимаем смысл предложения, сообщения, иностранную речь или их не понимаем. Определения слов, терминов, понятий нередко начинаются следующим образом: «Под X понимается или мы понимаем...». Понимание такого рода Ясперс называл «рациональным»; другие авторы – «логическим пониманием» или «понятийным». Понимание может также означать: что-то мочь, в чем-то разбираться. Эту форму понимания

можно обозначить как практическое понимание. Но имеет место и психологическое понимание (выделено мной. – Г.З.). Мы понимаем непосредственно выражение лица другого человека, его жесты и манеру поведения, его походку и позу. Мы обычно говорим: «Я не понимаю, как ты мог / могла нечто сделать», с чем, как правило, связана оценка. Мы понимаем, почему у обиженного человека появляется желание отомстить, почему честолюбивого так ранит критика, почему кто-то кому-то изменил или даже совершил убийство или самоубийство. В этих случаях мы имеем в виду только психологическое понимание.

Но является это понимание научным или донаучным, наивным? Этот вопрос оставался спорным со времен Дильтея. Он же выделяет «элементарную» и «высокую» форму понимания. Элементарное понимание происходит непосредственно; никакие рациональные акты не оказываются между наблюдением и пониманием. Это, прежде всего, выражение переживания, которое таким образом непосредственно оказывается понятным. Практическая жизнь востребует такое элементарное понимание: «В процессе взаимодействия людей каждый хочет понимать, что хочет от него другой. Так возникают элементарные формы понимания» [23. С. 207]. Наряду с непосредственностью Дильтей называет и другой признак элементарного понимания – отнесенность к отдельному жизненному выражению / проявлению. Конкретный взгляд, жест, поведение понимается элементарно как выражение внутренних, структурных и чувственных взаимосвязей или даже всей биографии.

Душевные / психические взаимосвязи поддаются лишь высшему пониманию. Оно базируется на элементарном понимании, предполагает его. Высшее понимание востребовано, прежде всего, когда элементарное понимание не справляется, когда мы не можем понять выражение жизни (*Lebensäußerung*). Не понятие стимулирует высокое понимание.

Ясперс обозначил эти два вида понимания как статическое и генетическое понимание. Он писал: «Понимание охватывает отдельные психические качества и состояния, как они переживаются (феноменология), последнее – восхождение (*Auseinanderhergehen*) психического из психического, как это движется при мотивационных взаимосвязях, контрастных влияниях, диалектических переменах / поворотах» [27. С. 255]. В отличие от Дильтея, у Ясперса отсутствует диакритикум (диакритический знак) непосредственности. Статическое понимание не истолковывается как непосредственное понимание, а как часть процесса понимания, как описание феномена.

С целью различения научного и ненаучного понимания немецкий ученый Роберт Гейс в 1903 г. ввел понятия непосредственного и опосредованного понимания. Непосредственное понимание основывается на позитивной или негативной идентификации (сочувствие, любовь, ненависть) и отказывается от любого объяснения. Опосредованное понимание, напротив, использует размышление и объяснение как вспомогательные средства. К такому виду понимания можно отнести глубинно-психологическое понимание. Психотерапевт пытается понять ситуацию своего клиента не только через вчувствование (эмпатию) и применение процедур (Nachvollzug); он в большей степени использует также редуцирующее объяснение, относя психические расстройства к определенному кругу неврозов, пытаясь их объяснить посредством гипотезы и теории (например фрейдовской) и, тем самым, прийти к глубокому пониманию.

Теперь сконцентрируемся на «опосредованном», «высоком» или «критическом» понимании в психологии, на понимании как методе. Это необходимо, поскольку представители понимающей психологии считают понимание равным объяснению, а в психологических вопросах даже методом, превосходящим метод объяснения.

Дильтей называет три особенности нового способа исследования: во-первых, он уходит корнями в непосредственное, целостное переживание. Структурные взаимосвязи, по Дильтею, даны нам живыми; а понимание для того, чтобы «из них сделать для нас понятным отдельное» [23. С. 172]. Итак, понимание идет от данностей внутреннего опыта или восприятия, в то время как объясняющая психология идет от гипотез. Тем самым для первой – понимающей психологии – вначале находятся целое, взаимосвязь, а для второй – объясняющей психологии – части (элементы). Кто исследует с помощью метода понимания (понимающе), согласно Дильтею, движется аналитически, пытается разложить целое на составные части; кто исследует объясняющее, т.е. с помощью метода объяснения, вынужден конструировать взаимосвязи из частей, т.е. заниматься синтезом.

Вторую особенность метода понимания Дильтей называет «интеллектуальностью внутреннего восприятия» и пишет по этому поводу, что «Мы узнаем об этой взаимосвязи в нас лишь отрывками, то в одном, то в другом пункте на нее падает свет, открывающий суть, поскольку психическая сила как бы не может представить в сознании (помочь осознать) сразу все звенья внутренних взаимосвязей. Чтобы осознать душевную взаимосвязь в ее существенных деталях, требуется включение элемен-

тарных логических процессов: различать, находить общее, определять степень различий, разделять, абстрагировать, связывать в одну многие взаимосвязи, из многих фактов извлекать общее...» [23. С. 168]. При понимании ни в коем случае не идет речь о субъективном произволе, о лишь сигналах чувств, о неконтролируемом интуитивизме. И при понимающих приемах присутствует дискурсивное мышление: имеет место абстрагирование, обобщение, увязывание.

Третья особенность психологического метода понимания представляется Дильтеем следующим образом: «Отдельные душевные процессы, объединения душевных фактов, которые мы воспринимаем внутренне, выступают в нас с различным осознанием их ценности для общего. Так отделяется во внутреннем понимании существенное от несущественного. Психологическая абстракция, которая выделяет взаимосвязь жизни, обладает для совершения этого ведущей нитью в этом непосредственном сознании ценности отдельных функций для целого, чем не обладает естественное познание» [23. С. 168]. Познание сущности является главной целью понимающих приемов. Оно обозначается Дильтеем как акт непосредственного сознания. Познание сущности является, в действительности, специфичностью метода понимания не только в психологии, которая стремится к сущности личности, развивающегося гештальта и т.д., но также и в философии, и в гуманитарных науках. Сущность же есть нечто большее, чем взаимосвязь фактов, она выходит (трансцендирует) за существующее; является, в конце концов, результатом творческого акта, который вырастает из исходного понимания, что задается изначально человеческому бытию в этом мире.

Дильтей характеризовал свой метод как «раскладывающий на части» и «описательный». Раскладывается или анализируется данная комплексная действительность. И другие науки тоже анализируют: логика, химия, физика; они ищут факторы действительного. Особенность же психологического анализа в том, что его предмет – это действительность переживания и что «без формулирования в промежутке каких-либо гипотез» из этой взаимосвязи звенья как бы вынимаются и помещаются обратно [23. С. 166].

Как анализ, так и описание не являются особенностью психологии. Естественные науки тоже описывают. Мы сегодня понимаем под описанием языковую фиксацию наблюдаемых нами случайно или систематическим образом данных. Так экспериментальная психология описывает порядок, процесс и результаты своих исследований. Следует строго от-

личать от описания интерпретацию как особый акт. Для Дильтея описание означает большее: «Я понимаю под описательной психологией изображение представленных в каждой развитой душевной жизни одинаковых по форме составных частей и взаимосвязей, как они увязаны в одну единственную взаимосвязь, которые не вдумываются и не открываются, а переживаются» [23. С. 152]. Она, описательная психология, «рассматривает, анализирует, экспериментирует и сравнивает. Она использует любое вспомогательное средство для решения своей задачи». Ее первым делом являются «дефиниции, четкие определения имен и классификация». Описание для Дильтея означает соответственно уже научное представление результатов анализа. Он дает в связи с этим следующее разъяснение: «Исходят из развитого культурного человека. Описывают взаимосвязь его душевной жизни, пытаются, как только можно яснее, увидеть с помощью всех вспомогательных средств художественного воображения главные явления, как можно точнее анализируют содержащиеся в этой взаимосвязи отдельные связи. В этом раскладывании (анализе) идут как можно дальше, оставляя то, что сопротивляется анализу таким, каким оно есть; дается объяснение происхождения того, во взаимосвязь чего мы можем заглянуть поглубже, однако с приведением степени уверенности, которая присуща этому объяснению, привлекают повсюду понимающую психологию, историю развития, эксперимент, анализ исторических продуктов...» [Там же. С. 157]. Поэтому не может быть тогда и речи о запланированном, произвольном методе. И не удивительно, что Герман Эббингаус в своей критической статье против Дильтея [28] не обнаружил уж слишком заметных различий между понимающей и объясняющей психологией, чтобы они оправдывали претензии на две разные психологии.

Обратимся в этой связи к Ясперсу, который писал:

«Он, понимающий психолог, исходит из понятной общей ситуации. Она раскладывается, объясняются один за другим выражения, содержания и феномены, с одной стороны, внесознательные механизмы – с другой, и будет почувствована возможность экзистенции как эмпирически неисследуемого основания. Наконец, из этого делимого распространения фактов и чувствований опять выстраивается обогащенное понимание взаимосвязей» [27. С. 259]. Ясперс различает познание общих взаимосвязей, которые он считает собственно задачей понимающей психологии, и применение этих взглядов к отдельному факту. Я еще вернусь к этому различию чуть позже, когда надо будет прояснить ответ на вопрос о критериях надежности понимания. По базовой структуре предлагаемые

Дильтеем и Ясперсом методы совпадают: исходить из целого, тщательный анализ, обогатненное понимание целого; это является и главными пунктами герменевтического метода [3], который был предложен Шляйермахером в 1829 г. и далее развит Дильтеем и Хайдеггером [29]. Ясперс, по сути дела, выходит за пределы психологического понимания, когда он его принимает как путь «прочувствования» экзистенции, «как эмпирически неисследуемое основание».

Теперь несколько слов о третьей модели понимающего метода, предложенной Шпрангером [24]. Духовно-научное (гуманитарное) понимание, согласно Шпрангеру, тесно связано с мировой культурной философией. Он исходит из объективного духа, ценностных и чувственных ориентаций культуры. На первом этапе процесса понимания отдельные ценности культуры «изолируются» (теоретическая, эстетическая, социальная, экономическая, политическая, религиозная ценность) и отводятся от каждого из ему принадлежащих способов поведения и размышления. На втором этапе полученная таким образом психическая структура возводится к типу, т.е. она «идеализируется». Тип следует рассматривать как вид категориального остова, с помощью которого открывается конкретная психическая действительность; он не является самоцелью, но «конституирующим звеном» в процессе понимания. Он служит масштабом, нормой, которой конкретная психическая структура «измеряется». Например, выясняется, что если в жизни человека доминирует теоретическая ценность, то эта ценностная ориентация опять может быть увидена в целом культурной системы ценностей; это значит, что теоретический человек руководствуется не исключительно лишь посредством ценностью правды; также и другие ценностные ориентации определяют его активность. Этот третий этап или шаг в познавательном процессе Шпрангер называет «тотализирование». Четвертый и последний шаг или этап – это «индивидуализирование»: на фоне типического узнается индивидуальное.

Шпрангер свой метод декларировал как научный метод познания. У многих психологов раньше и теперь возникает вопрос, имеем ли мы здесь все еще дело с психологическим методом, с методом психологии, которая себя понимает как опытная наука. В связи с этим сегодня мы можем сказать следующее. Шпрангер справедливо считал, что отдельный человек является не только тем неповторимым, единственным существом, тем *individuum ineffabile*, но, как бы мы сегодня сказали, также запечатленным продуктом культуры, результатом различных детерминант культурной среды. Поэтому является легитимным и исключительно не-

обходимым подходом к индивидуальному характеру задавать вопрос о социальном характере. В том, как человек приспосабливается к действующим в его культурном кругу нормам, уже лежит свидетельство о его индивидуальности.

Итак, мы познакомились с тремя важнейшими моделями понимающего метода (метода понимания) и задаем правомерный вопрос о том, для каких предметных областей психологии они применимы. Уже из этого вопроса следует, что понимание не может, скорее всего, рассматриваться как универсальный метод психологии.

Дильтей считал, что анализирующей и описательной психологии открыта тотально вся душевная жизнь. Но, как справедливо пишет Понграц [25. С. 270], с этим вряд ли можно согласиться. Большая область «физиологической психологии» не поддается пониманию. Связи между психическим переживанием и коррелирующими телесными процессами объясняются, – может не строго каузально, а кондиционально, – но не понимаются. То же самое относительно психофизики, которая исследует психические реакции на внешние раздражители, не являющиеся предметом понимания. В то же время мы можем нередко понять результаты экспериментальной зоопсихологии. Что собака Павлова на условный сигнал – звук колокольчика – выделяет слюну – это следует принять. Но когда крыса-мама, как только услышит писк своих детенышей, преодолевает угрожающую ей преграду до появления чувства голода, это мы можем понять. О «границах понимания и безграничности объяснения» писал и К. Ясперс [30. С. 371].

Названные психологические дисциплины и по сегодняшний день остаются основным исследовательским полем естественнонаучной, объясняющей психологии. Другие находились вплоть до последнего времени в руках понимающей психологии: в первую очередь психология выражения (*Ausdruckspsychologie* – экспрессивная психология) и психология личности. Дильтей придавал большое значение экспрессии переживания, поскольку мы узнаем больше через нее, чем посредством интроспекции. И самопонимание, по его мнению, тоже осуществляется через выражение. Психология выражения и сегодня не очень признаваема естественнонаучно ориентированными психологами, несмотря на ее долгую и богатую историю [19, 31–33]. Психология личности является предпочитаемой областью исследования также поведенческой психологии. Свойства / черты выявляются посредством характерологических тестов и «конструируются» с помощью количественных методов из способов поведения.

Названные приемы способствуют пониманию сущности, но они одни не могут ее конституировать.

Под сущностью, в психологическом смысле, понимается не платоновская идея, с этим не связывают и этическую оценку, но представляется «окончательно своеобразное, только этому феномену присущее, предлагающее себя в конечном итоге при аналитическом описании» [34. С. 8]. Сущность личности, фазы развития, эмоционального возбуждения и т.д. не представляют собой общее понятие, но внутреннее понятие (Inbegriff), для которого все выделяемые существенные признаки являются определяющими. Конечно, познание сущности может случаться донаучно, интуитивно, а может благодаря плановым усилиям.

Предпочитаемый предмет понимающей психологии – это, прежде всего, тип. Согласно указаниям Дильтея, душевные взаимосвязи представлены в типичном человеке. Для него любой портрет уже был типом. Он хотел этим сказать, что в каждом индивиде есть что-то от сущности человека. Один из последователей Дильтея выразил эту мысль следующим образом: «Когда я понимаю, я типизирую» (Langrebe, 1928 [цит. по 25]). Каждый тип представляет собой констелляцию признаков идеального характера. Чистые типы в реальности не существуют. Отдельный человек – не есть тип, но он в большей или меньшей степени подпадает под определенный тип [35. С. 297]. С методической позиции различают «идеальные типы» и «частотные или средние типы» (Häufigkeitsoder Durchschnittstypen). Первые из них как бы «высмотрены» из реального многообразия, очищены от всего случайного и идеализированы как чистые типы; они представляют в гештальт-психологическом смысле «хорошие или выразительные» гештальты, почему их называют еще «прегнантными типами» [34, 36]. Вторые определяются посредством факторного анализа (Q-техники). В общем, типологии упорядочивают по старой схеме: дух, душа, тело. Соответственно этому различают ноологические (духовноили культурнонаучные), психологические (функционально-психологические) и соматологические (конституциональные) типы. Характерными для понимающей психологии являются ноологические типы. Дильтей развил из истории философии типы натуралистического и идеалистического мировоззрения. Шпрангер сформулировал, идя от объективного духа, шесть «жизненных форм», которым соответствуют шесть человеческих типов [24]. Ясперс рассматривал свои мировоззренческие типы как следствие развития гегелевского закона движения духа: вначале доминирует привязанность к традициям («нахождение в скорлупе / рако-

вине»), затем следуют скепсис, сомнение в преходящих ценностях («Hang ins Nichts»), наконец, развивается «демонический» человек, который представляет собой синтез обоих первых типов; он создает новые ценности и имеет «свое место в бесконечном» [37].

Понимающая психология видит в типе главную цель своего анализа [25. С. 271]. Она должна ставить при этом, согласно Дильтею, антропологическую задачу. В типе должно высветиться что-то от сущности человека, от общей человеческой природы. Характерологи, напротив, видят в типе не самоцель, а рассматривают его как вспомогательное средство, инструмент анализа индивидуальности. Оба взгляда, по мнению ряда авторов, не противоречат друг другу: типы имеют как теоретическую ценность, так и служебную функцию. При типизировании проявляется общечеловеческая тенденция к попытке обозреть всю полноту и многообразие отдельных явлений. Поэтому нас не должно удивлять, что типологическое мышление имеет такую длительную историю. Она восходит корнями вплоть к Платону, который в своей *Politeia* (Политике) выделил пять типов, к псевдоаристотелевской «Физиогномике», к очеркам по характерам ученика Аристотеля Теофраста, к созданному Гиппократом и Галеном учению о темпераментах. Позднее это портреты характеров французского моралиста Лабрюера, деление людей Кантом с преобладанием чувства красоты и возвышенного, «наивные» и «сентиментальные» люди Шиллера, дионический и аполлинический человек Ницше, вплоть до духовно-научных типов Дильтея, с которых мы и начали.

Наряду с экспрессией, характером и типом к специальным предметам понимающей психологии относят мотивационные и смысловые связи. Мотивационные взаимосвязи отличаются от причинных. Механическую причинность (одинаковые причины – одинаковые последствия) нельзя понять, ее нужно принять к сведению. Но как психическое следует из психического – это можно лишь понять. Что вода при ста градусах кипит, при нуле градусов замерзает – это закономерная причинная взаимосвязь. Что ребенок из орального сопротивления сосет палец, это скорее следует из понимания, чем из статистических доказательств [27, 32].

Мотивационные взаимосвязи являются и смысловыми. Познав мотив какого-либо действия, мы можем затем понять и его смысл. Так, оппозиционное поведение подростка приобретает смысл, когда мы смотрим на него с позиции развития самостоятельной, берущей на себя ответственность личности. Наконец, какой-либо феномен приобретает для нас

смысл, если мы его видим в качестве звена чего-то целого: экономического человека как форму проявления ценностной системы нашей культуры, акт личностной структуры в целом.

В теорию понимания вводит нас вопрос о ее актовой структуре. Основывается понимание на вчувствовании, на интуиции, на непосредственной наглядности, является оно, по сути своей, схватыванием смысла? Означает оно то же самое, что и интерпретация? Как отвечают на эти вопросы Дильтей и другие теоретики понимающей психологии?

Согласно Дильтею, понимание покоится на «проникновении, постпереживании и постобразовании». Проникновению в другого должно предшествовать собственное переживание, которое «транспонируется, переносится в чужую душевную жизнь». При этом постпереживание – это нечто большее, чем просто проникновение. Это продуктивный акт, в котором собственное переживание расширяется за счет присоединения чужого переживания. А когда расширяется собственное переживание, то расширяется и горизонт понимания. Переживание и понимание, как уже говорилось, составляют феномен взаимной связи [23, 38]. Карл Ясперс, Ганс Груле и Теодор Липпс говорят о вчувствовании. Согласно Липпсу [39], отцу этого термина, вчувствование есть «внутреннее соделание», внутреннее подражание, часто также двигательное, т.е. выражения, движения совершаются с большей или меньшей степенью заметности. Оллпорт, вслед за Фрейдом, говорит в этой связи о «кинестетическом выводе». Кроме того, как считал Липпс, в акте понимания субъект и объект образуют некоторое единство. Можно, например, полностью погрузиться в переживания акробата, со страхом наблюдая за его кунштпюками (трюками), хотя сам акробат может и не испытывать страха. В таком случае мы имеем дело, скорее, с непониманием. Если принять эту теорию понимания, то мы можем только тогда понять душевное состояние другого, если мы его сможем сделать своим состоянием, если его радость станет нашей радостью, его печаль нашей печалью.

Теория вчувствования поднимает вопрос о конгенитальности (сходстве, родстве) между понимающим и понимаемым. Является гомология структуры *conditio sine qua non*? Дильтей считал, что она необходима. Он даже считал, что понимание предполагает симпатию; несимпатичных совершенно нам людей мы не можем понять. Это не согласуется с опытом о том, что симпатия, как и антипатия, может исказить объективность понимания. Однако этим ничего не сказано против понимания на основе общностей. Известно, что представители одного пола, статуса, современники, представители одной и той же культуры и т. д. понимают друг друга лучше.

И Дильтей, и Груле приходят к выводу, что понимание не есть односторонний процесс делающего выводы ума / сознания, как не есть и односторонний эмоциональный процесс. Понимание есть целостный акт. Понимает – не функция, понимает весь человек. Тем самым делается вывод о том, что без личностного участия понимающего нельзя прийти к истинному и полному пониманию. В этом видится отличие понимания от объяснения; при объяснении ученый может сохранять роль «незаинтересованного зрителя», а при понимании он выступает в качестве «понимающего свидетеля». В немецкоязычной литературе можно найти следующее описание различных познавательных позиций ученого-естественника и ученого-гуманитария:

«Его предмет и его метод позволяет ему (естественнику) осуществлять редукцию на экзистенциальный минимум наблюдателя. От гуманитария, напротив, требуется полное включение личности со всей ее резонантной поверхностью. Если он должен ее поставить под рациональный контроль, то он должен ее заставить заиграть, чтобы перед ним предстал материал, чтобы он его видел» [40. С. 141]. Понимающий метод означает конец незаинтересованного зрителя в науках о человеке и конец человека как лишь научного объекта познания. Понимание происходит в напряженном пространстве между дистанцией и участием, на языке античности: между теорией и эросом / жизнью.

У Шпрангера несколько иной взгляд на структуру акта понимания. Научное понимание становится только тогда возможным, когда берется во внимание, что между субъективным и объективным духом, между отдельным и принятыми в его культуре нормами и ценностями движутся «смысловые связи». Понимание, по Шпрангеру, это, по существу, понимание смысла. Мы понимаем вообще то, что имеет смысл. Мы понимаем какого-то человека, если мы знаем, какими ценностями он руководствуется в жизни и когда мы его ценности соизмеряем с объективно значимыми ценностями. Структурно речь идет здесь о понимании через нахождение места отдельного в общей смысловой связи.

Понимание опирается на интуицию – это третья теория. Интуиция не есть ли это нечто субъективное, полностью неконтролируемое? Ученый-естественник, стремящийся к объективности, не примет в науку понимание как интуицию. Интуиция относится к искусству, такие будут его аргументы; это прерогатива гениальных людей. Действительно, понимание нередко связывают с гениальностью. В этой связи Pongratz несколько утрирует ситуацию: «Если понимающие ученые являются избранными,

аристократами духа, тогда объясняющим ученым отводится роль бюргеров и рабочих, которые несут на себе груз и жару будней и не в состоянии достичь того уровня познания, как элита духа. Я умышленно несколько утрировал ситуацию, чтобы напомнить, что с теорией интуиции следует быть осмотрительным. Способностями и даром божьим должен обладать каждый исследователь, каким бы он образом не исследовал. Мы не должны, тем не менее, забывать, что большие изобретения в естественных науках, большие эксперименты в психологии были также большими интуициями, которые были подвергнуты затем испытанию огнем эксперимента и статистики» [25. С. 275].

Что понимают разные авторы под интуицией? Оллпорт [35] противопоставляет интуитивное понимание личности дискурсивному. Дискурсивное понимание идет через умозаключение и аналогю. Вчувствование тоже ставится на эту сторону. Но интуиция используется Оллпортом в очень широком смысле и как понятие обращена к следующим теориям: 1. Прямого восприятия; 2. Врожденного знания и идентичности (Платон, Гегель, понимание через общности); 3. Непосредственного знания (Бергсон, Лосски, симпатическое единение с реальностью); 4. Восприятия индивидуальности (Кроц, неповторимое исходит из естественно-научного обобщения); 5. Понимания (специально человека). Оллпорт рассматривает понимание как одну из пяти форм «интуитивизма». Страссер [40. С. 143–165], Понграц [25. С. 276–277] рассматривают же «интуицию» как одну из теорий понимания. Но они считают необходимым дифференцировать интуицию, во-первых, по уровням или слоям, и, во-вторых, «интуицию любого» от «гениальной интуиции», которой «искусство и наука должны благодарить за свои самые большие достижения».

Четвертая теория представляет акт понимания не как интуитивное зрелище, а как наглядность (воззрение, взгляд). Здесь интересные мысли были высказаны Бинсвангером с опорой на Brentano, Джемса, Бергсона: «Психологическое понимание... предполагает всегда наглядность (презентативную и репрезентативную)» [38. С. 264]. Согласно Бинсвангеру, мы и душевные взаимосвязи усматриваем / наблюдаем непосредственно. Например, мы понимаем ребенка, который безуспешно пытается достать яблоко, а потому и плачет, наглядно / непосредственно; здесь налицо единица переживания, а не свидетельство, которое мы приводим затем с последующим во взаимосвязь. Взаимосвязь здесь дана как целое. Уже ребенок понимает, таким образом, психические взаимосвязи, когда, например, его мама грозит ему пальчиком, когда она им недовольна: «Я

смотрю на чужую душевную жизнь и при этом вижу, как она постоянно меняется, находится в постоянном течении, выпуская из себя волну за волной» [38. С. 285]. С этой теорией можно согласиться, считает Понграц [25. С. 277], когда, например, наблюдаешь за поведением агорафобика и видишь, что он боится переходить улицу. Но видны ли нам мотивы его страха переходить улицу? На этом вопросе, считает он, «заканчивается наивное «наглядное» понимание и начинается критически проверяющее, научное». По этому поводу довольно метко высказался Оллпорт: «Прямое восприятие никогда не раскрывает связь между отдаленными причинами и актуальными явлениями, в то время как понимание человека требует знания такого рода связей. Для понимания необходимы знакомство, запас опыта, причинный и структурный анализ – все это требует, очевидно, ассоциативной активности. Коротко говоря, умозаключения также необходимы, как и «сенсорное поле»» [35. С. 550].

Следующей темой теории понимания является отношение между пониманием и интерпретацией. Дильтей определяет толкование или интерпретацию как «искусство, подобное пониманию продолжительное время зафиксированных выражений жизни»; речь здесь идет, прежде всего, о речевых фиксациях. Наука, где понимание строится по всем правилам искусства, – это герменевтика. Герменевтический метод – его применение и развитие начинались с толкования исторических источников и текстов. Перенесенный в психологию, в толкование психологических феноменов, он предполагает также наличие, прежде всего, определенного материала, который следует добыть каким-то методом. Это могут быть поведенческие наблюдения, тестовые данные, экспрессивные данные, сны / сновидения, экспериментальные данные и т.п. Во всех случаях вначале должно быть описание, а затем интерпретация. Но описание – это тоже научный акт. А до описания должен осуществиться сбор материала. Затем при описании осуществляется упорядоченное отделение несущественного от существенного, проникновение в него и «счастливое формулирование», но не смешивается с интерпретацией – она идет следом. Но надо помнить, указывал Дильтей и др., что описание – это первый акт понимания. Он состоит в выборе способа и образа сравнения, различения, отнесения и взаимосвязывания. И при этом очень важным представляется выбор слов и понятий.

Интерпретация же необходима, когда имеющийся материал не может полностью или частично быть понятым. Она прилагается к непонятому. Страссер [40] называет две формы интерпретации: антиципирующее тол-

кование, или гипотеза, и толкование в узком смысле, или герменевтика. Что касается гипотезы, то, обычно, она формулируется до эксперимента, так называемая доэкспериментальная гипотеза (или нулевая гипотеза, которая опровергается статистическими данными). Страссер же считает, что существует и «послеэкспериментальная» гипотеза. Интерпретация результатов исследования может проводиться в форме гипотезы, с чем можно согласиться. Послеэкспериментальная интерпретация является одновременно и доэкспериментальной гипотезой для следующего исследования. Герменевтическая интерпретация первоначально была духовно-научным / гуманитарным методом толкования. И психология также уже не обходится без герменевтического толкования [23]. Движение от части к целому и опять к части, упорядочение предмета интерпретации в смысловые связи и соотнесение двух отдельных факторов – все это существенные акты герменевтического понимания. В пределах нашей науки – психологии – этот метод применяется преимущественно в психологии личности, экспрессивной психологии, психодиагностике, психологии развития, социальной психологии, психопатологии.

Итак, при рассмотрении актструктур понимания мы получили разные ответы. Как можно их привести в некоторый порядок? Попытаемся это сделать, прибегнув к материалу, предложенному, прежде всего, Понграцом в его «Проблемной истории психологии» [25]: 1. Дильтей и Ницше высказывались по этому поводу, а Хайдеггер [29] это тематизировал следующим образом: Понимание есть экзистенциальное базовое определение человеческого бытия. Понимание и бытие, по Хайдеггеру, «одного и того же происхождения». Происходят они из «первичного понимания» или наивного понимания, свойственного человеку изначально. Дело в том, что в любом нашем вопросе, как бы уже имеет место некоторое предпонимание. Это первичное понимание включает в себя теории «вчувствования», «интуиции» и «наглядности», которые происходят до-рефлексивно и непосредственно. 2. На основе этого изначально, имманентного относительно жизни понимания, человека в особенности, строится научное, критическое понимание как метод. Но следует видеть и помнить, что из этого первичного понимания тянутся корни как понимающего, так и объясняющего методов. Правда, это не значит – отрицать их специфичность и все бросать в одну корзину. Они отличаются, о чем мы сейчас и поговорим, хотя бы кратко.

Прежде чем мы рассмотрим различия и общее в объяснении и понимании, мы должны еще поставить понимающему методу вопрос о крите-

риях достоверности его высказываний и заключений. Если они у него есть, то только в этом случае он может выступать на равных с методом объяснения.

Наука, как правило, должна довольствоваться вероятностями, так как истина – это идеал, вероятность – это реальность. В этих рамках функционирует и понимание. Понимающий метод – это не эзотерическая процедура, это не занятие для аристократии духа. Он отвечает критериям науки. Он может делать свои методические шаги опосредствованно и подвергаться контролю. Консенсус опытных и объективно доказательных фактов – основание также и для метода понимания. В заключение сравним понимание и объяснение, выявим еще раз то, что их отличает и объединяет. Понграц для большей наглядности строит следующую схему [25. С. 281–282]:

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Объяснение

Понимание

А. Профиль различий

Исходные аспекты

1. Гипотеза (ы).	Нечто данное / случай / событие (переживание и поведение).
2. Части (элементы).	Целое (структурные связи).
3. Конструктивный, синтетический (психические образования и взаимосвязи объясняются как соединения элементов).	(Образ) действия Раскладывающий, аналитический (из данных целостностей выделяются «составные части, звенья»).
4. Экспериментальный, количественный.	Интерпретирующий, качественный.
5. Каузальная редукция (или регрессивная редукция).	Методологическая характеристика Эйдологическая редукция к сущностям и идеальным типам.
6. Верификация гипотез через эксперимент и статистику.	Интерпретация на основании «объективностей».
7. Операциональный.	Феноменологический.
8. Номотетический.	Идеографический.

Цель

9. Законы, статистические значения.	Смысловые связи, сущности, типы.

Критерии

10. Прогностичность, статистически надежные подтверждающие реакции, повторяемость / воспроизводимость.	Очевидность, согласие специалистов, объективные данные.

Познавательная позиция

11. Дистанцированная – «Незаинтересованный зритель».	Включенная / энцижированная – «Понимающий свидетель».

В. Общее

Непосредственное, дорефлективное понимание как корень познания.
Объективные данные как основа научных выводов.
Контролируемость выводов.

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учениях о душе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественнонаучной процедуры. Понграц считает [25], что Эббингаус своей «Репликой на идеи Дильтея» [28] хорошими аргументами постарался защитить естественнонаучную психологию. Правда, он не все увидел, больше сосредоточившись на общем, не увидел различий. Представители же понимающей психологии уж слишком заострили внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Здоровые голоса были раньше и сейчас встречаются те, которые эти подходы не абсолютно противопоставляют и не указывают, какой из них «лучше», а считают, что они, скорее всего, дополняют друг друга. За это уже был Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». Кюльпе (Вюрцбургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же как и В. Джемс, К. Бюлер видел в них две ступени познавательного процесса: «интуиция – это первое, но последнее слово все же за индукцией» [31]. К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предполагает понимание, а физический мир – объяснение в терминах причинности, должна быть признана поверхностной и ложной. Любое событие – независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, – в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению. ...Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию» [30. С. 371–372].

А некоторые психологи – уже наши современники – справедливо считают, что «в психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности» [41, 42].

В течение XX столетия много раз поднимался вопрос о методологическом / методическом кризисе психологии [43], о необходимости уйти от «методического монизма» [44]. Эта тема благополучно перевалила через границу столетий и остается острейшим предметом дискуссии и в XXI в. Сегодня, как отмечают многие психологи, имеются признаки нового – старого методического / методологического кризиса психологии [45–47]. Но попытки разрешения этого кризиса, на наш взгляд, принимают даже не радикальный, но экстремистский характер. Предпринимаются попытки уйти от естественнонаучного методического монизма, предав его анафеме, к монизму гуманитарно-научному. Имеет место, нередко, такая претензия на монополию «незамутненного взгляда», на порождение «новой парадигмы и революции в психологии». Так и хочется сказать, господа, «тщательнее» читайте не только своих кумиров и себя, любимых, но и «проблемную историю психологии». А.А. Ухтомский, исходя из учения о доминанте, в этой связи писал, что в подобных случаях «действительность усекается ради прекрасных глаз собственной теории» [48]. К.Ясперс тоже обращал внимание на проблему предрассудков, в том числе философских, теоретических и др., которые «отягощают и парализуют нашу мысль» [30. С. 41]. История науки, в том числе и психологической, знает множество примеров проявления учеными предрассудков, догматизма и многих других «фиксированных форм поведения» [49].

На 65-летнем юбилее Американского психологического общества в 1957 г. Ли Кронбах в своей президентской речи обратился к психологам с призывом покончить со «схизисом» между экспериментальными и коррелятивными направлениями интеграцией. Джон Коэн на Международном психологическом конгрессе в Боне (1961) доктринерскую исключительность в методических вопросах обозначил как «циклопную, одноглазую психологию». Годом раньше при своем основании Ассоциация экзистенциальной психологии и психиатрии объявила, что «хотела бы видеть в одном ранге экзистенциальный подход (Мэй), экзистенциальную тенденцию (Роджерс), позицию дисциплированной наивности (Маклеод) с лабораторным исследованием, объективной тенденцией, методом условных рефлексов [25. С. 284]. В 1962 г. Отделение философской психоло-

гии Американского психологического общества в результате дискуссии о бихевиоризме и феноменологии пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве комплементарной базы современной психологии». Следствием такой методической / методологической толерантности является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений [25, 50, 51]. Это мысли, остающиеся актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перенапряжения позитивизмом», «усталости от рационализма» [47]. Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шли острые дискуссии в последнее время на 3-м съезде психологов России в Санкт-Петербурге (июнь, 2003 г.), на Всемирном психологическом конгрессе в Пекине (Китай, август, 2004 г.) и на Сибирском психологическом форуме (сентябрь, 2004 г., Томск) [52].

Литература

1. *Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизический параллелизм // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. М.: Просвещение, 1966. Вып. 1–2. С. 157–194; *Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук. М., 1966. С. 36.
2. *Роговин М.С.* Психологическое исследование. Ярославль: ЯрГУ, 1979.
3. *Роговин М.С., Залевский Г.В.* Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988.
4. *Роговин М.С.* Динамика соотношения понимания и перевода в познании // Вопросы философии. 1981. № 2. С. 132–143.
5. *Роговин М.С.* Значение психологической теории понимания в различных видах познавательной деятельности // Психологические проблемы диагностики. Ярославль: ЯрГУ, 1985.
6. *Сеченов И.М.* О предметном мышлении с физиологической точки зрения // Физиология нервной системы. М., 1952. Т. 1. С. 411–417.
7. *Lewin K.* Principles of Typological Psychology. N.Y., 1936.
8. *Bransford J.D., Franks J.J.* Abstraction of linguistic ideas // Cognitive Psychology. 1971. Vol. 2. P. 331–350.
9. *Brooks L.R.* Spatial and verbal components of the act of recall // Canadian J. Psychol. 1968. Vol. 22. P. 349–368.
10. *Morin R.E., DeRosa D.V.* Recognition memory and reaction time // Acta Psychologica. 1967. Vol. 27. P. 298–305.
11. *Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A.* A study of thinking. N.Y., 1956.
12. *Фресс П.* Экспериментальный метод // Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1. С. 99–156.
13. *Желеско П.С., Роговин М.С.* Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности. Кишинев, 1985.
14. *Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976.

15. *Роговин М.С.* Введение в психологию. М., 1969.
16. *Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П.* Психологическая природа неопределенности // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. М., 1973. С. 37–59.
17. *Роговин М.С.* Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования: Ежегодник. 1974. М. : Наука, 1974. С. 187–230.
18. *Роговин М.С.* Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль : ЯрГУ, 1977.
19. *Роговин М.С.* Проблема экспрессии и ее место в психопатологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. Т. 70. Вып. 1. С. 137–143; Вып. 2. С. 280–289.
20. *Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П., Шотемор Ш.Ш.* Структура психики и проблема познания // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 75–87.
21. *Роговин М.С.* Научные критерии психической патологии. Ярославль : ЯрГУ, 1981.
22. *Урванцев Л.П.* Формирование суждений и условий неопределенной визуальной стимуляции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1974.
23. *Dilthey W.* Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. GS 5, 1924.
24. *Spranger E.* Lebensformen. Halle, 7 Aufl. 1930.
25. *Pongratz L.J.* Problemgeschichte der Psychologie. München. Franke Verlag Bern und 1967.
26. *Роговин М.С.* Проблема понимания : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1956;
27. *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Heidelberg, (1913) 1948.
28. *Ebbinghaus H.* Über erklärende und beschreibende Psychologie // Zschr. für Psychologie. 1896. Bd. 9.
29. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Frankfurt a. M., 1963.
30. *Яценко К.* Общая психопатология. Практика. М., 1997.
31. *Bühler K.* Ausdruckstheorie. Jena, 1933.
32. *Kirchhoff R.* (Hrsg.) Ausdruckpsychologie // Handbuch der Psychologie. Bd. 5. Göttingen, 1964.
33. *Rohracher H.* Charakterkunde. Urban&Schwarzenberg – München-Berlin-Wien, 1975.
34. *Gruhle H.W.* Verstehende Psychologie. Stuttgart, 1948.
35. *Allport G.W.* Persönlichkeit. Stuttgart, 1949.
36. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Heidelberg, 1922.
37. *Jaspers K.* Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, (1919) 1954.
38. *Binswanger L.* Probleme der allgemeinen Psychologie. 1922.
39. *Lipps Th.* Vom Fühlen, Wollen und Denken. 2 Aufl. Leipzig, 1907.
40. *Strasser S.* Phänomenologie und Erfahrungswissenschaft von Menschen. Berlin, 1964.
41. *Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М., 1994.
42. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12. С. 9–17.
43. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. Собр.соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
44. *Wellek A.* Der Rückfall in die Methodenkrise der Psychologie und ihre Überwindung. Berlin, 1959.
45. *Залевский Г.В., Залевский В.Г.* Психология и психологи на пороге XXI века // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 13. С. 8–12.
46. *Юревич А.В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
47. *Юревич А.В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 5. С. 35–45.
48. *Ухтомский А.А.* Письма. Пути в неизвестное. М., 1973. С. 371–435.

49. *Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Москва ; Томск, 2004. С. 372–386.
50. *May R.* (Hrsg.) *Existential Psychology.* (1961) 1965.
51. *Wann T.W.* (Hrsg.) *Behaviorism and Phenomenology.* London, 1964.
52. *Сибирский психологический журнал* (гл. ред. Г.В. Залевский). 2004. № 20.
53. *Залевский Г.В.* Психическая ригидность в норме и патологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993.
54. *Залевский Г.В.* Теория субъекта и фиксированные формы поведения // *Психологический журнал.* 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
55. *Залевский Г.В.* Понимание как метод наук о психике // *Сибирский психологический журнал.* 2004. № 20. С. 12–22.
56. *Роговин М.С.* Изменение семантико-логической структуры психологического исследования // *Вопросы философии.* 1983. № 11. С. 76–87.
57. *Роговин М.С., Урванцев Л.П., Иванов Л.М.* Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) // *Вопросы философии.* 1985. № 2. С. 48–61.
58. *Роговин М.С., Залевский Г.В.* Верифицируемое и интуитивное познание психического // *Сибирский психологический журнал.* 2001. № 14–15. С. 8–13.
59. *Heiss R.* *Die Lehre vom Character.* Berlin, (1936) 1949.
60. *Kirchhoff R.* *Allgemeine Ausdruckslehre.* Göttingen, 1957.

**АНТРОПОС – ЧЕЛОВЕК,
УСТРЕМЛЕННЫЙ ВВЫСЬ**

**(ЦЕЛОСТНО-ЦЕННОСТНАЯ ПАРАДИГМА
В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ)**

Человек, словно в зеркале мир, многолик.
Он ничтожен – и он же безмерно велик.

Омар Хайям

Человек представляет собой единство
свободы и природы.

И. Кант

Что такое человек? Ответом на этот вопрос были озабочены очень многие и во все время существования человека. По мнению А.А. Богданова, «вопрос этот одни решают слишком просто и конкретно (обывательщина наивная), другие слишком сложно и отвлеченно (обывательщина философская). Оба типа решений во многом сходятся между собой не только со стороны реального содержания, которое охватывают, но и со стороны основной точки зрения, из которой исходят. Это наивные решения. Общая предпосылка состоит в том, что “всякой твари предел положен есть, его не преjdeши”» [1. С. 107].

Наивным точкам зрения противоплагаются научные. Их не одна, их несколько, но в одном отношении все они недостаточны – все они «парциальны», частичны. Человек есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается полностью ни анатомо-физиологическим комплексом (человеческое тело), ни психологическим (сознание), ни социальным (сотрудничество). И если мы механически свяжем все эти точки зрения, у нас не получится целостной концепции: собрание частей еще не есть целое [Там же. С. 106].

В раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым, она несет ему тяжелые муки неудовлетворенности. На пути к удовлетворенности совершается собиание человека [Там же. С. 111]. А.А. Богданов считает, что «новейшее время истории является эпохой собиания человека» [Там же. С. 112].

«Итак, что же такое человек? Признаем ли мы человеком существо эмбрионально-простое, стихийное, чуждое развития? Мне кажется, что нет. Но если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, не дробное, то наш вывод будет такой: Человек еще не пришел, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте» [Там же. С. 115]. И было бы неправильным соглашаться с Ницше, который, говоря о закате человечества в XIX в., воскликнул: «Бог умер!»,

да и с Фроммом, который воскликнул уже в XX в.: «Человек умер!». Мне думается, что оба восклицания являются явно преждевременными (М. Твен), как и ожидания конца света в декабре 2012 года.

Можно сказать, что «собрание человека» происходило все годы развития психологии как науки, собрание трудное, противоречивое, через редуционизм в его разновидностях, в том числе и системологический¹ (когда человек редуцируется до системы; мы же склонны его считать надсистемным образованием), через «искусственное натягивание» всей психологической реальности на какую-либо категорию, что, несомненно, заводит психологическую мысль в тупик [4]. В результате все большей дифференциации психологии «теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии» [30. С. 5]. Именно следуя этой идее, мы еще в конце 60-х гг. прошлого столетия сделали акцент в своих исследованиях на категорию поведения («фиксированные формы поведения»), которая является, на наш взгляд, «собирающей человека», интегрирующей, поскольку именно поведение, «как мостик, одним концом уходит в тело организма, а другим – в тело культуры» (в терминологии Л.С. Выготского), поскольку именно в поведении (в поступках) личность, т.е. сущность человеческая, является и проявляется. Вслед за А.А. Богдановым мы можем сказать, что сегодня в психологию «человек еще не пришел в полной мере, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте психологической науки».

В основание наших исследований положен *целостно-ценностный подход в контексте интегративной антропологической психологии* [11–14]. В рамках такого подхода человек (антропос – устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостные образования – биопсихосоциально-этический / духовным единством со структурно-уровневым строением,

¹ Л.С. Выготский не сводил человека до системы: «В процессе развития... и исторического поведения изменяются не только функции, как мы раньше это изучали... не столько их структура, не столько система их движения, сколько изменяются и модифицируются отношения, связи функций между собой, возникают новые группировки, которые были неизвестны на предыдущей ступени. Поэтому существенным различием при переходе от одной ступени к другой являются часто не внутрифункциональные изменения, а межфункциональные изменения, изменения межфункциональных связей, межфункциональной структуры. Возникновение таких новых подвижных отношений, в которые ставятся функции друг к другу, мы будем называть психологической системой [4. С. 110].

высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром» (А.Н. Леонтьев), «взаимодействия с действительностью» (А.В. Брушлинский), «разные уровни бытия» (Л.Р. Правдина), которые можно мыслить как миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, и которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный), духовный, культурный миры [34].

Сегодня ученые склоняются к тому, что решающим фактором в этой интегрированной целостной организации является именно нозетическая / духовная составляющая, которая определяет и «индивидуальную ответственность человека за свое здоровье» [27. С. 275]. Нозетическая проблема, по мнению В.И. Кабрина [17. С. 26–28], может быть обнаружена как фундаментальная, если мы вернем современной психологической науке достойные (релевантные) ее горизонты, т.е. вернем ей изначальную триединую проблему духовно-душевно-телесного со-ответствия в человеке в экзистенциальной встрече его с универсумом.

Можно полагать, что основные парадигмы современной и постнеклассической психологии (феноменалистическая, гуманистическая, экзистенциальная, трансперсональная, холистическая) в той или иной степени охвачены «нозетическим ренессансом». По мнению М.Бахтина, духовное пространство человека – это вертикаль, включающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло. Согласно Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» (цит. по: [28. С. 69–70]). Анализируя отличительные особенности поиска психологической природы духовности и выделяя в многообразии современных подходов четыре основных направления, В.В. Знаков [15] делает заключение, что при подъеме к вершинам духовного бытия в личном знании, индивидуальном опыте саморазвития у субъекта возникает нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: их внутренний смысл – психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной основы субъекта.

Согласно метафоре, предложенной нами [11–13], сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в движении в указанных выше мирах, или пространствах, и во времени: от ирдического (земного, телесного) – к нозетическому (духовному, ценностно-смысловому), к человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, ин-

теллеktуальным, нравственным ценностям, любви, самопознанию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно. Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над иррическим, устремляясь к ноэтическому, и фактом ее возвращения назад к иррическому с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета. Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возрождалась в нем после того, как он дотрагивался до земли. Не зря, видимо, и Маслоу в более поздних работах перевернул свою пирамиду.

Как свидетельствует уже в наше время практика оказания психологической помощи, психотерапевтической в том числе, из ее арсенала, даже в тех случаях, когда эта помощь оказывается в рамках биопсихосоциальной модели здоровья и его нарушения [42, 43], выпадает собственно духовный аспект. Правда, в рамках экзистенциального (В. Франкл и др.) и трансперсонального (Р. Мэй и др.) подходов духовный аспект находится как бы в центре внимания, но парадокс состоит в том, что он оказывается фактически и единственным, т.е. не встроенным в целостную модель, в которой бы учитывались «все миры» человека – биологический, психологический, социальный и духовный. Такой целостно-ценностной моделью может стать предложенная нами *биопсихосоционоэтическая / духовная модель* [8, 11–13, 20, 21].

Эта тенденция, на наш взгляд, объясняется рядом обстоятельств как исторического, так и терминологического характера. К историческим причинам можно отнести то обстоятельство, что при развитии представлений о предмете психологии был утрачен духовный аспект, а понятия «духовность», «духовный» приобрели исключительно сакральный характер, чаще всего употребляются в церковной лексике в сочетании «религиозная духовность».

Об актуальности проблемы духовности в психологической теории и практике свидетельствуют, например, дискуссии «Психология – с религией или без нее?» и «Психология и религия – дискуссия продолжается» (2007. Т. 4. № 2, 4), организованные журналом «Психология. Журнал высшей школы экономики».

Одни участники дискуссии высказались со всей определенностью, что духовность и родственные ей категории, несомненно, являются предметом научной психологии. Так, М.Ю. Кондратьев считает, что «духовность как личностное свойство, как характеристика личностной направленности, как базовая характеристика поведенческой активности явля-

лась и является именно психологическим понятием, содержательно симбиозно связанным с такими категориями, как гуманность, сочувствование, в конечном счете, и доброта» [18. С. 21–22]. В.А. Пономаренко даже «чувствует себя неловко, когда читает статьи дискутантов в журнале», поскольку, с его точки зрения, «дух, духовность, душа, трансцендентность, хронотоп, иллюзии, мифы, сказки, аллюзии, вера, идеалы, сновидения, художественное, образное мышление, иконическая память, воля – это ведь предмет психологии» [28. С. 69]. Д.А. Леонтьев в этой связи ссылается «хотя бы на экзистенциальную философию и психологию... что в этой традиции мышления человеческая духовность, свобода, смысл, ценности и т.п. всегда принимались как основополагающая реальность вне зависимости от принятия или отвержения религиозной веры, они из нее не выводились» [22. С. 61].

Некоторые другие участники дискуссии (А. Лоргус, А.А. Гостев, В.И. Слободчиков) придерживаются достаточно решительно иной точки зрения, считая, что духовность может быть предметом психологии, если она пойдет с религией не параллельным, так сказать, а одним путем. Так, А. Лоргус считает, что «главным тезисом в христианской психологии становится следующее: психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа и дух, и одухотворенная телесность» [24. С. 61]. «Зарождающийся новый портрет психологии в интерьере современности», – считает В.И. Слободчиков, – характеризуется тем, что «базовой категорией структуризации общего развития – Зачем? – является ступень восхождения к полноте собственной реальности в ее духовно-душевно-телесных измерениях... это и есть предметно-проблемное поле исследований христианской психологии» [33. С. 92, 97].

А.А. Гостев, справедливо отмечает, что главным ценностно-образующим фактором всех отношений человека является совесть. Вне ее изучения «научные» разговоры о личности и духовности неполноценны. Но проблеме совести психологи уделяют поразительно мало внимания; современным психологам следует воспользоваться теологическими описаниями предмета, опираясь на «православно-христиански ориентированное психологическое знание» (ППЗ)» [6. С. 41].

Если последовать совету А.А. Гостева, то мы, мне кажется, можем оказаться во временах, когда господствовала упомянутая выше «демоническая» модель психических расстройств. По его мнению, «основу пра-

вославному взгляду на личностную психопатологию является понимание греха как ее источника, освоение понятия духовно-психологической нормы. Психопатология может быть рассмотрена как болезнь души, когда человек отклоняется от данного ему Творцом предназначения, утрачивает связь с Богом и внутреннее единство. Грех есть явление метафизическое – несоответствие человека своей истинной природе и предназначению. Особенности и мера этого несоответствия и определяет патологическую телесную, душевную и духовную жизнь... В психологическом плане грехопадение является нарушением в иерархии структур в человеке, приводящим к изменению его психологической природы. На вершине должен стоять Дух, дающий ясность и стройность психической жизни, центрирующий жизнь человека на Боге» [6. С. 42].

«В одном споре на обсуждаемую сейчас тему, – пишет В.М. Розин, – мой оппонент отказывал мне в духовности, поскольку я человек неверующий. Я же пытался ему сказать, что духовность предполагает не веру, а особый способ жизни и жизненный путь. И, напротив, есть много верующих, живущих совершенно бездуховной жизнью» [37. С. 77]. Участник дискуссии Г.В. Иванченко: «Зададимся вопросом вместе с Лоргусом: «можно ли представить себе живого конкретного человека без религиозности? Можно ли рассматривать человека, не имеющего религиозности совсем? Если это возможно с точки зрения психологии, то какова практическая ценность такой науки?» [24. С.59]. А почему и не представить нерелигиозного, но высоко духовного человека?», – спрашивает Г.В. Иванченко [16. С. 53]².

Д.А. Леонтьев, полемизируя, предлагает, совершенно справедливо, на мой взгляд: «Во-первых, давайте разведем такие вещи, как вера, религия и церковь. Вера есть экзистенциальный феномен, сугубо личный. Чтобы верить во что-то, человеку не нужны ни храмы, ни священники. Именно

² Я лично могу даже очень легко представить такого человека – это моя мама, Залевская Юзефа Михайловна, вырастившая в невероятно трудных жизненных условиях четырех детей; муж-инвалид, оккупированный немцами городок на Украине, где мы тогда жили. Бесстрашно бросилась она спасать свою дочь, мою сестру, которой в то время еще не было и 16 лет и которую уже загрузили на машину, чтобы увезти в Германию. В голодное послевоенное время ее главным желанием было, чтобы дети, трое парней – двое моих старших братьев и я – не стали «злодиями» (ворами) и пьяныцями (пьяницами). Моя мама не была религиозной, тем более не ходила в церковь, хотя аж четыре церкви были совсем рядом, а многочисленные верующие родственники (далеко не все из них действительно были «внутренне» религиозны и обладали высокой духовностью) оказывали на нее довольно сильное давление.

вера прежде всего соотносится с такими феноменами, как духовность или совесть» [22. С. 59]. Его также «настораживает центральное положение статьи о. А. Лоргуса о том, что «психология невозможна без духовно ориентированного подхода к человеку...». Ему, как, кстати, и мне и многим другим, «очень хотелось бы уточнить, что стоит за словом «невозможно»: то ли то, что в психологии обязательно должен быть и такой подход и без него она неполна (с этим спорить сложно), то ли то, что психология должна базироваться только на таком подходе и ни на каком ином?».

Глубоко и индивидуально верующий Виктор Франкл [36. С. 334] сформулировал четкий операциональный критерий, почему религиозные категории не должны входить в структуру психологического объяснения и помощи, религия «может быть лишь предметом, но не почвой» мы должны иметь возможность помочь любому человеку, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности, веры или ее отсутствия, в противном случае мы не сможем называться профессиональными психологами. Помощь священника может быть тоже эффективной, но это будет другая форма работы, другая помощь» [22. С. 60]. «В конце концов, – говорил В. Франкл в своей московской лекции, – Богу, если он есть, важнее, хороший ли Вы человек, чем то, верите Вы в него или нет. Духовность не исчерпывается религиозностью» [23. 2008. С. 8–9]³.

Еще в свое время Л.С. Выготский на продвинутых этапах исследования речевого поведения «ставит перед собой проблему выявления специфики одухотворенного поведения как высшей формы поведения (высшей психической функции) человека». Основной замысел теории речевого мышления Л.С. Выготского – показать специфику поведения человека, его отличие от других объектов естествознания. Речевое мышление выполняет здесь функцию модели одухотворенного поведения» [26. С. 19].

По мнению В.И. Кабрина, «в академической психологии эта проблема “брезжит” как проблема смысла в мозаичном многообразии масштабов и ракурсов. Феномен порождения или открытия смысла реальности не достигаем или не решаем ни в психофизиологическом соотношении («специфическая энергия органов чувств» Гельмгольца), ни в биопсихическом ракурсе (переход от “раздражимости” как органического процесса к “чув-

³ В. Франкл: «Мы изучили человека так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [37. С. 119].

ствительности” как сигнальному процессу) при эволюционном изменении жизнедеятельности. И лишь возвращение культурно-исторического контекста обретения человеком смысловых отношений с реальностью как собственно коммуникативного, диалогического (акцентированного в работах М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Дж.Г. Мида) восстанавливается в современной психологии» [17. С. 27].

Соглашаясь с теми авторами, которые считают, что духовность есть понятие психологическое и является предметом научной психологии, удивляемся тому факту, что редко в каком психологическом словаре и энциклопедии приводятся его дефиниции. Тем не менее я приведу ряд определений духовности, которые приводятся в ряде работ.

Так, С. Крымский считает, что духовность – это принцип самостроительства человека, выход к высшим ценностным ориентациям конституирования личности, ее менталитета. Советский философ Л. Буева определяет «духовность как восхождение личности к своим идеалам», а религиозный И. Ильин говорит почти то же самое: дух утверждает в человеке высшее достоинство и вызывает к его чести. По мнению М. Бахтина, духовное пространство человека – это вертикаль, включающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло. Согласно Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» (цит. по: [28. С. 69–70]).

Т. Де Чико, один из иностранных участников упомянутой выше дискуссии, приводит пример определений духовности и религиозности: «Духовность определяется как неограниченный набор личностных мотиваций, норм поведения, опыта, ценностей и установок, которые основаны на поиске экзистенциального понимания, смысла, цели и трансценденции. А религиозность определяется как набор норм поведения, ценностей и установок, которые опираются на ранее установленную религиозную доктрину и институтированную организацию» [39. С. 47].

Нозтическая проблема, по мнению В.И. Кабрина, может быть обнаружена как фундаментальная, если мы вернем современной психологической науке достойные (релевантные) ее горизонты, т.е. вернем ей изначальную триединую проблему духовно-душевно-телесного со-ответствия в человеке в экзистенциальной встрече его с универсумом. Можно полагать, что основные парадигмы современной и постнеоклассической психологии (феноменалистическая, гуманистическая, экзистенциальная, трансперсональная, холистическая психология) в той или иной степени охвачены «нозтическим ренессансом» [17. С. 26–28]. У меня лично соз-

дается впечатление, что этот ренессанс все более и более захватывает психологическую науку и практику. Об этом свидетельствует и организация круглого стола во время конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН: «Психологическое здоровье и духовно-нравственные проблемы современного человека» (Москва, 12–14 ноября 2012 г.).

Л.С. Выготский присоединяется к мнению тех исследователей и докладчиков, выступавших на Первом немецком конгрессе по лечебной педагогике (1922), которые отвергали концепцию *moral insanity* (моральной дефективности, помешательства или безумия) как душевной болезни, но понимали ее как «выпадение тех или иных ценностей или оценок, например мотивов поведения, мотивов ценностей, которые встречаются и у нормальных людей... их следует искать не во врожденном дефекте воли или извращении отдельных функций, но в среде и воспитании. Как недостаток нравственного воспитания» [5. С. 151].

Сегодня на Руси правит бал бездуховность (жизнь не в цене) – это аксиома [32]. С этой оценкой многие, наверное, согласятся. Одним из проявлений бездуховности или духовного нездоровья является, несомненно, фанатизм, проявляемый сегодня в разных сферах и формах, следствием которого являются терроризм и даже войны [9, 10]. За всю историю – 14,5 тыс. войн при 4 млрд убитых. «Пропусту говоря, вера вызывает болезнь; вера убивает; вера исцеляет» (Р.А. Ганн, цит. по: [40. С. 339]). И дело, конечно, не в вере, какой бы характер она ни принимала, а в том, ради чего та или иная вера используется, вернее, эксплуатируется.

Наверное, пришло время «указать людям... и другие, нерелигиозные смыслы» [35]. И в этом должна принять участие и психологическая наука. «Ведь «научному анализу уже доступен весьма широкий спектр синхронизаций: ген – клетка – орган – организм – индивид – личность – социум – культура» [41].

Надо все сделать, чтобы греческое название человека *антропос* (устремленный ввысь, к духовности) не было забыто, как не должно быть забыто и то, что духовность не исчерпывается религиозностью, а потому можно думать о существовании духовности нерелигиозной, светской или просто человеческой, которая ответственна за сохранение здоровья человека, является условием и характеристикой личностного развития и роста.

Человек не может быть самим собой, если он не перерастает самого себя (Антоний Сурожский). О.С. Васильева, говоря о критериях духовного здоровья и факторах, на него влияющих, относит к ним «расширение

сознания за пределы человеческого тела, за пределы Я; нахождение оптимального индивидуального баланса между сиоминутным и вечным, материальным и духовным» [2. С. 13]. Если же человек не отрывается от земного и телесного, «не перерастает себя» или, оторвавшись, не «возвращается к телесному и земному», то это признаки духовного нездоровья. Здоровье выступает как показатель, характеризующий личность в ее целостности, как необходимое условие интеграции всех составляющих личности в единую Самость [3. С. 277]

В этой связи справедлива мысль о том, что «принципиален поиск интегрального определения личности» и о том, что «личность может быть определена в качестве индивидуального человека, проживающего глубинную, осознанную и деятельную жизнь, обладающего устойчивым духовно-телесно-психически-практическим единством, развивающегося в ценностных отношениях к миру природы, культуры, общества, другого человека, занимающего единственное место среди людей, соотносящего собственное Я с другими Я, живущего в смысловом и деятельном диалоге с множеством других и открывающего в нем свою индивидуальность» [34. С. 5].

Мы солидарны с В.М. Розиным [37, 38], который говорит о необходимости «духовной навигации» для каждого человека, в том числе и для тех, кто не религиозен, кто «обходится без этой гипотезы». Новый человек – это человек не просто конституирующий себя, а человек, вставший на путь «духовной навигации». Духовная навигация – это наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь.

Именно в свете указанных выше представлений следует, например, направить поиски решения проблемы отношений между наследственностью и средой в их влиянии на развитие человека и его здоровье. О «трудностях проведения грани между влиянием наследственности и культуры» пишет и Г. Крайг [19. С. 141]. Сегодня бурно развивающиеся когнитивные науки (и психология в том числе, переживающая свой «второй когнитивный поворот»), направляющие свои усилия, в том числе и на проблемы взаимодействия наследственности и среды, должна, на мой взгляд, направить эти усилия не только и не столько на выявление и активизацию когнитивных возможностей мозга и человека, сколько на то, чтобы выяснить, в какой мере «мозг может стать личностным», а человек – духовным. Иначе говоря, когнитивные науки и психология (антропологическая психология!)

должны быть озабочены поисками новых знаний не только и не столько о человеке, способном познавать, мыслить / думать, быть креативным, сколько о человеке мотивированном познавать, мыслить / думать, не бояться это делать и генерировать новые идеи, их активно пропагандировать и реализовывать даже вопреки сопротивлению среды, т.е. быть человеком флексибильным (неофилом) [9, 11, 12].

По мнению И.В. Равич-Щербо и соавт., «одним из достижений психогенетики по праву можно считать признание того факта, что генетическое отнюдь не означает неизменное» [29. С. 363]. Коли так, то, видимо, можно и надо говорить об индивидуальной траектории развития человека, т.е. о возможности пройти между диктатом наследственности (биологического) и диктатом социума, культуры (социального). В этой связи уместно напомнить мнение В. Франкла о том, что «человек не столько зависит от наследственности или от среды, сколько от самого себя». Он в данном случае как бы выступает и против диктата наследственности, биологического, и против диктата социума. Он говорит о «человеческой, внутренней, духовной свободе». «Разве не существует духовной свободы, самоопределения, отношения к заданным внешним обстоятельствам? Неужели человек действительно не более чем продукт многочисленных условий и воздействий, будь то биологические, психологические или социальные?» [37. С. 92]. Он считает, что «на эти вопросы есть ответы как фактические (на моем опыте), так и принципиальные». «Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом» [Там же. С. 93–94].

Именно духовная составляющая целостного человека дает возможность ему проявлять духовную свободу в отношении среды и наследственности, оказывать сопротивление их диктату. Об этом сопротивлении, роли духовности человека в этом сопротивлении, возможностях и его вариантах или уровнях мало что известно и мало говорится в генетических и психогенетических исследованиях. Обычно речь идет об отношениях, взаимодействии, взаимосвязях и огромная статистика корреляций. Мы считаем, что, находясь между «молотом и наковальной», т.е. наследственностью и средой, человек, благодаря своим духовным возможностям и стремясь построить индивидуальную траекторию развития, решает проблему взаимодействия наследственности и среды, идя на компромиссы и формируя стратегии преодоления (пластические операции, компенсаторные и защитные механизмы и многое другое).

Ницше утверждает через пророка Заратустру, что «человек есть нечто, что должно превозмочь». И в этом превозмогании, выходе за пределы, размыкании исторических, культурных, индивидуальных границ получает смысл само понятие человека, обосновывается вся антропологическая проблематика [25].

Человеческая натура – страсти человека и тревоги его – это продукт культуры; по сути дела, сам человек – это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей. Сама природа человека предполагает наличие ряда потребностей, которые должны быть удовлетворены, и среди них – потребность в трансцендентализации, творчестве как способе выйти за собственные рамки, превратить себя из объекта в субъект творчества. Потребность в трансцендентном может быть удовлетворена либо через творчество, либо через разрушение, но лишь творчество дает радость, в то время как деструкция причиняет страдания себе и другим. [38. С. 190]. От ирридиско-го – к ноэтическому и обратно – это путешествие в поисках предмета психологии – некоей психологической реальности, сущности этой реальности, а также путешествие в поисках человеком самого себя [7].

Литература

1. *Богданов А.А.* Собрание человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 2. С. 106–115.
2. *Васильева О.С.* Образование в сфере здоровья как стратегическое направление психологии здоровья // Психология в вузе. 2010. № 6. С. 5–17
3. *Васильева О.С., Филатов Ф.Р.* Психология здоровья человека. М. : Академия, 2001.
4. *Выготский Л.С.* О психологических системах // Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М. : Педагогика, 1982.
5. *Выготский Л.С.* Moral insanity // Собр. соч. М., 1983. Т. 5. С. 150–152.
6. *Гостев А.А.* О проблемах становления религиозно ориентированного психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 35–45.
7. *Гроф Ст.* Духовный кризис. Статьи и исследования. М. : МТМ, 1995.
8. *Залевский Г.В.* Введение в клиническую психологию : электрон. ресурс. Томск : ИДО ТГУ, 2006.
9. *Залевский Г.В.* Личность и фиксированные формы поведения. М. : ИП РАН, 2007.
10. *Залевский Г.В.* Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М. : Изд-во ИП РАН, 2008. С. 314–340.
11. *Залевский Г.В.* От «демонической» до «био-психосоциально-этической» модели психического расстройства // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 57–64.

12. *Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В.* Антропологическая психология: биопсихосоциоэтическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
13. *Залевский Г.В.* Введение в клиническую психологию. Томск : Изд-во ТГУ, 2010.
14. *Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В.* Здоровье в структуре системы ценностей студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2011. № 38. С. 20–24.
15. *Знаков В.В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психол. журнал. 2005. Т. 26, № 1. С. 18–28.
16. *Иванченкова Г.В.* «Христианская благодатная психология»: как бы с религией и как бы с психологией // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 53–57.
17. *Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005.
18. *Кондратьев В.М.* Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 65–73.
19. *Крайг Г.* Психология развития. СПб. : Питер, 2002.
20. *Кузьмина Ю.В.* Программа психологического сопровождения беременных женщин в контексте биопсихосоциоэтической модели беременности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 113–115.
21. *Кузьмина Ю.В.* Самооценка уровня здоровья и образа жизни студентов во взаимосвязи с биосоциальными факторами и личностными ресурсами : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2011.
22. *Леонтьев Д.А.* Кесарю – кесарево // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 58–63.
23. *Леонтьев Д.А.* Упрямство духа. Предисловие. В. Франкл: Сказать жизни «Да». М. : Смысл, 2008. С. 5–10.
24. *Лоргус А.В.* Психология – с религией или без нее? // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 58–64.
25. *Майков В.В.* Становление трансперсональной психологии // Психология с человеческим лицом. М. : Смысл, 1997. С. 30–39.
26. *Морозов С.М.* Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л.С. Выготского : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
27. *Никифоров Г.С.* Психология здоровья. СПб., 2002.
28. *Пономаренко В.А.* С верой в науки о человеке // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 64–74.
29. *Равич-Щербо И.В и др.* Психогенетика. М. : Аспект-Прогресс, 1999.
30. *Роговин М.С.* Введение в психологию. М. : Высшая школа, 1969.
31. *Розин В.М.* Психология и христианство: автономия, объединение или коммуникация? // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 74–89.
32. *Розин В.М.* Еще раз о возможности православной, святоотеческой психологии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 113–120.
33. *Слободчиков В.И.* Христианская психология в системе психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 90–97.

34. *Старовойтенко Е.Б.* Парадигма жизни в персонологии // Психология. 2010. Т. 7, № 1. С. 3–17.
35. *Ушакова Т.Н.* От редколлегии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 5.
36. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990.
37. *Франкл В.* Сказать жизни «Да». М., Смысл, 2008.
38. *Фромм Э.* Догмат о Христе. М., 1998.
39. *Чико Де Т.* Найти Я в психологии, духовности и религии. //Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 46–52.
40. *Шелдрейк Р.* Семь экспериментов, которые изменяют мир. София, 2004.
41. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
42. *Engel G.L.* Die Notwendigkeit eines neuen medizinischen Modells: Eine Herausforderung der Biomedizin // H. Keupp Normalitaet und Abweichung. Muenchen : Urban, 1979.
43. *Engel G.L.* The clinical application of the biopsychosocial model // American Journal of Psychiatry. 1980. № 137. P. 535–544.

СОДЕРЖАНИЕ

Том первый

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МНОГОГРАННОЙ ЛИЧНОСТИ <i>(А.Д. Карнышев)</i>	3
ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА <i>(в соавт. с В.Г. Залевским)</i>	11
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ <i>(в соавт. с М.С. Роговиным)</i>	21
Предисловие	23
1. Гносеологические критерии в науках о психике	24
1.1. Вводные замечания	24
1.2. Предмет наук о психике	29
1.3. Объект наук о психике	30
1.4. Особенности субъектно-объектных отношений в науках о психике	35
1.5. Дуализм и монизм в науках о психике	40
1.6. Проблема установления места психологии в системе наук	44
1.7. Система понятий наук о психике	46
1.8. Объяснение в науках о психике	52
1.9. Верифицируемое и интуитивное познание психического	52
1.10. Разработка методологии психологического исследования	61
2. Методы наук о психике	72
2.1. Вводные замечания	72
2.2. Герменевтический метод	79
2.3. Биографический метод	88
2.4. Метод наблюдения	92
2.4.1. Пути развития теории наблюдения	92
2.4.2. Наблюдения в науках о психике	94
2.5. Метод самонаблюдения (интроспекции)	101
2.6. Клинический метод	111
2.6.1. Уточнение некоторых терминов и определение понятия клинического метода	111
2.6.2. Логика клинического метода	114

2.7. Метод эксперимента	123
2.7.1. Некоторые предварительные замечания к методу эксперимента	123
2.7.2. С какими целями проводят эксперимент	128
2.7.3. Коротко о видах эксперимента	137
2.7.4. Ограничения эксперимента как метода психологического исследования	138
2.7.5. Теоретические и практические пути развития эксперимента	140
3. Сравнительные исследования нормы и психической патологии	145
3.1. Понятие нормы и патологии как объективные характеристики индивидуальной психики	145
3.2. Структурно-уровневый анализ и установление психологических механизмов патологии	151
3.3. Патопсихологический эксперимент	166
3.3.1. Соотношение психиатрического (медицинского) и экспериментального патопсихологического исследования	166
3.3.2. Репрезентативность патопсихологического эксперимента	175
3.3.3. Эксперимент в изучении психологических механизмов патологии	183
3.4. Психологический анализ процесса сравнительного изучения нормы и психической патологии	188
Заключение	199
Литература	202
ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ И БЕЗГРАНИЧНОСТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ	215
АНТРОПОС – ЧЕЛОВЕК, УСТРЕМЛЕННЫЙ ВВЫСЬ (Целостно-ценностная парадигма в контексте антропологической психологии)	245

Научное издание

Залевский Генрих Владиславович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том первый

Ответственный за выпуск – К.Г. Шилько
Оригинал-макет А.Н. Мироновой
Дизайн обложки – А.В. Бабенко

Подписано к печати 22.01.2013 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 15,34.
Тираж 100 экз. Заказ № 287.

Отпечатано на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)–52-98-49

ISBN 978-5-9462-1383-7

9 785946 213837 >

